

С пользою для Отечества

12+

№ 1 (133)
Февраль 2023

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе...

А.С. Пушкин

Историко-краеведческий,
культурно-просветительский журнал
Выходит 6 раз в год

Директор ОГАУ ИД «Ульяновская правда»: А.В. Шишов
Главный редактор объединённой редакции
ИД «Ульяновская правда»: И.М. Арановская
Главный редактор журнала «Мономах»: О.Г. Шейпак
Дизайн и вёрстка номера: О.О. Тюльпа
Руководитель корректорского отдела: Н.В. Степченко

Редакционный совет:

И.И. Егоров, председатель редакционного совета, председатель
Счётной палаты Ульяновской области;
В.Н. Егоров, председатель Ульяновской историко-архивной
комиссии;
Е.К. Беспалова, председатель Совета отделения Российского
исторического общества в Ульяновской области, заведующая
научно-исследовательским отделом музея-заповедника «Родина
В.И. Ленина»;
Л.П. Баюра, главный научный сотрудник Ульяновского областно-
художественного музея, кандидат искусствоведения;
О.Е. Бородина, заведующая отделом развития, туризма и инфор-
мационных технологий Ульяновского областного краеведческого
музея им. И.А. Гончарова;
О.Н. Даранова, учёный секретарь Дворца книги – Ульяновской
областной научной библиотеки им. В.И. Ленина;
А.А. Долматов, старший научный сотрудник Музея А.А. Пластова;
М.В. Корепов, доцент кафедры зоологии УлГПУ им. И.Н. Ульяно-
ва, кандидат биологических наук;
Н.В. Липатова, доцент кафедры истории Отечества, регионове-
дения и международных отношений УлГУ, к.и.н., ведущий специ-
алист Центра стратегических исследований Ульяновской области;
Л.Н. Нецветаев, почётный архитектор России, доцент кафедры
АСП УлГТУ;
А.Г. Пашкин, директор Государственного архива новейшей исто-
рии, к.и.н.;
Г.В. Романова, заместитель директора – начальник отдела
использования и публикации документов Государственного архива
Ульяновской области;
И.Э. Сивопляс, научный сотрудник музея-заповедника «Родина
В.И. Ленина»;
Д.В. Травкин, председатель Ульяновского регионального отделен-
ия РГО, президент Ульяновского областного фонда «Региональ-
ная аналитика. Профессиональные исследования. Рейтинги»;
А.Ю. Шабалкин, ведущий архивист Государственного архива
Ульяновской области;
А.В. Шишов, директор издательского дома «Ульяновская правда».

Учредитель:

Правительство Ульяновской области
Издатель: ОГАУ ИД «Ульяновская правда»,
432048, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 11

Адрес редакции:

432048, Ульяновская область, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, д. 11
Тел. 8 (8422) 41-04-32
e-mail: 1994monomah@mail.ru
www.ulmonomah.ru

Издание зарегистрировано
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ № ТУ 73-00387 от 21.11.2014 г.
Цена свободная
Подписано в печать 01.02.2023 г.
Дата выхода 08.02.2023 г.
Формат 60x84 1/8; усл. печ. листов 7,44
Тираж 1500 экз. Заказ № 22

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Печатный двор». 432049, Ульяновская область,
г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, тел. (8422) 29-70-19,
e-mail: ul-pd@mail.ru

Содержание

Тема номера: Литература и просвещение	
Ольга Шейпак. Не померкнет свет добрый имён1	
«Издравле сладостный союз...»	
220 лет со дня рождения Н.М. Языкова2	
Софья Узбекова. Саратовские друзья и соседи Дениса Давыдова6	
Дарья Хомякова.	
Заволжские тайны в творчестве Алексея Толстого10	
О жизни долгой и счастливой.	
120 лет со дня рождения Г.А. Глинки14	
Ольга Шейпак.	
В Государственной думе и в закулисье ульяновской драмы17	
Руслан Есин. Славный сын татарского народа. Фахти Бурнаш21	
Современники воспринимали его как святого. Н.И. Ильминский22	
Ольга Григорьева. Любовь. Верность. Служение. И.Я. Яковлев25	
Елена Кувшинникова. «Доведите меня до берега...» В.И. Апраксин28	
Наталья Кожина. Неутомимый краевед. Н.А. Кузминский30	
Ирина Шкирдова-Агошко. Первый учитель. М.М. Сесина32	
Вячеслав Егоров. С любовью к читателям и книгам. Л.В. Ильина36	
Валерия Лосева, Ольга Бородина.	
Она любила жизнь во всех её проявлениях. Л.Ю. Ершова37	
Нина Боровлёва. Разговор о главном38	
Поиски и находки	
Николай Захарчев. Так ли стара Старая Майна?40	
На срезе времени	
Ирина Васильева: Разговор с Мирозданием44	
Владислав Ястребов. Ленинский мемориал.	
Заповедник непобедившего коммунизма48	
Владислав Ястребов. Что нового у «Горожан»?51	
Валентина Костягина. Радость творчества. М.М. Радонежский53	
Лев Нецветаев. Почему укатился каток?58	
С уважением к прошлому	
Нафанаил Николаев. Симбирская пленница60	

На обложке – фото Румии Лобиной.
Главные ворота в парк Усадьбы Языковых.
На обороте обложки – А.Е. Егупкин.
Пушкин и Языков в Языкове. Симбирск. 2008 г.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приня-
ты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достовер-
ность фактов несут ответственность авторы статей. Мнение авторов может
не совпадать с позицией редакции.
Перепечатка любых материалов без письменного согласия издателя запрещена.

Оформите подписку не выходя из дома:

– с помощью компьютера

на сайте podpiska.pochta.ru – с помощью смартфона по QR-коду:

Подписной индекс: ПА061

С 1 февраля 2023 г. «Почта России» объявляет
досрочную подписку на II полугодие 2023 г.

За 1 номер – 131,12 руб., за 6 номеров – 393,36 руб.

Редакционная подписка дешевле, в том числе для юридических лиц.

Стоимость подписки в редакции:

за 1 номер – 99,00 руб.

Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32. E-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам в г. Ульяновске:

ул. Пушкинская, 11, каб. 104 (тел. 8 (8422) 41-04-32);

ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;

пр-т Ленинского Комсомола, 41, ком. 412 (тел. 8 (8422) 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку
через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье», тел. 8 (991) 797-18-77.

Приобрести журнал в розницу

можно в киосках «Симбирская печать»,
в литературном музее «Дом Языковых» (ул. Спасская, 22),
в Музее А.А. Пластова (ул. Гончарова, 16),
в музее изобразительного искусства XX – XXI веков
(ул. Л. Толстого, 51),
в Ульяновском областном краеведческом музее им. И.А. Гончарова,
(б-р Новый Венец, д. 3/4)

23001 >

Не померкнет свет добрых имён

«Литература и просвещение» – так мы обозначили главную тему этого выпуска журнала.

2023 год изобилует юбилейными датами. Среди земляков-юбиляров много известных писателей и деятелей просвещения. Это, конечно же, Николай Михайлович Языков (1803–1847) – большой русский поэт, входивший в ближайший круг Александра Пушкина. 4 марта мы отмечаем 220-летие со дня рождения знаменитого земляка, а в день рождения А.С. Пушкина в Языковском парке – бывшем поместье дворян Языковых – пройдёт традиционный Всероссийский праздник поэзии.

10 января исполнилось 140 лет со дня рождения великого русского писателя Алексея Николаевича Толстого (1883–1945). Его жизнь и творчество тесно связаны с Симбирским краем. Собирая материалы для своих произведений, писатель изездил почти все уголки губернии. Литературную тему продолжает новое исследование Софьи Узбековой о мазинском периоде жизни Дениса Давыдова, когда его окружали близкие по духу люди – патриоты, участники Отечественной войны 1812 года.

В этом выпуске мы вспомнили и писателя-симбирянина Глеба Александровича Глинку, и его отца, знаменитого А.С. Глинку-Волжского. Впервые на страницах «Мономаха» прозвучало имя яркого представителя другой ветви Глинок – Якова Васильевича Глинки.

Есть такое понятие: доброе имя. За добрым именем – красивые дела, большие и маленькие. Каждый год уносит от нас дорогих людей, но память о них остаётся. Светом не вечерним согревают нас ушедшие недавно из жизни Людмила Владимировна Ильина и Лариса Юрьевна Ершова – просветители, литераторы, философы, краеведы и просто замечательные люди с добрыми именами.

Старанием и помощью неравнодушных людей, настоящих подвижников живёт «Мономах».

Дорогие наши читатели! От каждого из вас ждём писем, новых краеведческих открытий и простых житейских историй.

Ольга Шейпак

Мономах

220 лет со дня рождения Н.М. Языкова (1803–1847)

4 марта исполняется 220 лет со дня рождения нашего земляка Николая Михайловича Языкова (1803–1847) – известного русского поэта, славянофила, публициста и общественного деятеля. Он входил в ближайший круг Александра Пушкина. Ульяновцы гордятся тем, что Александр Сергеевич, подогреваемый горячим желанием встретиться с другом, в 1833 году побывал в Симбирске и в селе Языково Карсунского уезда, где находилось поместье дворян Языковых.

«Издравле сладостный союз...»

Николай Языков и А.С. Пушкин

Николай Языков родился (4 (16) марта 1803 года в Симбирске.

В 1814 году он поступил в Санкт-Петербургский горный кадетский корпус, затем учился в Институте инженеров путей сообщения, в Дерптском университете (1822–1829), но учебных заведений не окончил – увлёкся поэзией.

Весной 1819 года состоялся поэтический дебют Н. Языкова в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Его стремительно растущий талант сразу был замечен известными литераторами.

А.С. Пушкин в письме П. Вяземскому писал о Языкове: «Если уж завидовать, так вот кому я должен завидовать... Он всех нас, стариков, за пояс заткнёт».

Поэзия Н. Языкова отличалась искристым, звонким и блестящим стихом, она воспевала высокое гражданское служение, предания отечественной старины, весёлое студенческое братство.

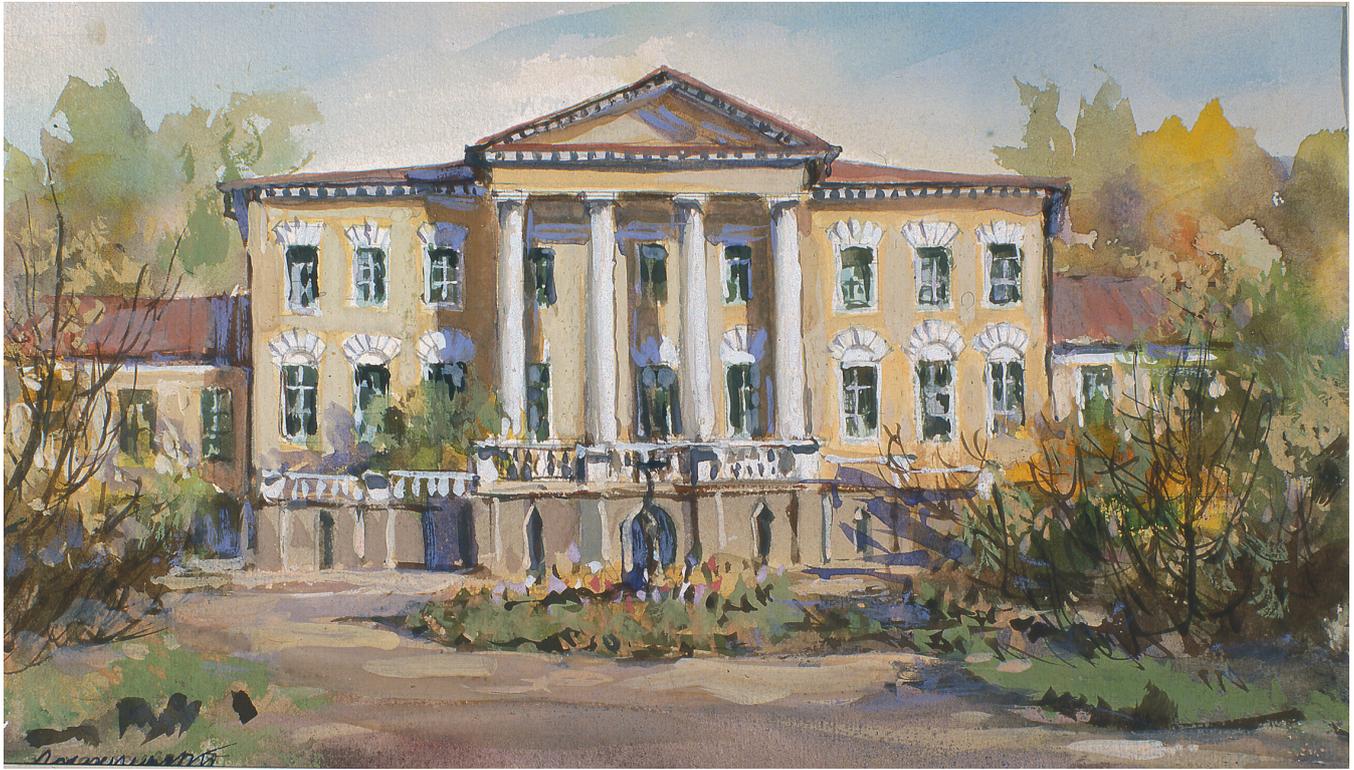
В 1822 году Николай Языков поступил в Дерптский университет. Он получал из дома колоссальное для студента содержание – по 500 рублей в месяц, но деньги быстро улетывали, и Николай Михайлович постоянно был в долгах. При нём состоял крепостной человек Иван Чухломский, который частенько пропадал в каба-

Л. Нецветаев. Поэты Пушкин и Языков. ДВП. Масло

ках, и его хозяин вынужден был сам заботиться о своём пропитании. Позже, в Москве, Языков уговорил Ивана получить вольную и на радостях устроил с друзьями пирушку.

В годы студенчества Языков прекрасно выглядел. Он был свежий, румяный, русокудрый молодой человек с голубыми глазами, рубаха-парень, очень добродушный и слабохарактер-

Д.И. Архангельский. Усадьба Языковых, с. Языково. 1928

ный. Один из университетских товарищей вспоминал: «Товарищи, из которых многие вовсе не были достойны его короткого знакомства, часто надоедали Языкову, но он никого не мог оттолкнуть, со всеми пировал и братался. Некоторые употребляли во зло его доброту, жили на его счет...»

Поначалу Языкова отталкивали кутежи дерптских студентов, но очень скоро он втянулся и с восторгом и упоением погрузился в разгульную жизнь. Студенческие пирушки подогревали его вдохновение и творчество.

Полней стаканы, пейте в лад!
 Перед вином благоговенье!
 Ему торжественный виват,
 Ему коленопреклоненье!
 Герой, вином разгорячён,
 На смерть отважнее стремится;
 Певец поёт, как Аполлон,
 Умея Бахусу молиться;
 Любовник, глядя на стакан,
 Измену милой забывает,
 И счастлив он, покуда пьян,
 Затем, что трезвый он страдает.

Разгульные песни Николая Языкова быстро сделали его популярным среди студентов. Друзья заучивали его стихи наизусть, а песни перекладывали на музыку и распевали хором. Сам Языков не любил читать своих стихов, но на пирушках, сильно подвыпив, соглашался, и тогда вокруг него воодушевлялись восхищённые слушатели. «В одной рубашке, –

вспоминает товарищ, – со стаканом в руке, с разгоревшимися щеками и с блестящими глазами, он был поэтически прекрасен». Многие песни Языкова надолго сделались популярными среди всего российского студенчества («Из страны, страны далекой», «Нелюдимо наше море», «Разгульна, светла и любовна» и другие). Время бесшабашного разгула на всю жизнь осталось для Языкова самым сладостным из всех его воспоминаний.

Приближалось 14 декабря – день восстания на Сенатской площади. Языков был не чужд вольных настроений. Некоторые из этих стихов были напечатаны Герценом и Огаревым за границей.

Я видел рабскую Россию:
 Перед святыней алтаря,
 Гремя цепями, склонивши выю,
 Она молилась за царя.

И всё же политика мало интересовала Николая Языкова. Он называл подобные стихи проказами.

В Дерпте поэт увлёкся Александрой Воейковой – она была племянницей и крестницей В.А. Жуковского, её часто называли Светланой, так как именно ей Василий Андреевич посвятил поэму «Светлана».

В дамском обществе Языков был очень застенчив. В стихах он пламенно воспевал Александрину – жену журналиста и дерптского профессора А.Ф. Воейкова. В их доме собиралось общество молодых людей, часто заха-

Александра Андреевна Воейкова

живал и Николай Языков. Его университетский товарищ и приятель Алексей Вульф вспоминал: «Бывало, недели в две придёт раз и наш дикарь Языков, заберётся в угол, промолчит весь вечер, полюбуется Воейковой, выпьет стакан чаю, а потом в стихах и изливает пламенную страсть свою к красавице, с которой и слова-то, бывало, не промолвит». Правда, в своих стихах поэт так же страстно воспевал и публичных красавиц.

Николай Языков был хорошо образован, прекрасно знал русскую и западноевропейскую литературу, тем не менее, отвлекаемый студенческими увеселениями, он за семь лет в университете так и не сдал нехитрых выпускных экзаменов.

Литературная слава досталась Языкову легко. Его высоко оценили Пушкин, Жуковский, Баратынский, Дельвиг. Критика тоже отнеслась благосклонно к его творчеству, редакторы литературных альманахов предлагали сотрудничество. В его стихах бурлила жизнь, они подкупали оригинальностью, неповторимостью красок, собственным стилем, свежей лексикой. Сам Николай Михайлович не без гордости говорил о своих стихах:

Им не закон – чужая мода,
В них нет заёмной чепухи
И перевода с перевода;
В них неподдельная природа,
Свое добро, свои грехи!

Его поэзия была смела, убедительна и оригинальна. В восторге от поэзии Языкова Пушкин писал из Одессы Дельвигу, что разделяет его надежды на большого поэта. Приехав в Михайловское, он усиленно стал через Алексея Вульфа звать Языкова посетить его и первый же обратился к самому Языкову с таким посланием:

Издrevле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе...
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани...
Я жду тебя...

Языков, как это ни странно, отнеслся к творчеству Пушкина холодно. Почти все отзывы его в письмах о Пушкине – иронические и даже отрицательные. По поводу первой главы «Онегина» он пишет: «Я не желал бы сочинить то, что знаю из «Онегина». Он мне очень, очень не понравился; думаю, что это самое худое из произведений Пушкина. Мы, русские, меряем слишком маленьким аршином умственные творения и думаем, что наша мера такая же, как у просвещённых народов. Как мало наше великое в современной литературе!» Об альманахе «Северные цветы» за 1826 год Языков пишет: «Стихи вообще плохи: нет ничего, на чем бы остановиться, – разумеется, выключая отрывок из Илиады». А ведь в этом выпуске были помещены отрывки из второй главы «Онегина» (характеристика Татьяны и заключительные строфы со знаменитым «Покамест упивайтесь ею...»)

Алексей Николаевич Вульф (1805–1881)

и рассказ старого цыгана об Овидии из «Цыган».

Получив дружеское, очень тёплое послание прославленного поэта, Языков долго не отвечал Пушкину. Наконец через полгода ответил любезным посланием:

Как тароватому царю
За чин почётный благодарен
Его не стоящий боярин,
Так я тебя благодарю...
Меня твоё благоволенье
Предаст в другое поколенье,
И сталь плешивого косца,
Всему ужасная, не скосит
Тобой хранимого певца.
Так камень с низменных полей
Носитель зевсовых огней,
Играя, на гору заносит.

Не умолчим о важной детали: стихотворение было переписано рукой Алексея Вульфа и довольно небрежно. Но Пушкин есть Пушкин! Он ответил Вульфу: «Послание Языкова – прелесть. В нём, после «тобой хранимого певца», стих пропущен. А стих Языкова мне дорог. Перешлите мне его».

Пушкин не уставал звать Языкова приехать, но тот всё никак не мог собраться – удерживали и застенчивость, и лень, и некоторые другие соображения: Языков побаивался ехать к ссыльному Пушкину. Брату он писал: «Пушкин меня зовет к себе – не знаю, что отвечать на это; ведь с ним вязаться лишь грех, суета».

И вот наконец летом 1826 года он собрался в Тригорское, имение матери Алексея Вульфа. Николай Языков прожил шесть недель в тесном общении с Александром Пушкиным. Лето было жаркое. Пушкин, Языков и Вульф почти не расставались, они были вместе то в Тригорском, то у

Пушкина в Михайловском. Спорили, читали стихи, гуляли, купались. После обеда и по вечерам из хрустальных бокалов распивали апельсиновый пунш, который собственноручно готовила друзьям «полувоздушная дева», семнадцатилетняя красавица Евпраксия Вульф. «Сестра прекрасно варила жжёнку, – вспоминает Алексей Вульф. – Сидим, беседуем, распиваем пунш. И что за речи несмолкающие, что за звонкий смех, что за дивные стихи то того, то другого поэта сопровождали нашу дружескую пирушку! Языков был страшно застенчив, но и тот, бывало, разгорячится, и что за стихи говорил он то за чашей пунша, то у ног той же Евпраксии Николаевны!»

Анна Николаевна Вульф

Кроме Евпраксии, была её старшая сестра Анна Вульф, которая, возможно, стала прототипом Татьяны Лариной¹. Анна была умна, понимала поэзию. Будучи впечатлительной и мечтательной натурой, она полюбила великого поэта сразу и навсегда, он же при ней волочился за её матерью. Анна очень страдала и не разделяла всеобщего веселья. Впоследствии она так и не вышла замуж.

Это было особенное лето, наполненное ярким солнцем и бурной радостью, молодой беззаботностью, смехом, девичьими улыбками, дружеским общением и стихами. До конца жизни и Пушкин, и Языков вспоминали лето 1826 года как самый счастливый период жизни. Эта встреча сыграла большую роль в творчестве Языкова. Сама личность Пушкина стала для Языкова на определённый период источником вдохновения.

В 1829 году Николай Языков, так и не сдав университетских экзаменов, покинул Дерпт и поселился в Москве. Сблизился с братьями Кире-

Современное состояние усадьбы Языковых

евскими, Баратынским, Погодиным, Михайлович, Шевыревым. Не раз виделся с Пушкиным. Весной 1830 года Александр Языков писал сестре: «Пушкин у Весселя (семейное прозвище Николая Языкова) часто бывает, он большой забавник и доставляет нам много удовольствия». В конце января 1831 года Языков вместе с Пушкиным, Вяземским и Баратынским справляли у Яра тризну по недавно умершему Дельвигу. Через три недели Пушкин накануне своей свадьбы устроил у себя мальчишник – прощание с холостой жизнью. В числе десяти ближайших друзей был и Языков.

После смерти Арины Родионовны в 1830 году Николай Михайлович откликнулся проникновенным стихотворением «На смерть няни А.С. Пушкина». В экспозиции музея-заповедника «Михайловское» хранится дубовая шкатулка-копилка с прорезью для монет. На внутренней стороне крышки – бумажная наклейка с надписью: «Для чёрного дня. Зделанъ сей ящик 1826-го года июня 15-го дня В: с...ъ». Шкатулка была подарена Языкову Ариной Родионовной летом 1826 года, а надпись, по легенде, сделал Пушкин и наполнил шкатулку монетами. Этот предмет вернулся в Михайловское благодаря потомкам Языкова.

В 1832 году Николай Михайлович уехал в Симбирскую губернию и прожил в деревне четыре года. Осенью 1833 года Пушкин дважды по-

бывал в родовом имении Языковых. В первый приезд, в отсутствие Николая Михайловича, он был гостем его брата Петра Михайловича. На ночлег Александра Сергеевича устроили в комнате на первом этаже, предназначенной для почётных гостей.

В.Н. Поливанов, осматривавший её в 1896 году, в своём очерке «Село Языково» рассказывал:

«Комната эта средней величины, с одним большим окном в сад, обставлена мебелью красного дерева, чёрной деревянной кроватью и в углу типичным украшением камина в форме усечённой колонны... Пушкин, не застав Николая Михайловича дома, вырезал ему алмазным перстнем на память на одном из стёкол окна своей комнаты своё имя». Драгоценный автограф долго сохранялся, а комната, где ночевал А.С. Пушкин, так и называлась – пушкинская. Возвращаясь обратно из поездки, А. Пушкин вновь заехал в Языково, где застал всех братьев.

Весной 1836 года Пушкин, гостя в Псковских краях, писал Языкову: «Отгадайте, откуда пишу к вам? Из той стороны, где ровно тому десять лет пировали мы троём, – вы, Вульф и я, – где звучали ваши стихи и бокалы с ёмкой, где теперь вспоминаем мы вас – и старину. Поклон вам от холмов Михайловского, от сены Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны, некогда полувоздушной девы, ныне белой жены, в пятый раз уже брюха-

той, и у которой я в гостях. Алексей Вульф здесь же, отставной студент и гусар, усатый агроном, тверской Ловлас, – по-прежнему милый, уже пере-шагнувший за тридцатый год».

Пушкин до конца жизни высоко ценил поэзию Языкова и питал к нему дружеские чувства, посвятил ему несколько посланий, призывал публиковаться в собственном журнале «Современник». Языков после личного знакомства как будто тоже почувствовал симпатию к Пушкину и в ряде стихотворений с тёплым чувством вспоминал о нём, но о творчестве великого поэта по-прежнему отзывался со скепсисом.

В конце 1830-х годов у Языкова усилилась тяжёлая болезнь, явившаяся следствием разгульной студенческой жизни. Началось медленное угасание. Языков уехал за границу, там провёл пять лет. В 1841 году на водах в Гану познакомился и подружился с Гоголем. Осень и зиму 1842 года они прожили в Риме. В зарубежных стихах Николая Языкова наряду с мастерски написанными стихами о природе встаёт образ далёкой России. В марте 1840 года в Ницце было написано стихотворение «Графу Владимиру Алексеевичу Соллогубу», в котором поэт выразил свою любовь к родным с детства местам.

*Когда в чужбине я свою
Неугомонную тоску перетоскую
И чашу горькую допью,
В Симбирск я возвращусь,
в моё уединенье,
В покой родимого гнезда...*

Заграница мало помогла Языкову. В 1843 году он возвратился в Россию и поселился в Москве. Близо сошёлся со славянофильскими кругами, к учению которых тяготел уже давно. Поэтическая продуктивность Языкова слабла, писал он всё меньше.

7 января 1847 года (26 декабря 1846 года по ст. стилю) Н.М. Языков скончался. Он похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Ежегодно в июне в старинном Языковском парке в р. п. Языково, где располагалась усадьба Языковых, которую в 1833 году посещал А.С. Пушкин, проводится Пушкинский праздник.

¹ Исследователи утверждают, что образы Татьяны и Ольги сложились у Пушкина ещё до 1826 года, но почему-то умалчивают, что первое знакомство поэта с Анной состоялось в 1817 году в Михайловском, после чего она первая призналась поэту в любви и между ними завязалась переписка, пик которой пришёлся на 1825 год. В пользу этой версии говорит тот факт, что сёстры Вульф по возрасту подходят для описания Ольги и Татьяны, а именины Евпраксии совпадают с Татьяниним днём.

Саратовские друзья и соседи Дениса Давыдова

В июне 1829 года отставной генерал-майор Денис Васильевич Давыдов вместе с многочисленной семьей переселился из шумной Москвы в усадьбу жены в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии. Симбирское имение Давыдовых на юго-востоке граничило с сёлами Хвалынского уезда Саратовской губернии. Уезд был образован в 1780 году в составе Саратовского наместничества в результате реформы Екатерины Великой. Проживая на границе с этой губернией, Д.В. Давыдов не раз бывал в окрестных местах и в самом Саратове. Какие отношения сложились у Давыдова с соседями из Саратовской губернии? И что в этих степных местах могло наполнять жизнь Дениса Васильевича Давыдова, отдалённого от армии и столицы, когда «судьбу... попрали сильные»?

Д.В. Давыдов. Худ. Лангер. 1820-е годы

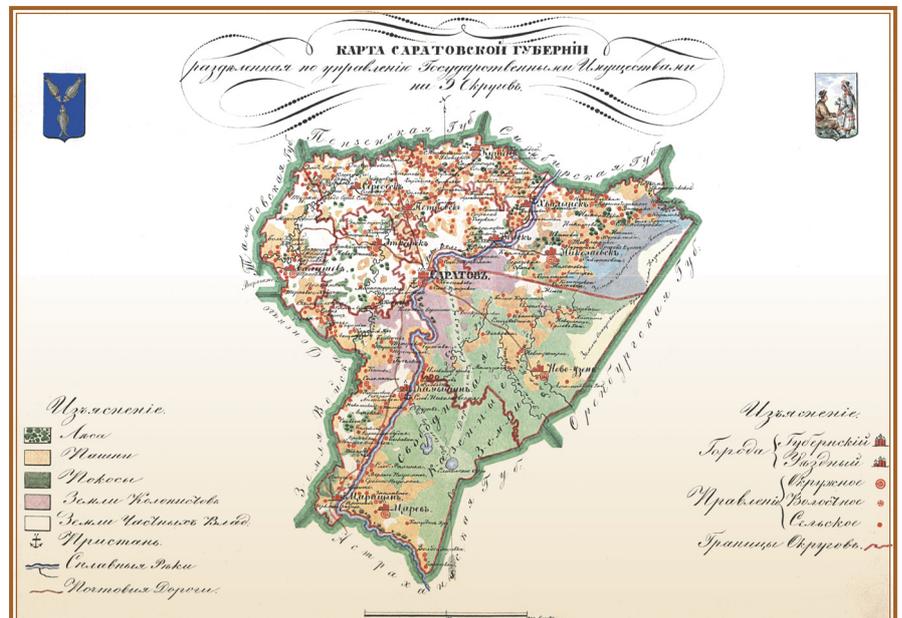
Прежде всего, ежедневный литературный труд. Работа над статьями и мемуарами, чтение и анализ получаемых от издателей и друзей новых книг, журналов, почтовая переписка, охота на волков, лис и зайцев, семейные, хозяйственные заботы, долгожданные выезды в ближайшие города – всё это довольно занимало и увлекало отставного генерала и литератора Давыдова в степном поволжском селе. С самого начала понимая своё «ссылочное положение» и при этом как будто нарочно бравируя, 27 июля 1832 года он так написал другу-поэту, участнику Бородинского сражения князю Петру Андреевичу Вяземскому: «Твои письма везде благодать, а в пустынях – манна небесная. Нельзя ли в Мазе хотя бы помазать меня по губам этой манной, друг любезный? Поверить не можешь, как после шума оружия и серного запаха сельское безмолвие и чистый воздух упоительны!.. Где это честолюбие девалось, черт знает! Жена да дети – пицца душевная, а для лакомства – книги, бумага, перо и чернила, охота псовая и ястребиная, и все это приправленное счастьем дальнего соседства, куда, однако, я изредка езжу и где нахожу таких оригиналов, о которых не имеют понятия в столицах...»

Страсти Дворянской Терешки. Карл Копиш

Ближайшее к давыдовскому имению саратовское село Дворянская Терешка («Дмитриевка тож») возникло при речке Терешке в первой половине XVIII века. В то время раздача «государевых дикопорозших земель» часто производилась по одной грамоте несколькими служилым лицам из отличившихся казаков и солдат, поэтому в одном селе оказывались до двадцати двух мелкопоместных владельцев.

Денис Давыдов довольно живо описал князю Вяземскому некоторые из этих оригиналов: «Как досадно мне, что ты не пишешь комедий! У меня под глазами случилось чудесное обстоятельство. В 10 верстах от моей деревни есть село, называемое Дворянская Терешка (село Хвалынского уезда Саратовской губернии, ныне р. п. Радищево Ульяновской области. – Авт.) в этом селе живёт целая колония мелкопоместных дворян, или, как на выборах называют их, малодушных дворян, между ними есть один отстав-

Карта Саратовской губернии. 1843

ной гусарский майор Копиш, у которого душ до 10 крестьян. В этот голодный год он рассудил весьма благородно и естественно кормить их на свой счёт, не полагая, чтобы из этого могла возникнуть какая-либо и от кого-либо ему неприятность. Что же вышло? Несколько дворян являются к нему с объявлением, что они хотят подать на него просьбу правительству как на неблагонамеренного человека, старающегося возбудить чёрный народ к бунту. Тот не понимает, спрашивает: когда, почему, отчего? и пр., и они ему толкуют так: у наших крестьян нет ни куска хлеба, мы ни зерна не даём им на пропитание, а вы своих кормите, знаете ли, какое это преступление? Знаете ли, какое последствие из этого выйти может, милостивый государь? Знаю, отвечает тот, последствие то, что мои крестьяне живы будут, а ваши или перемрут с голоду или разойдутся просить милостыни. – Нет, сударь, это ничего, это плевка стоит, а вот что: наши крестьяне, узнав, что вы своих кормите, а мы не кормим, взбунтуются, и этому причиною будете вы. Вы, сударь, бунтовщик, посягатель на спокойствие государства, язва государственная, стыд дворянского сословия, и мы сейчас идем писать на вас донос губернатору. – Какова выходка? Натурально тот продолжал кормить крестьян своих, а этим кто-то растолковал, что за такой донос им же будет плохо, и уговорил их оставить дело in statu... – тем и бал кончился».

Что мог знать генерал Давыдов о благородном и в своём роде оригинальном соседе – гусарском майоре Карле Копише? Во время редких визитов в Верхнюю Мазу ветераны войны могли непринуждённо делиться воспоминаниями о военных сражениях 1812–1814 годов, участниками коих были сами. Вероятно, из бесед со скромным майором Давыдову стали известны такие детали его биографии, как начало службы в 1807 году в Лубенском гусарском полку, участие в июле 1812 года в сражении под городом Кобрином, где русскими войсками была одержана первая крупная победа в Отечественной войне.

Может быть, Карл Антонович Копиш упомянул, что за участие в кампании 1812 года пожалован серебряной медалью на голубой ленте, а на маневрах в городе Вертю ему было объявлено Высочайшее благоволение. Наверняка рассказывал со-

Памятник победе 1812 года под г. Кобрином (ранее – Гродненской губернии, ныне – Брестской области Белоруссии)

седу о своём участии в заграничных походах до Франции и обратно, о том, как он в 1827 году был уволен от службы майором (за раной), с мундиром и пенсионом полного жалования и именован «из дворян».

В Дворянской Терешке за отставным майором-гусаром как приданое жены числилось семнадцать мужских душ, сам он занесён в дворянскую родословную книгу Саратовской губернии. В семье росли сын Андрей и дочь Мария. Супруга Дениса Васильевича Софья Николаевна принимала семейство в своём доме, а когда у Карла Копиша умерла жена, Давыдовы взяли на себя труд по воспитанию его дочери Марии. В одном из писем (без даты) Денис Васильевич написал из Москвы: «Благодарю вас за поздравление с новым годом, любезнейший Карл Антонович, и вас также с тем же поздравляю. Про себя скажу вам, что я как-то привык к вашей стороне и страх как опять хочется в Мазу, в наши благословенные степи, что надеюсь исполнить в течение года, то есть к осени. У меня все дети были нездоровы общей здесь простудой, в том числе и ваша Машенька, но я всех вылечил, и теперь все на ногах». Поясним, что Денис Давыдов был сторонником гомеопатических средств лечения.

Факт участия Давыдовых в судьбе дочери Копиша подтверждается и в другом письме. 11 ноября 1837 года Денис Васильевич из Верхней Мазы сообщил сыну Василию в Петербург: «Деревня обыкновенно скудна новостями. Разве уведомишь тебя, что Александр Васильевич Воробьев наш, женихом, и в генваре женится на Юлии Сергеевне Сумароковой и что Машинь-

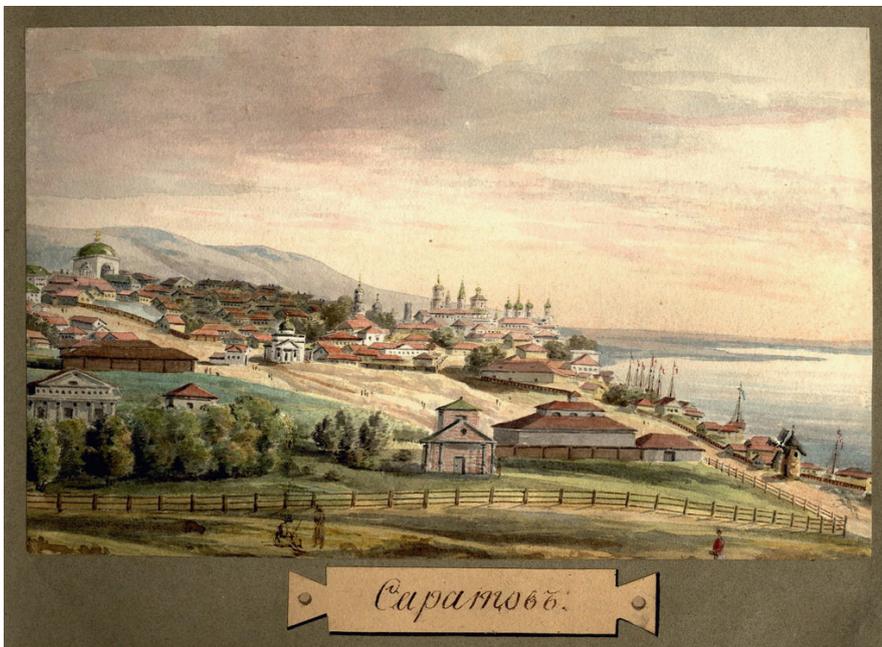
ка Копиш вот уже две недели как в Хвалынске на балах танцует и сделалась хвалынской Талиони».

Свадьба в Саратове. Афанасий Столыпин

С первых дней жизни Давыдовых в селе Верхняя Маза одним из самых активных авторов писем по-прежнему оставался давний и верный друг – князь П.А. Вяземский. В письмах друзья искренне делились литературными новостями, творческими планами, семейными событиями, обсуждали происходящее в столицах. Благо, к этому времени Пётр Андреевич два года подряд подолгу бывал в имении своей жены в селе Мещерском Сердобского уезда Саратовской губернии (ныне Пензенской области).

Как показывает письмо, написанное Денисом Васильевичем незадолго до переезда в Верхнюю Мазу, друзья планировали вместе поехать по Саратовской губернии. Это намерение было осуществлено, и Давыдов с Вяземским навестили много общих знакомых. Позже, 30 декабря 1829 года, Денис Васильевич написал Петру Андреевичу: «Ты увидишь у Жуковские какие-то полуэлегические, полуанакреотические куплеты и отгадаешь, для кого они сделаны (речь о стихотворении «Душечка», посвященном симбирской помещице С.А. Кушкиной. – Авт.). Я бросил их на бумагу по приезде моем из Саратова после второго моего наезда (первый был при тебе)».

Давыдову приходилось заезжать в Саратовскую губернию и по хозяйственным делам. В письме жене из Пензы в Мазу читаем: «12 июля. Милый мой друг! Я на третий день

Саратов. 1830 г. Акварель неизвестного художника

моего приезда сюда отправился с Колокольцевым в Саратовскую губернию, в Балашовский уезд для осмотра участков имения гр. Разумовского, которое все осмотрели с ног до головы; там Колокольцев меня оставил, и я на возвратном пути в Пензу осмотрел имение Рахманова и заезжал к Бекетову <...>. Ты видишь, что я погружен весь в отыскание имений, достойных покупки. Разумовского участки мне и Колокольцеву очень понравились, но главный недостаток их в том, что сбыт хлеба затруднителен, ибо оно от Саратова в 180-ти верстах <...>. Если Зиновьевка (Колощина) не понравится мне и имение Облезовой также, то лучше подождать. Кто нас гонит?»

Среди поволжских оригиналов Давыдов знал, по его собственному выражению, «несколько людей хороших и даже приятных». К их числу можно отнести ветерана наполеоновских войн Афанасия Алексеевича Столыпина – брата бабушки Лермонтова Е.А. Арсеньевой. На его свадьбу Давыдов получил приглашение, о чём 30 декабря 1829 года сообщил Вяземскому: «Я еду к 15 генварю в Саратов на свадьбу Столыпина, а оттуда, может быть, проеду в Москву недели на две, вот мои прожекты». А в письме от 29 января 1830 года Давыдов также уведомил друга: «Я был недавно в Саратове на свадьбе Столыпина».

Венчание Афанасия Алексеевича Столыпина и Марии Александровны Устиновой состоялось 12 января 1830 года в саратовской Нерукотворно-Спасской церкви. Поручителями со стороны жениха были его старший брат Александр, также саратовский губернатор князь Александр Борисович Голицын. Своими впечатлениями

Афанасий Алексеевич Столыпин

об этом событии Д.В. Давыдов немедленно поделился с женой, в письме в Мазу он написал следующее: «12-го, т. е. воскресенье, наконец мы женили нашего Столыпина. Надобно было видеть, в каком смятении он был перед тем, как ехать в церковь и даже под венцом; когда благословляли его, он плакал, наконец, обвели кругом аналоя, и он прояснился и теперь как медный грош. Она была так хороша под венцом, что чудо! И все улыбалась, хотя глаза были опущены к земле. После венца мы все ужинали у молодых – за столом было 75 человек. Приезжих приятелей, друзей и родни отовсюду...»

Свадебное торжество состоялось на Покровской улице в доме отца невесты – «первенствующего купца» Саратовской губернии Михаила Андриановича Устинова. Здесь Д.В. Давыдов как почётный гость познакомился с отставными полковниками Арсеньевыми – двоюродными и троюродными дядьями Михаила Лермонтова и

многими другими ветеранами Отечественной войны 1812 года.

Что же так тесно связывало Д.В. Давыдова и А.А. Столыпина? В первую очередь то, что потомственный дворянин Афанасий Алексеевич был боевым офицером. Он участвовал в военных кампаниях 1806–1807 годов, был ранен и награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Отечественную войну встретил в чине поручика командиром батареи в армии М.Б. Барклая-де-Толли. На Бородинском сражении после контузии командира командование артиллерийской ротой перешло к Столыпину, рота успешно отразила несколько атак французской конницы. За отличие при Бородине награждён золотой шпагой с надписью: «За храбрость». Поправив здоровье, штабс-капитан Столыпин вновь вернулся в строй. Однако, несмотря на боевые заслуги, Столыпин был обойдён производством в следующий чин. В январе 1817 года он вышел в отставку («за раню») в прежнем чине штабс-капитана. После похорон отца поселился в селе Лесная Нееловка – в 95 верстах от Саратова, а на зиму переезжал в город. Во-вторых, точно так же, как и в Денисе Давыдове, в Афанасии Столыпине ярко проявилась склонность не искать власти, но, сколько возможно, противиться ей. Однажды Столыпин помог в побеге двух крестьянских девушек саратовского помещика Чемесова, укрыв их, а затем выдал замуж, за что против него было возбуждено дело, известное не только в губернии, но и правительствующему сенату и Синоду и даже самому государю императору. Позднее, вопреки существовавшему тогда общепринятому взгляду на артистов, как на людей, стоящих в самом низу общества, он разрешил труппе Медведева, лишившейся помещения, давать спектакли в здании Дворянского собрания. Это было настолько неслыханно, что очень многие дворяне были крайне возмущены таким поступком, а некоторые даже сделали его личными врагами. И всё же благородный и честный Афанасий Алексеевич Столыпин в 1927 году был избран предводителем дворянства Саратовского уезда.

Денис Давыдов был очень рад, что такая родственная душа живёт недалеко от его симбирского имения. Поэтому на эту «свадебную» встречу поэт захватил одно из своих послед-

них произведений – элегию «Бородинское поле». Давыдов вчерне написал её в Мазе ещё в ноябре 1829 года. Тогда же отправил Евгению Баратынскому и Петру Вяземскому, по его словам, «не для того, чтобы хвалили, а более для того, чтобы их бранили и изъявили бы мнение, где в них что надо исправить и как исправить».

И авторская приписка «Саратов, 1830, 18 января» помогает представить, как в эти дни пребывания в Саратове Д.В. Давыдов прочёл своё стихотворение в кругу ветеранов войны 1812 года.

Встреча, которой не было. Михаил Лермонтов

Встречался ли Денис Давыдов с Михаилом Лермонтовым в Саратове? Ссылаясь на мемуары П.М. Медведева (известного театрального антрепренера второй половины XIX века), саратовский краевед и литературовед Л.И. Прокопенко в 1960-е годы утверждал, что среди гостей на свадьбе присутствовали «сестра Афанасия Столыпина Елиза-

М.Ю. Лермонтов.
Худ. П.Е. Заболоцкий. 1839 г.
Санкт-Петербург,
Литературный музей –
Институт русской
литературы РАН

вета Алексеевна с внуком Лермонтовым», и выразил уверенность в том, что на свадьбе Афанасия Столыпина состоялась встреча Михаила Лермонтова с Денисом Давыдовым. Исследователь привёл множество косвенных доказательств. Среди них – одноимённое лермонтовское стихотворение «Бородинское поле», которое, по его мнению, было написано юным поэтом под впечатлением рассказов А.А. Столыпина и прослушанной элегии Д.В. Давыдова; стихотворение «Чума в Саратове» 1830 года, тетрадь с найденными в 1875 году в Саратове лермонтовскими рукописями-автографами поэм и стихов. Однако версия о присутствии М.Ю. Лермонтова на свадьбе двоюродного деда и встрече с Д.В. Давыдовым до сих пор никакого документального подтверждения не нашла.

Незначай на долгую память. Павел Яковлев

В январе 1830 года в Саратове состоялась другая весьма значимая встреча двух современников: Дениса Давыдова и Павла Яковлева. Павел Лукьянович был старшим братом Михаила Яковлева, лицейского друга Александра Пушкина. По окончании Царскосельского лицея Михаил Лукьянович Яковлев занимал различ-

ные государственные посты, в том числе был сенатором. В то же время занимался музыкальными сочинениями. Павел Яковлев тоже не был лишён талантов.

Софья Николаевна Давыдова
(урожд. Чиркова). 1820-е годы

По окончании университетских курсов он служил в архиве коллегии иностранных дел, в Московском горном управлении, участвовал в экспедиции русской миссии в Бухару. В 1828–1830 гг. служил ревизором в Саратовской межевой конторе. Делал переводы, писал рассказы, фельетоны. Вернувшись из Саратова в столицу, Яковлев издал роман «Удивительный человек», изобилующий любопытными подробностями из быта помещичьей среды и событий Отечественной войны. В образе одного из героев (полковника-партизана) современники легко узнали Дениса Васильевича Давыдова. Павел Яковлев также был известным в своих кругах рисовальщиком. Он считается автором миниатюры жены партизана Софьи Николаевны Давыдовой (Чирковой). Работа ныне хранится в музее-заповеднике «Усадьба Мураново». В наборе открыток «А.С. Пушкин и его литературное окружение» среди 25 иллюстраций находится рисунок П. Яковлева, на котором изображён Д. Давыдов.

Софья Узбекова

(Продолжение читайте
в следующем выпуске журнала.)

Д.В. Давыдов. Рисунок тушью и акварелью П.Л. Яковлева.
Открытка из комплекта
«А.С. Пушкин и его
литературное окружение».

Вып. 2. М.: Гос. Лит. музей, 1939

Список источников и литературы

Письма поэта-партизана Д.В. Давыдова к князю П.А. Вяземскому. СПб, 1917
РГИА. Ф.1343. Оп. 51. Д.480. Л. 60-61.
Русская старина. 1891. т. LXXI, выпуски 7–9. С. 369–390.
ИРЛИ. Р I. Оп. 6. № 1.
РГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 66. Л. 104.
Межевая М.Н. П.А. Вяземский (1792 – 1878) // Русские писатели в Саратовском Поволжье. С. 37–44.
РГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 67. Л. 41–42, Л. 40

Пенькевич М., Тотфалушин В. «Послужить на общую пользу...»: Жизнеописание Афанасия Столыпина. Годы и люди. Вып. 7. Саратов, 1992.
РГАЛИ. Ф. 1061. Оп. 1. Д 1. Л. 5.
Подъем. Воронеж, 1964. № 5. С. 166–167.
Максимов Е. Встреча, которой не было. Лермонтов и Саратов // Саратовские вести. 2007. 20 окт.
Михаил Яковлев: биография одного из лучших друзей А.С. Пушкина [Электронный ресурс] URL: <http://fb.ru/article/278885/mihail-yakovlev> «Русская старина». 1903. Июль. С. 203–204.

140 лет со дня рождения А.Н. Толстого (1883–1945)

В этом году исполняется 140 лет со дня рождения Алексея Николаевича Толстого, писателя, чья жизнь и творчество тесно связаны с Симбирским краем. Окончив в 1901 году Самарское реальное училище, поступил в Петербургский технологический институт. В 1907 году покинул вуз, чтобы посвятить себя литературному творчеству. Первая проза опубликована в 1908 году. Во время Первой мировой войны был военным корреспондентом. В 1918–1923 годах жил в эмиграции. Автор социально-психологических, исторических, научно-фантастических романов, повестей, рассказов.

Заволжские тайны в творчестве Алексея Толстого

Алексей Толстой родился 10 января 1883 года (29 декабря 1882 г.) в г. Николаевске Самарской губернии (ныне г. Пугачёв Саратовской области). Его мать Александра Леонтьевна (1854–1906), урождённая Тургенева, родилась в Симбирской губернии, в с. Коровино (ныне Чердаклинский район), она приходилась двоюродной внучкой известному симбирскому декабристу Н.И. Тургеневу. Прежде чем рассказать о её знаменитом сыне, стоит напомнить драматичную историю жизни Александры Леонтьевны, которую называли Анной Карениной. У неё было пятеро детей, а вырастила только одного – Алексея, которого родила уже после развода. Старших детей отец не отдал и запрещал бывшей супруге видеться с ними.

А начиналось всё очень красиво. В 1868 году в Самару из Петербурга был выслан граф Николай Алексеевич Толстой, богатый и красивый молодой человек, но буян, игрок, дуэлянт. Увидев Александру Тургеневу, он влюбился. Она тоже не осталась равнодушной и приняла его предложе-

Граф Николай Толстой (1849–1900) – отец писателя

Александра Леонтьевна (1854–1906) – мать писателя

ние, несмотря на дурную репутацию жениха. В браке родилось четверо детей, но отношения не складывались. Граф с презрением относился к увлечению жены литературой и высмеивал её труды, запрещал публиковаться и даже даже стрелял в неё. Однажды на светском вечере Александра

• *Александра Бостром с сыном Алексеем*

• *Алексей Бостром (1852–1921) – отчим писателя*

Леонтьевна познакомилась с Алексеем Аполлоновичем Бостромом, бедным чиновником из Николаевска. Их объединили общие интересы и взгляды на жизнь. Александра была беременной пятым ребёнком, но это её не остановило – она решила бежать и отправилась вслед за избранником в Николаевск. Граф настиг беглецов в поезде и стрелял в соперника. Суд оправдал брошенного мужа, а общество осудило новую Анну Каренину. Ей было запрещено вступать в новый церковный брак (фамилию Бостром она носила неофициально). Дети остались с отцом.

Всю силу любви к оставленным детям она выражала в детских книгах. Несомненно, Александра Леонтьевна была талантливым писателем и обладала лёгким пером. Её литера-

турные труды были большим подспорьем для небогатой семьи. Когда её любимый сын обнаружил литературные способности, мать была счастлива. Она всячески одобряла его первые опыты.

Впервые Алексей Толстой побывал в Симбирском крае в апреле 1899 года. Волга в тот год вскрылась рано, и Александра Леонтьевна, пользуясь весенними каникулами, повезла 16-летнего сына на свою родину – в Симбирск. Они выехали в Тургенево, где жила родная сестра матери писателя, Мария Леонтьевна Тургенева. Мать и сын побывали у князей Хованских и Шишковых в селе Архангельское, у Наумовых в селе Головкино – все они приходились матери роднёй.

Здесь природа: речки, озёра, рощи и холмы – всё поразило воображение юноши, он был полон впечатлений. На этом фоне оригинальные личности родных и новых знакомых смотрелись особенно выразительно. Так зародились первые рассказы Алексея Толстого.

Лето 1900 года Толстой провёл в селе Бригадировка (ныне Мелекесского района). В имении близких знакомых Тресвятских он познакомился с Юлией Рожанской. Закрутился бурный, страстный роман.

Юлия, дочь самарского врача Василия Михайловича Рожанского, была на 2,5 года старше Алексея.

• *Алексей Толстой во время учёбы в реальном училище. 1898*

Пылкий юноша быстро увлекся и легко очаровывал дам. Так что роман развивался стремительно. Алексей и Юлия были совершенно разными и по характеру, и по интере-

сам. В 17 лет Алексей обладал широким кругозором, увлекался философией, много читал, любил Тургенева, Лермонтова, Гоголя. Юлия же была обыкновенной уездной барышней и считалась красавицей.

После окончания реального училища Алексей целое лето провёл с Юлией на даче у её родителей в селе Хвольнь Саратовской губернии. Венчание состоялось 3 июня 1902 года в церкви села Тургенево. Правда, биографы считают срок жизни супругов с 1901 по 1907 год.

Историю своей первой любви он описал в повести «Жизнь», где Юлия выступила прототипом героини Гали. 3 января 1903 года у молодых супругов родился сын Юрий. Алексею было 20 лет, он был студентом, много времени посвящал литературе: писал, ходил на литературные вечера и спектакли. Юлия сидела дома с ребёнком. Когда муж возвращался домой, она встречала его с упрёками. Начались ссоры. Молодая мама приняла нелёгкое решение – отдала младенца в Самару на попечение родителей. Вскоре младенец умер.

Различие взглядов развело супругов в разные стороны. Надо признать, Толстой очень дорожил своей свободой и был не готов к серьёзным отношениям.

В середине 1905 года Алексей вместе с Юлией провели два месяца в доме Рожанских в Казани. Через несколько месяцев Толстой один уехал в Дрезден. Он хотел продолжить учёбу в Саксонской высшей технологической школе. В Дрездене он знакомится с молодой замужней дамой Софьей Исаковной Дымшиц. И опять последовал пылкий роман. Опытная Софья Исаковна предложила ему проверить свои чувства и для этого отправиться с Юлей в заграничное путешествие. Оно закончилось быстро – Алексей Толстой вернулся в Петербург без жены.

Юлия Васильевна тяжело переживала разрыв. Позже она вышла замуж за богатого купца Смоленкова, который был старше её на 16 лет. Много лет спустя её пасынок Николай (семья после революции жила в Риге) так объяснял причину разрыва Юлии Рожанской и Алексея Толстого: «Они не совпадали по характеру. Общительный Алексей Толстой, любящий богемную суету, и спокойная, уравновешенная домоседка Юлия Васильевна».

Алексей Толстой с первой супругой Юлией Васильевной. 1903

Так была закрыта первая страница личной жизни Алексея Николаевича Толстого.

Яркие впечатления от симбирских типажей заставили его вернуться на родину матери в 1913 году. Писатель объездил дворянские поместья своих родственников и знакомых в сёлах нашей губернии (ныне Майнский, Тереньгульский, Вешкаймский районы). В 1918 году посетил с. Криуши (Майнский район), Старую и Новую Ерыклу (Тереньгульский район), неоднократно бывал в Симбирске. Полученные впечатления нашли своё отражение в ранней прозе: «Хромой барин», «Заволжье», «Неделя в Тургенево», «Приключения Раствёгина», «Касатка».

«Это были рассказы моей матери, моих родственников об уходящем и ушедшем мире разоряющегося дворянства, – говорил он на курсах молодых писателей. – Мир чудачков, красочных и нелепых...»

Приезжая в Симбирск, Алексей Толстой обычно останавливался в Троицкой гостинице (ныне ул. Спасская, 10, теперь здесь распо-

ложено министерство искусства и культурной политики Ульяновской области), где проживали заезжие помещики. Он любил посещать театр, городские парки, ходил в гости. Гуляя по Венцу, вступал в беседы с простыми горожанами.

В повести «Заволжье» Толстой описал и бульвар Венец, и театр драмы, и Троицкую гостиницу. В 1923 году эта повесть была основательно переработана и названа «Мишутка Налымов». Главный герой – Михаил Михайлович Налымов – богатый помещик, хам, самодур, его боятся даже окрестные помещики. Он ненавидит крестьян и ведёт себя так, будто не было отмены крепостного права. В своей усадьбе Мишутка содержит гарем. Он сватается к дальней родственнице Вере Ходанской. Получив отказ, приходит в ярость. Вера безответно любит Сергея Репьёва, она вынуждена выйти замуж за его брата – Никиту Репьёва. Мишутка Налымов умирает от обжорства и пьянства. Чтобы отомстить Вере, он компрометирует её, оставляя всё состояние ей одной: пусть люди думают, что она

была его любовницей! Для главного персонажа писатель использовал черты характера дальнего родственника Тургеневых – Михаила Михайловича Наумова. Прототипами братьев Репьёвых послужили братья Шишковы – владельцы села Архангельское (имение Репьёвка) в Симбирской губернии¹. Завязка сюжета повести построена на взаимоотношениях Шишковых с одной из сестёр Тургеневых – Ольгой Леонтьевной. В 1882 году Ольга Леонтьевна вышла замуж за Николая Шишкова. Через год она умерла от скоротечной чахотки. Н.А. Шишков вторым браком был женат на Е.А. Хованской. Похожую фамилию носит героиня «Заволжья» Вера Ходанская. Одна из семейных фотографий была использована Толстым при описании брата и сестры Репьёвых – Ольги Леонтьевны и Петра Леонтьевича.

Герои пьесы «Касатка» (1916) живут между Мелекесом и Симбирском, а «Хромой барин» (1912) и «Неделя в Турене» (1909) построены, по словам писателя, на «хронике, собранной на Волге».

В основу повести «Неделя в Турене» положены события, разыгравшиеся в Турене в 1906 году. В героях повести легко угадывались прототипы, в частности двоюродный брат писателя Лёва Комаров. Он был сыном сестры матери Толстого – Варвары Леонтьевны и дипломата Николая Комарова. Лёва Комаров увлёкся пожилой дамой-куртизанкой, которая сломала судьбу многим юношам, приучив их к распущенности и алкоголю. Через некоторое время она его бросила, завела себе молодого любовника, а Лева сошёлся с известной камелией Машей. Любовь была бурной, ссоры между Лёвушкой и Машей иногда доходили до драк. Потом они перебрались в Москву – там продолжалось то же самое, пока Маша сама не оставила Комарова и не уехала в Петербург. Толстой хорошо знал всю эту историю и по рассказам тётушки, а также благодаря встречам с этой странной парой летом 1906 года в Самаре и в Турене, а затем осенью и зимой того же года в Москве, где Алексей Толстой

Леонтий Борисович Тургенев (1824–1895) – дед писателя

останавливался у Марии Леонтьевны. Через него Маша передала своё окончательное решение не возвращаться к Комарову. Тогда же Толстой записал её рассказ о своей жизни, о мечтах открыть модный магазин, разбогатеть и кутить. Так был обрётён будущий образ Насти в повести «Неделя в Турене». Несмотря на юный возраст, писатель уже тогда понял бессмысленность существования Машеньки и Лёвушки и сумел передать в раннем произведении своё отношение к ничемным людям.

Чуткий и зоркий наблюдатель, Алексей Николаевич рассказывал о запустении дворянских гнёзд. Без грусти говорил об утрате родового тургеневского имения Коровино в Симбирской губернии, ушедшего с молотка. Дед Леонтий Борисович Тургенев (1824–1895) разорился, в конце жизни ему негде было преклонить голову. Все его экономические эксперименты потерпели крах. Выправить положение Леонтий Борисович попытался через карточную игру и в итоге потерял всё. Его горячо любимая жена Екатерина Александровна не выдержала разорения и в 1892 году умерла. Леонтий Борисович недолго прожил после её ухода. В письме к дочери Александре он писал: «...я себя и спрашиваю, как мне-то устроиться, чтобы ни у кого не висеть на шее». Он принял решение уйти в

Симбирский Покровский монастырь, но почему-то купил маленький домик неподалеку от монастыря. Леонтий Борисович умер 20 июля 1895 года, предположительно, в Симбирске (вполне возможно, похоронен на кладбище Покровского монастыря).

Потеря родового имения натолкнула А.Н. Толстого на написание рассказа «Аггей Коровин», который был опубликован в петербургском журнале «Аполлон».

В 1910 году Алексей Толстой начал писать свой первый роман – «Чудаки» («Две жизни»). В сюжет были положены услышанные от матери и Марии Леонтьевны рассказы о жизни их деда генерала Багвута и о его второй ревнивой жене. Неудачный брак тётки писателя Варвары Леонтьевны с дипломатом Комаровым и другие тайны этой семьи легли в основу сюжетной линии Сонечки и Смолькова. Толстой жил в это время в Эстонии и для уточнения некоторых семейных историй, отправился в Самару и Симбирск чтобы воспользоваться семейным «музеем» Григория Константиновича Татарина в Войково.

Толстой привёз в Петербург довольно обширный архив своего деда Леонтия Борисовича Тургенева. «Теперь я целые дни занимаюсь разборкой и чтением его писем, нужных мне для второй части романа», – писал Толстой тётке Марье Леонтьевне.

После революции Алексей Николаевич Толстой не приезжал в наш город. Заволжский цикл, созданный на основе семейных архивов и фамильных преданий, стал главной ступенью для творческого восхождения писателя. Эти произведения составили важную часть его творчества.

На ранние рассказы А.Н. Толстого обратил внимание М. Горький – он увидел в молодом авторе крупного и сильного писателя.

Алексей Николаевич Толстой скончался 23 февраля 1945 года в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище. Память о выдающемся писателе дорога ульяновцам. В 2015 году Новомайнской библиотеке было присвоено имя А.Н. Толстого.

Дарья Хомякова

¹ Поместье ушло под воду Куйбышевского водохранилища. Ныне на берегу стоит село Архангельское Чердаклинского района.

Используемая литература

Оклянский Ю.М. Шумное захолустье. Куйбышев, 1965.
Петелин В. Заволжье. Москва, 1982. 7.
Семиотика страха. Сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2004.

Скобелев В.П. В поисках гармонии. Художественное развитие А.Н. Толстого 1907–1922 гг. Куйбышев, 1982.

Третий Толстой и его семья в русской литературе. Сборник научных статей. Самара, 2003.

120 лет со дня рождения Г.А. Глинки (1903–1989)

В этом году исполняется 120 лет со дня рождения писателя, литературоведа Глеба Александровича Глинки. Он родился 5 апреля (23 марта) 1903 г. в Симбирске. В 1925 году окончил Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова. Был членом литературной группы «Перевал», публиковался в журналах «Новый мир», «Красная новь», «Молодая гвардия» и др. В 1941 году ушёл добровольцем на фронт, после ранения попал в плен, до конца войны находился в лагере для военнопленных в Польше. После окончания войны в СССР не вернулся. Жил сначала во Франции, затем в Бельгии и США. Опубликовал книгу о литературной группе «Перевал» (1954), сборники стихов «В тени» (1968), «Было завтра» (1972). Скончался 5 июня 1989 году в США.

...О жизни долгой и счастливой

В 1998 году его сын Глеб Глебович Глинка побывал в Ульяновске и подарил сочинения отца Дворцу книги – Ульяновской областной научной библиотеке им. В.И. Ленина. В нашем городе Глеб Глебович побывал ещё не раз. А в мае 2004 года в Ульяновск приезжала дочь писателя от его первого брака – Ирина Глебовна (1931–2015). Она подарила Ульяновскому областному художественному музею рисунки нашего земляка Аркадия Пластова, которые хранились в семье с довоенного времени, когда её отец дружил с художником. В тот приезд Ирина Глебовна рассказала нам почти детективную историю своего отца, вынужденно оказавшегося в эмиграции, и поделилась воспоминаниями об отце и бабушке.

В нашем городе проживало несколько поколений старинного дворянского рода Глинок. Прежде чем рассказать о Глебе Александровиче,

Ирина Глебовна
Глинка (1931–2015)

стоит вспомнить его знаменитого отца – писателя Александра Сергеевича Глинку-Волжского. Обратимся к воспоминаниям Ирины Глебовны Глинки¹ – в них оживают яркие картины жизни этой замечательной семьи.

¹ Предлагаемые читателю отрывки воспоминаний – из книги И.Г. Глинки «Дальше – молчание. Автобиографическая проза о жизни долгой и счастливой». М. Издательство Модеста Колерова, 2006.

Дед

Дед, Александр Сергеевич, родился в 1878 году. Печатался в периодике и до революции выпускал книги. Его произведения можно назвать философскими, литературоведческими и критическими эссе. Круг авторов, чьё творчество его интересовало и служило поводом для статей, был весьма широк. Первым следует назвать Достоевского, но ещё были Лев Толстой, Лесков, Чехов, Глеб Успенский и многие другие. Эта широта интересов помогла ему в советское время, когда собственные работы печатать стало невозможно. Он нашёл

Дом Глинок в Ульяновске

Александр Сергеевич
Глинка-Волжский (дед)

применение своим знаниям в качестве редактора-составителя и комментатора: готовил к печати большой однотомник Глеба Успенского, двухтомник рассказов и повестей Чехова и другие произведения.

Был дедушка подлинным главой семьи, в самом классическом патриархальном смысле. Взрослые, давно женатые сыновья со всеми своими проблемами приходили сначала к маменьке и только после обсуждения всех дел своих с нею осмеливались на разговор с папенькой. И решение, принятое им, исполнялось беспрекословно. При этом дед говорил всегда тихим голосом, мягко и деликатно.

Редакторская работа требовала сосредоточенности и тишины, поэтому рабочий день деда делился на две части, как и время сна. Начинать работать он в пять часов утра, зимой – ещё затемно, когда весь дом досматривал последние сны и тишина стояла полнейшая. В десятом часу садились завтракать все, кто был в доме, после чего дедушка отправлялся спать до двух часов пополудни. Обедали в начале третьего. После обеда дед вновь усаживался за работу (опять – в тишине). Только после семи уже можно было пошуметь нам, детям. В это время появлялись и визитёры. Если к вечернему чаю народу собиралось много – самовар приносился в столовую. Если же бывали только свои – чай накрывали в кабинете. Там, возле книжных полок, стоял тот овальный ореховый стол с четырьмя креслами, на котором стоит сейчас мой компьютер. Только кресло теперь осталось одно...

Аристократ

Воспоминания о вечерних чаепитиях в кабинете напомнило мне комический случай зимы 1940 года, времён злосчастной Финской войны.

В этот период вновь возникли проблемы с продуктами, ненадолго забытые в 1938–1939 годах. На столе были только нарезанный батон, сушки и тарелочка с ливерной колбасой. В застольной беседе наступила пауза. И в эту минуту из-под стола, с узкой его стороны, прислонённой к книжным полкам, высунулась чёрная кошачья лапа, протянулась точно к тарелочке с колбасой, ухватила два кусочка котлетки – и исчезла. Грянувший хохот заставил воришку опрометью вылететь в коридор. Это был дедушкин кот, красавец персидских кровей, чёрный и пушистый, в белой манишке, в белых перчатках и носках. Постыдный эпизод с кражей ливерной колбасы был совершенно не типичен для этого аристократа – просто прислуга два дня не кормила его по забывчивости, а просить о чём бы то ни было он считал унижительным для себя.

Глеб Александрович Глинка. 1922

Душою и телом кот принадлежал дедушке и никому другому – просто не замечал остальных, не удостаивал вниманием. Когда дед работал, кот сидел за его спиной на подушке, прищипленной к плоскому верху спинки большого вольтеровского кресла. Подушку – чёрную, бархатную, с аппликацией из трёх карт (тройка, семёрка, туз) вышила и подарила коту моя мама. Иногда он лежал на этой подушке в позе сфинкса, иногда сидел с прямыми передними лапами и высоко поднятой головой, как священные коты Египта. Когда ему становилось скучно, он осторожно протягивал лапу и гладил деда по щеке, возле бакенбарды. Дед в свою очередь протягивал руку, гладил его или шекотал за ухом, за что долго потом слушал благодарное мурлыканье.

Во время последней дедушкиной болезни кот не отходил от него. Выскокит по нужде на чердак – и бегом обратно. Всё старался улечься деду на живот – на большое место. У деда был запущенный рак. В последнюю неделю он громко стонал, когда кончалось действие морфия, и кот стал кричать. Не мяукать, а именно кричать и метаться по комнате, будто зовя на помощь... Совсем не ел, прижимался к дедушке и дрожал крупной дрожью. Когда всё было кончено, кот уже не мог издавать ни звука, из разинутого рта раздавалось какое-то сипение. Он медленно, шатаясь, переходил из комнаты в комнату и, казалось, плакал...

Это была первая смерть, которую я пережила. Странно, но больше всего я помню именно горе кота. Наверное, потому, что оно было... безмерным каким-то и совсем человеческим.

На Новинском и Бронной

Дедушка вспоминается нечасто. Он остался в довоенном времени, в доме на Новинском. Туда мне хочется вернуться, чтобы рассказать о доме подробнее, поскольку «моей» комнатой там был папин кабинет. Начну с него. Пол в нём с осени застилался плохо выделанными волчьими шкурами, которые за зиму совсем вытаптывались, лысели и по весне выбрасывались. А поскольку во все игры играть было интересно именно на шкурах, то по возвращении домой на Бронную мама раздевала меня догола и отправляла в ванну.

А ещё на Новинском топились печи (на Бронной было центральное отопление). Помню вечернюю игру с папой у печки. Он вырезал из плотной бумаги фасад многоэтажного дома с открытыми окнами и дверями, боковые части отгибал назад, чтобы дом стоял, и у открытой печи, где в глубине тлели угли, ставил его у краешка. В комнате гасился свет, и казалось, что окна в доме освещены изнутри... А потом – будто начинался пожар, и дом быстро сгорал, рассыпаясь пеплом... Я требовала повторения ещё и ещё, но пора было спать. Время перед сном, когда гасился свет и открывалась форточка, вопреки тамошним порядкам, потому что засыпать в духоте я не умела, было самым любимым. Окна папиного кабинета смотрели на запад, а чуть влево, наискосок виднелся Киевский вокзал за Москвой-рекой – тогда ещё не

было многоэтажной застройки с этой стороны реки...

Вечерами, когда родители уходили куда-нибудь вдвоём, оставляя меня ночевать на Новинском, время перед сном проводил со мной Витюшка. И самым любимым занятием нашим было разглядывание иллюстраций Гюстава Доре к Библии – огромный, тяжеленный том в кожаном переплёте укладывали мы на полу в круге света от старой настольной лампы под зелёным стеклянным абажуром, стоявшей на отцовском письменном столе. Сами же то лежали, то сидели тоже на полу возле неё, очень осторожно переворачивая страницы. Осторожно – не только потому, что берегли эту книгу, но и затем, чтобы скорее перевернуть страшные картинки. В войну книга пропала.

Бабушка любила гостей, а внуков хотела видеть не реже, чем раз в неделю. Так что, кроме постоянно жившего Витюшки и меня, проводившей

на Новинском не менее половины недели, бывали в гостях кузены: Лёшка, почти мой ровесник, сын дяди Бори, а также троюродный брат Шура, года на полтора старше меня. Он-то и придумывал сюжеты всех игр... Играли в пиратов или в разбойников, а ещё игру, доставшуюся по наследству от родителей, – в больших мальчиков. Непременным условием игр было переодевание. На пыльный чердак к сундукам нас не пускали, но в коридоре, между ступеньками в папин и дедушкин кабинеты, стоял волшебный шкаф. Кстати, ни в одной из книг по истории мебели мне никогда не встретилось ничего подобного. Стоял он, прижимаясь боковой стенкой к стене, а дверцы отворялись и спереди, и сзади, так что одежда висела в два ряда. Как я теперь понимаю, и глубина, и ширина у него были больше метра. Для нас, ребят, шкаф был полон сокровищ. Там висели студенческие и чиновничьи шинели деда, а может, и прадеда; висели крылатки

с пелеринами, старые форменные мундиры, фраки и дамские роброны. А на шкафу громоздились шляпные коробки... Каждая из игр требовала определённых аксессуаров и даже костюмов. Так, благородные разбойники (сродни шиллеровским) облачались в крылатки и чёрные, мягкие, широкополые итальянские шляпы. Неизменным атрибутом пирата был яркий платок, которым была повязана голова, и завязанный чёрным или красным глаз, почему-то всегда левый, как у Билли Бонса из «Острова сокровищ». А игра из детства родителей – в больших мальчиков – требовала пышных шейных платков и соломенных канотье с чёрными ленточками...

Когда в этих костюмах проносились мы всей ватагой через столовую, бабушка, перетирая стаканы, сполоснутые после чаепития в медной полоскательнице, задумчиво произносила что-нибудь вроде: «Эти конатье я купила мальчикам там-то в 1908 году».

Воскресший из небытия

Глеб Александрович, как и его отец, и дед, – уроженец Симбирска. Он один из трёх детей в семье смог получить высшее образование. Русскому слогу и стихосложению учился в Институте слова у Валерия Яковлевича Брюсова, который пренебрёг запретом обучать детей дворян-лишенцев. Поэт, прозаик и публицист, Глеб Александрович не мог реализовать в 1930-е годы, а война навсегда разлучила его с родиной.

В июне 1941 года Глеб Глинка по семейной традиции записался добровольцем в Краснопресненскую дивизию московского ополчения. Половина роты литераторов (а всего их было 1864 человека) собиралась во дворе ГИТИСа, в Кисловском переулке, а сбор второй половины назначен был возле Союза писателей – во дворе той самой усадьбы на Поварской, которую Толстой описал как дом Ростовых. Литераторов отправляли на фронт с одной винтовкой на четверых – остальным давали подкрашенные серые палки размером с винтовку, чтобы с вражеских самолетов войны казались вооружёнными. Из этих двух тысяч необученных романтиков в живых остались единицы...

Ополчение просуществовало до середины октября: в районе Вязьмы, вместе с двумя регулярными дивизи-

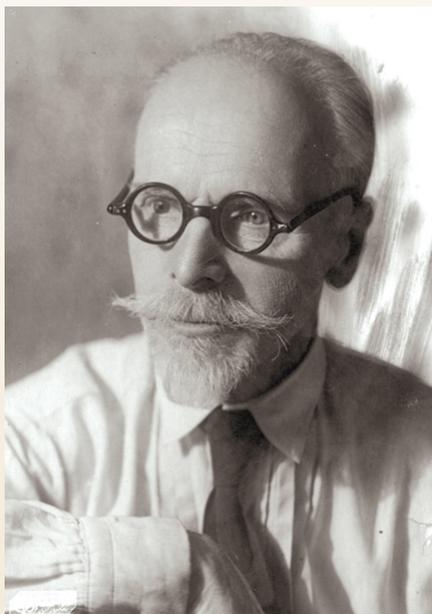
ями, оно попало в окружение. Большинство погибло. Кто-то оказался в плену, в том числе Глеб Александрович. Выжил по двум причинам: опытный охотник, он умел приспосабливаться к любым тяжёлым условиям существования. И ещё: хорошо знал немецкий язык.

Много лет Глеб Александрович считался пропавшим без вести, и лишь в 1956 году ситуация неожиданно прояснилась... Муж Ирины Глебовны, аспирант, обедая как-то в столовой МГУ, обратил внимание на молодого американского учёного, безукоризненно говорившего по-русски. Поинтересовавшись, откуда такое знание языка, он услышал ошеломляющий ответ: «У меня был прекрасный учитель, русский по происхождению – Глеб Александрович Глинка».

Человек трезвого ума и большого жизненного опыта, Глеб Александрович ясно понимал, что ждёт его после немецкого плена на родине, поэтому он не явился на советский сборный пункт и ушёл в Брюссель, где многие бывшие пленные нашли защиту. Чем мог зарабатывать бывший советский писатель? Он лепил игрушки по образцу вятских (выручило знание народных промыслов). Позже Глеба Александровича и некоторых других литераторов увезла

в Америку из разорённой послевоенной Европы Александра Львовна Толстая, и там он смог работать в русском издательстве имени Чехова. В 1954 году он собрал и выпустил антологию литобъединения «Перевал», членом которого был сам. В 1968-м, а потом и в 1972 году издал два сборника новых своих стихов. Ещё Глинка продолжал заниматься переводами, а также преподавал американцам свой родной, безукоризненно чистый язык.

Много лет Ирина Глебовна Глинка мечтала о встрече с отцом, но в условиях советского режима, когда связи с родственниками за границей пресекались, тем более Г.А. Глинка считался невозвращенцем, ей никак не удавалось выехать в США. В 1979 году сводный брат по отцу, рождённый в Бельгии уже после плена, в 1948 году, Глеб Глебович прислал Ирине письмо-приглашение, подкреплённое ходатайством врачей в связи с тяжёлым инфарктом отца. Но и это не помогло. Встреча Ирины Глебовны с отцом произошла через полвека после расставания, в 1989 году, перед самой кончиной Глеба Александровича. Зато Ирина обрела брата и познакомилась с его со своей подругой Лизой. Получилась счастливая пара. Прошли годы, и доктор Лиза превратилась в легенду, прославившую и до того славный род Глинок.

Яков Васильевич Глинка

Родственником симбирских Глинок был видный государственный деятель императорской России, а в советскую эпоху театральным художником Яков Васильевич Глинка, принадлежащий, как и все представители фамилии, к старинному дворянскому роду Российской империи. Его биография широко известна, но в Ульяновске его знают мало, хотя продолжительное время он жил в нашем городе, работал художником-декоратором в областном драматическом театре. Похоронен на старом кладбище, неподалёку от Воскресенской церкви. В июне 2021 года в Ульяновск приезжал его внук – Владимир Николаевич Шпигельский и делился с журналистами семейной историей. Он оставил Сергею Борисовичу Петрову материалы биографии деда, которые краевед передал в редакцию журнала «Мономах». Публикуем рассказ о крутых поворотах судьбы Якова Васильевича Глинки.

В Государственной думе и в закулисы ульяновской драмы

Яков Глинка родился 19 мая 1870 года в Житомире и был первым сыном в семье государственного деятеля, тайного советника Василия Матвеевича Глинки и Софьи Яковлевны Глинки (урождённой Молчановой). В семье было три сына и дочь. Счастливейшее было время. Позже Яков Васильевич признался, что прожил две жизни: первая, дореволюционная, складывалась весьма удачно, вторая, после 1917 года, была полна тяжких испытаний.

Головокружительная карьера

В 1895 году Яков окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Он отдал государственной службе 22 года. Она началась с канцелярии, которая вела дела Военного совета Российской империи. В 1905 году Глинка уже был старшим делопроизводителем отделения законов Государствен-

Глинка Василий Матвеевич

ной канцелярии. Потом была юридическая служба в аппарате Государственного совета, а затем в канцелярии Госдумы, которую он фактически возглавлял.

Глинка Софья Яковлевна

После роспуска I и II Государственных дум большая часть документов первой Государственной думы была уничтожена из-за боязни преследования некоторых чле-

нов Думы. И Якову Васильевичу, и его подчинённым пришлось заново создавать документальную базу, а затем вести документальное обеспечение деятельности III и VI Государственных дум.

В июле 1908 года Я.В. Глинка стал начальником одного из трёх отделений канцелярии Государственной думы – Общего собрания. На протяжении всех следующих лет работы Госдумы Глинка выполнял роль советника и ассистента всех председателей III и IV Государственных дум. Он обладал широчайшими полномочиями: осуществлял подбор и анализ информации, необходимой председателям; обеспечивал председателя во время заседаний Думы всеми необходимыми документами.

Яков Васильевич имел природный дар располагать к себе людей, обладал способностью убеждения, и это позволило ему установить доверительные отношения с председателями Думы Н.А. Хомяковым, А.И. Гучковым и М.В. Родзянко. Уникальность деятельности Глинки заключалась в том, что он оказывал существенное влияние на деятельность Думы.

Дневник и его тайны

В марте 1910 года Я.В. Глинка начинает вести дневник, в котором представлены образные характеристики думских деятелей и описаны парламентские события. Он сумел создать точные исторические портреты некоторых политических и государственных деятелей начала XX столетия. Вот, например, какую характеристику Глинка дал будущему российскому премьер-министру А.Ф. Керенскому: «Неврастеник, адвокат по профессии, [он] горячо проносил свои речи, производил впечатление на женский пол и доставлял большое неудовольствие сидящим под кафедрой оратора стенографам, обрызгивая их пенящейся у рта слюной. Многие считали его кретином».

Характеристики короткие, но ёмкие. Особую ценность представляют портреты председателей III Государственной думы. Глинка высоко ценил качества А.И. Гучкова: «Гучков никому не даёт говорить лишнего. Он удивительно схватывает суть дела и никогда не отклоняется в сторону». Позже, когда атмосфера в Думе накалилась, Яков Васильевич заметил, как Гучков в своём кабинете «на кро-

Яков Васильевич Глинка на рабочем месте в канцелярии

Жена Якова Васильевича Елена Николаевна Глинка (дочь коннозаводчика Петрова)

шечного формата листочках пишет и всё пишет» П.А. Столыпину и министрам. Гучков уважал Столыпина и во всём с ним советовался. С болью описывает Глинка трагическую гибель П.А. Столыпина, а также избрание на пост председателя III Государственной думы М.В. Родзянко. Не менее значимы его оценки министров Временного правительства. Глинка описывает восторг Керенского по случаю его назначения военным министром, а далее с недоумением пишет о том, что, получив в свои руки власть, министры оказались тупы и бессильны: «Чем руководились, о чём мечтали и чего хотели достигнуть все эти люди, непонятно. Ясно одно, что все эти уродливые явления, все эти люди, ничтожные, не способны были создать что-либо положительное, и их роль сводилась к выжиданию того момента, когда появится новый хозяин, с ясными планами и твёрдой волей и могучим порывом сметёт всё старое до основания, чтобы строить новую жизнь».

После Февральской революции 2 марта 1917 года Глинка был назначен управляющим делами Временного комитета Государственной думы. Ему предложили занять и пост управляющего делами Временного правительства, но он отказался. После фактического прекращения работы Думы и всех её учреждений, с 1 мая 1917 года Яков Васильевич назначен сенатором Первого департамента Сената. Бесспорно, Глинка входил в состав государственной элиты Российской империи начала XX века. Эта блестящая карьера была прервана Октябрьским переворотом.

«Я обрёл своё призвание»

Вскоре на долю дворянина и сенатора выпали страшные испытания. Они коснулись всей элиты российского общества, но не у всех хватило сил и мужества их преодолеть.

Во время революционного хаоса Я.В. Глинка вместе с семьёй переехал из Петрограда в родовое имение (хутор) вблизи Житомира. Но вскоре к ним явились представители советской власти и отобрали имение и всё имущество. Я.В. Глинка принял происходящее как данность. Он радовался тому, что все остались живы. Нужно было спасать семью. Для этого пришлось работать землекопом, плотником, рабочим сцены.

Однажды Яков Васильевич принимал участие в оформлении спектакля и проявил талант художника. Позднее он отмечал в своих воспоминаниях: «С этого момента начинается моя вторая жизнь, ничего общего не имеющая с моей прежней деятельностью. Я вступаю в семью артистов и всей душой отдаюсь искусству. Я обрёл своё призвание». Он принял решение уйти «за кулисы».

Работал бывший действительный статский советник в театрах разных городов. Это Житомир, Днепропетровск, Москва, Ленинград, Сталинград, Киев, Одесса, Новосибирск, Краснодар, Алма-Ата, Севастополь, Воронеж, наконец – Ульяновск.

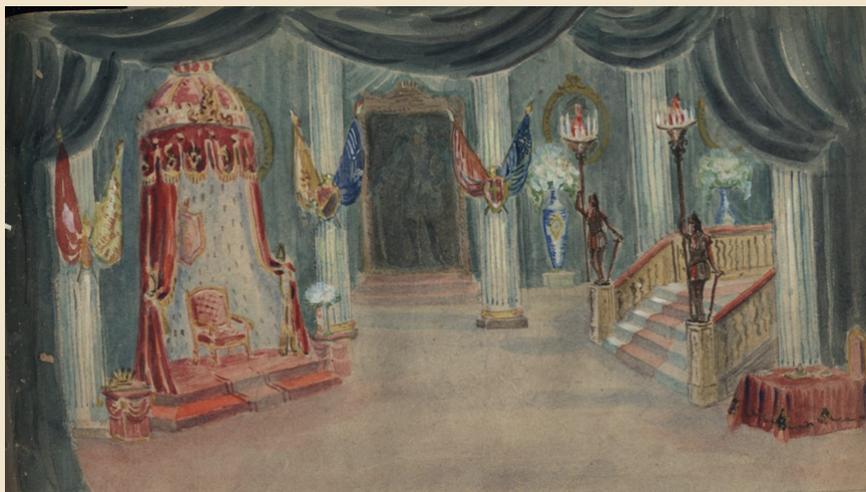
Его дочь и зять были театральными артистами, и Яков Глинка с супругой переезжал вслед за ними: работал художником-оформителем в тех театрах, где они играли. Возможно, переезды не были случайны – это была формула спасения семьи. Младший брат Якова Васильевича статский советник Пётр Васильевич Глинка (1873/1874–1942) в 1930-е годы подвергся репрессиям, был арестован и приговорен к пяти годам ссылки.

Воспоминания художника-оформителя Н.Ф. Митрофанова, которые дошли до нас благодаря архиву Д.И. Архангельского, раскрывают картину последних лет жизни Глинки в Ульяновске.

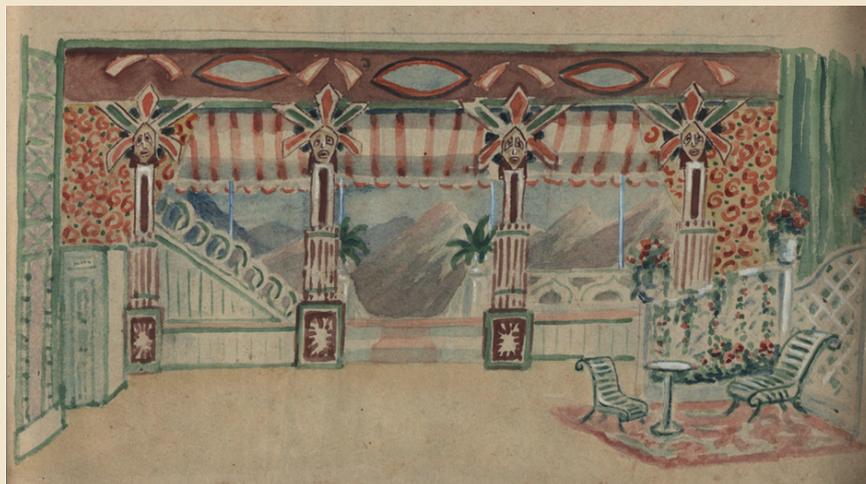

Яков Васильевич Глинка.
Автопортрет

Яков Васильевич переехал в Ульяновск летом 1938 года. Он устроился на должность главного художника областного драматического театра, где проработал 12 лет до своей смерти 10 августа 1950 года. В конце жизни он работал и художником-постановщиком. Глинка оформил свыше 70 спектаклей. Никак не афишируя своей прежней жизни, он исподволь занимался подготовкой к изданию своего дневника и воспоминаний. В 1950 году Глинка завершил дневник «Воспоминаниями о Февральской революции и последующем жизненном пути». Он понимал, какую ценность

Эскизы декораций Я.В. Глинки
к театральным постановкам на ульяновской сцене

Дети Якова Васильевича: Татьяна, Ольга, Ирина, Георгий

имеют эти записи для истории и как важно их сохранить, и потому старался не напоминать власти о себе. Вёл скромный, даже затворнический образ жизни, не претендовал на получение пенсии и вынужден был работать до самой смерти.

По описанию Н.Ф. Митрофанова, перед артистами Ульяновского областного театра предстал пожилой человек с палочкой, в рубаше из сурового полотна. Митрофанов был восхищён личностными качествами Глинки и поражён незаурядной судьбой: «Прожить больше половины своей жизни барином, “его высокородием”, впитать в себя все привычки барской жизни – и очутиться пролетарием, это не каждому дано легко перенести».

Жена Глинки Елена Николаевна (25.12.1873–22.10.1966) тяжело переживала смену социального статуса семьи. Вспоминала о своём былом материальном благополучии «со скрытым сожалением и негодованием». Семейный союз был основан на взаимной любви, дружбе и нежности. Даже ссорясь, они называли друг друга нежными прозвищами. У супругов было четверо детей: три дочери и сын. Во время Великой Отечественной войны сын Георгий, орденосец, военный лётчик, погиб в воздушном бою. Тяжело переживая случившееся, Яков Васильевич находил отдохновение в работе. Он уходил из театра последним, удивлял всех своей необычайной работоспособностью. Жизнь не сломила его. Он по-прежнему, несмотря на преклонный возраст, «был непомерно жив и словоохотлив, весел и остроумен, деликатен в обращении и внимателен ко всему». Как пишет

Митрофанов, он любил петь во время работы, но вся его песня состояла из одной фразы: «А счастье так было возможно!». Глинка владел даром располагать к себе людей. По свидетельству Митрофанова, «он умел глубоко скрывать свою грусть от людей». Настоящий интеллигент, он проявлял галантность по отношению к дамам. Он изо всех сил старался слыть оптимистом, изображал «героя-храбреца» и «частенько бравировал».

У Якова Васильевича было большое сердце, он умер от кровоизлияния в мозг во время участия в работе общегородского собрания работников искусств 10 августа 1950 года. До этой трагедии его старшая дочь, актриса Татьяна Яковлевна Гремина (02.03.1898–22.11.1985), играла в Ульяновском драматическом театре. Она была замужем за заслуженным артистом РСФСР Д.О. Козловским. В августе 1950 года они переехали в Магнитогорск, где Козловский стал режиссёром Магнитогорского драматического театра. Вскоре и Елена Николаевна Глинка уехала к ним.

Жизнь продолжается

Вторая дочь, Ольга Яковлевна (27.08.1904–17.08.1996), – детский врач, жила в Москве, была замужем за авиационным инженером Николаем Владимировичем Шпигельским. Ей после смерти отца перешёл семейный архив. Она делала попытки расшифровать текст дневника. Впоследствии эту работу взял на себя исследователь Б.М. Витенберг. Его стараниями дневник был опубликован («Гуманитарные науки» № 3 (55), 2020).

Сын Ольги Яковлевны Владимир Шпигельский свято хранит память о дедушке. Сам он талантливый учё-

ный. На его счету 25 изобретений и несколько десятков рацпредложений.

В 2021 году Владимир Николаевич впервые посетил Ульяновск. Он рассказал, что Яков Васильевич увлекался парусным спортом, был членом Санкт-Петербургского речного яхт-клуба. «У него имела яхта «Заноза», на который он ходил. До революции написал книгу со своими рисунками «Руководство для плавания под парусами». В своём имени он взял лодочку, поставил на неё мачту, необходимое оборудование. Несмотря на то, что был человеком богатым, многое мастерил своими руками, красил, обрабатывал дерево... Это помогло деду после революции, когда жить стало не на что, а надо было кормить семью.

Моя мама Ольга Яковлевна бережно хранила дневник своего отца – клеёнчатую тетрадь, заполненную записями аккуратным почерком. Сами понимаете, что хранить такой дневник было делом опасным. Я не знал о его существовании до 1990 года, мне уже было за сорок. Про деда она говорила лишь то, что он работал художником. И вот в начале 90-х мама начала «теплеть», рассказывать о том, кем дед был до революции, и показала дневник... В нашем домашнем архиве сохранилось более сотни рисунков и эскизов к спектаклям, автопортрет деда, портрет моей мамы. И ещё – чемодан со старыми семейными фотографиями».

Несомненно, дневник Якова Васильевича Глинки представляет огромную ценность для историков, в частности, для изучения истории парламентаризма в России. Он ждёт своих исследователей.

Материал подготовила
Ольга Шейпак

125 лет со дня рождения Ф.З. Бурнаша (1898–1942)

Славный сын татарского народа

Фатхи Бурнаш родился 13 (1) января 1898 года в деревне Полевые Бикшики Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Батыревский район Чувашской Республики).

В 1907–1916 годах учился в медресе «Мухаммадия» в Казани. Уже в это время написал первые свои стихи и поэмы. В 1916 году Фатхи экстерном сдал экзамен за курс Казанской татарской учительской школы, был призван на военную службу в Симбирск, но как учитель вскоре был демобилизован.

В эти непростые для страны годы Фатхи Бурнашев преподавал в татарских школах, занимался литературной деятельностью. 2 июля 1918 года в Симбирске вышел первый номер татарской газеты «Кен» («День») – Бурнашев стал её редактором. В 1919 году издание сменило название на «Тан» («Заря»). Фатхи Бурнаш был душой газеты, им написаны почти все передовицы и большинство публицистических статей.

Тогда же он вступил в РКП(б) и вскоре был избран в Татарский ЦИК.

В годы Гражданской войны Фатхи Бурнаш опубликовал более 15 поэм, множество стихов, рассказов, памфлетов. Все они проникнуты духом отрицания старого мира, страстным желанием революционного преобразования общества.

С 1920 года Фатхи Бурнаш жил в Казани. Был организатором и редактором ряда татарских газет и журналов. С 1924 года – на партийной работе. В 1927 году он возглавил Театр им. Камала (ныне Татарский государственный академический театр име-

ни Галиасгара Камала) и был его директором до 1928 года.

Затем Фатхи Бурнаш работал в татарском издательстве, оперной студии при театре оперы и балета.

24 августа 1940 года Фатхи Бурнаш был арестован (по доносу) и приговорён 24 января 1941 года Верховным судом ТАССР к 10 годам лишения свободы как участник контрреволюционной организации. Осуждён повторно Особым совещанием при НКВД СССР 15 июня 1942 года, расстрелян 1 августа 1942 года в г. Куйбышеве. Реабилитирован 7 февраля 1957 года.

Фатхи Бурнаш – автор драматических и лирических произведений, которые обогатили татарскую художественную литературу и театр. В своём творчестве автор отразил эпоху крепостного права, империалистическую и гражданскую войны, показал строительство социалистического государства.

Пьесы Ф. Бурнаша ставились в татарских театрах Казани, Астрахани, в башкирских театрах. Некоторые до сих пор сохранились в репертуаре театров Татарстана.

Лучшими его драматическими произведениями являются «Хусаин Мирза» (постановка 1922 г.), «Камали Карт» («Старик Камали») (постановка 1925 г.), «Ташландыклар» («Выброшенные»), «Адашкан-Кыз» («Заблудшая девушка») (1928), «Тётя Хатиря» (1929), «Ткачиха Асма» (1932), «Лачыннар» («Соколы») (героическая драма, 1934), «Единоличник Ярулла» (1940) и другие.

Он написал более 20 пьес, пять оперных либретто, рассказы, публи-

13 января этого года исполнилось 125 лет со дня рождения поэта, публициста, общественного деятеля и просветителя татарского народа Фатхи Бурнаша (Бурнашева Фатхелислама Закировича).

цистические статьи, рецензии. Последователь поэтической школы Тукая, Ф. Бурнаш ушёл вперёд своего учителя. В его поэзии звучат романтические ноты. Он автор нескольких сборников стихов. В публицистике Ф. Бурнаш выступает как непревзойдённый бытописатель. Ему принадлежат первые переводы на татарский романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», романов «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Мать» М. Горького, «Отцы и дети» И.С. Тургенева, повести «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого и другие.

Руслан Есин

Используемая литература

Татары города Симбирска в XIX – начале XX веков / Р.К. Вильданова. – Ульяновск, 2018. – С. 123.

Татарская пресса Симбирской губернии – Ульяновской области // История симбирской-ульяновской журналистики в фак-

тах, документах, воспоминаниях (1858–2017) / Автор-составитель В.А. Лучников. – Ульяновск, 2017. – С. 318.

Татары Симбирского-Ульяновского края: энциклопедический справочник. Под редакцией Э.А. Ганеева, Р.Ф. Сафина, Р.Ф. Ахмедуллова. – Ульяновск: Печатный двор, 2016. – С. 160.

Современники воспринимали его как святого

В мае 2022 года исполнилось 200 лет со дня рождения педагога, просветителя, миссионера, профессора Казанской духовной семинарии и Казанского императорского университета Николая Ивановича Ильминского – старшего друга и наставника Ивана Яковлева.

Николай Иванович Ильминский (1822–1891) родился в городе Пензе, в семье священника. Окончил Пензенскую духовную семинарию и как лучший ученик был направлен для обучения в Казанскую духовную академию. Он был щедро одарён Богом талантом к изучению языков. Кроме древних языков (славянского, греческого и латинского), он изучал французский, немецкий, арабский, татарский и турецкий. Среди друзей Николай Ильминский сльм человеком добрым и почти святым.

В 1846 году Николай Иванович окончил академию со степенью магистра богословия, был оставлен в стенах учебного заведения преподавателем татарского и арабского языков. Для углублённого изучения татарского языка и быта он поселился на квартире в Старотатарской слободе Казани в отдалении от центра города, посещал занятия в медресе, общался с муллами и простыми жителями слободы. Чтобы лучше изучить быт татар, много ездил по сёлам Казанской губернии.

Молодой учёный подавал большие надежды, и Синод отправил его в длительную командировку (1851–1854) в Турцию, Сирию, Палестину и Египет с целью изучения языков и древних памятников. В Каире Ильминский изучал мусульманское богословие, право и арабский язык, слушал лекции в университете Аль-Азхар. В Палестине и Ливане изучал жизнь арабов-христиан, арабские переводы Священного Писания. Командиро-

вочные деньги тратил на книги и позже передал их в библиотеку Казанской академии.

Странствовал он пешком, опираясь на свою крючковатую палку. Побывал у Гроба Господня в Иерусалиме. В первый день Святой Пасхи иерусалимский патриарх провёл его с некоторыми другими в алтарь через Царские врата. В Турции Ильминский не раз подвергался смертельной опасности от курдов. Однажды один религиозный фанатик хотел убить его, но вдруг признался: «Что-то удерживает меня убить тебя, гайур (неверный)». Пребывание в Палестине совпало с началом Крымской войны, Ильминский с трудом сумел выбраться оттуда, в Санкт-Петербург он добрался через Австрию.

↑ *Молодой Ильминский*

В 1852 году в Казанской духовной академии открылось миссионерское отделение. По возвращении из командировки Ильминский стал

преподавать исламское богословие и шариат и в 1857 году получил звание экстраординарного профессора. Его стремление дать студентам глубокие знания по исламской догматике было неверно истолковано ректором академии Иоанном (Соколовым), и Николаю Ивановичу пришлось оставить службу в академии. Он устроился переводчиком в пограничной службе в Оренбурге. Несмотря на трудные бытовые условия, молодая жена Ильминского поддержала супруга. И здесь он оставил добрую память о себе. Изучение киргизского (казахского) языка и тесное общение с местным населением подтолкнули Ильминского к созданию киргизского алфавита, публикации учебников и художественной литературы, обустройству народных школ. В 1859 году Николай Иванович участвовал в экспедиции по восточному берегу Каспийского моря и переговорах с туркменами.

В 1860 году в Казанском императорском университете была создана востоковедческая кафедра турецко-татарского языка. Н.И. Ильминский был приглашён на должность профессора. Одновременно преподавал татарский и арабский языки в Казанской духовной академии. В 1867–1872 годах он был редактором «Учёных записок» Казанского университета.

В 1870 году Ильминский был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук. В 1881 году Санкт-Петербургская академия наук предлагала ему звание академика по востоковедению,

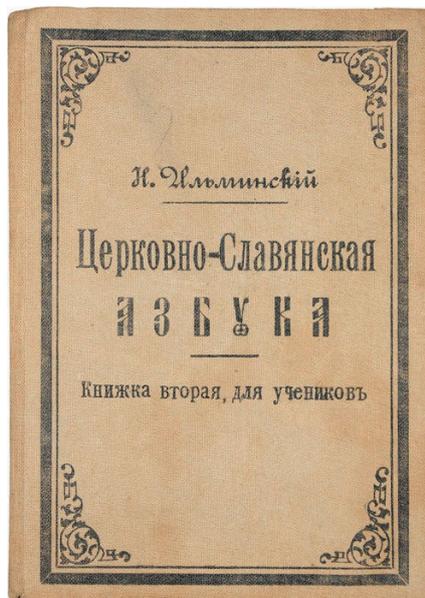

но Николай Иванович отказался, так как в то время эта должность требовала жить в столице, а Ильминский хотел продолжить научную и просветительскую деятельность в Казани. Дело в том, что после отмены крепостного права в 1861–1863 годах последовала волна отпадения крещёных татар и иных инородцев от православной веры. Чуваша, марийцы, удмурты и часть татар уже давно считались православными, но в действительности оставались языческими. Крещение татар велось непоследовательно, и всё же оформилась группа кряшенов – крещёных татар. Они не обрусели и сохранили в чистоте старый татарский быт едва ли не таким же, каким он был во времена Ивана Грозного. По поручению Синода и Министерства народного просвещения Ильминский объезжал сёла и деревни, населённые кряшенами. Его доброта, знание языка и способность притягивать людей вызывали доверие кряшенов.

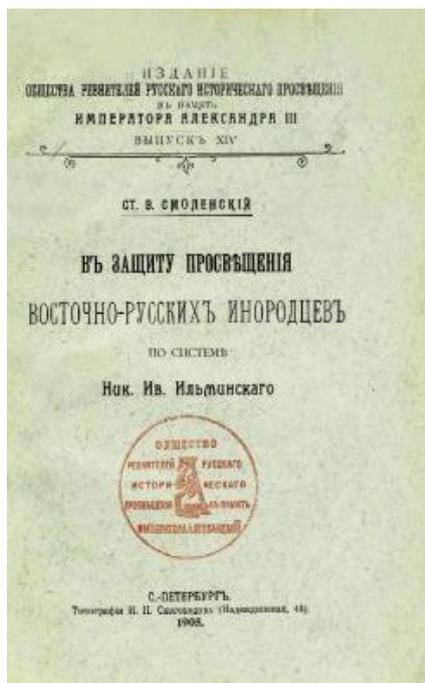
В 1864 году на квартире татарина Василия Тимофеева открылась школа для детей крещёных татар. Постепенно она стала крепким учебным заведением с системой классов и общежитий. Здесь занимались и девочки. Особенность заключалась в образовательной системе – в духе русского православия и русской культуры, но на родном для учащихся языке. Николай Иванович писал: «Наша цель – убедить всех смотреть на нашу школу не просто как на место обучения грамоте и цифре, но как на действительное миссионерское, христианско-просветительское учреждение». Император Александр II, посетивший Казанскую центральную крещено-татарскую школу Н.И. Ильминского, сказал памятные слова: «Я очень рад, что ваши дети учатся здесь, и уверен, что они выйдут отсюда хорошими христианами».

Василий Тимофеев и его ученики каждое лето обходили деревни, зачитывали переведённые книги, демонстрировали школьные успехи воспитанников, устраивали концерты, на которых детский хор исполнял богослужебные песнопения на кряшенском языке.

В 1867 году с целью миссионерского просвещения было утверждено православное Братство во имя святителя Гурия Казанского. Николай Ильминский сразу же стал дея-

↑ *Азбука Ильминского*

↑ *Книга Ильминского*

тельным его членом. Братство открывало инородческие школы по примеру центральной в Казани. Уже через несколько лет в Казанской губернии действовали более 80 братских школ. С 1871 года в Вятской, Симбирской, Уфимской губерниях началось массовое открытие школ Православного миссионерского общества.

В 1880-е годы Братство во имя святителя Гурия по инициативе Ильминского открыло собственные педагогические учебные заведения: чу-

вашскую, вотскую (удмуртскую), черемисскую (марийскую) центральные школы.

В начале своей деятельности Ильминский выполнял переводы на татарский язык богослужебных книг на основе арабского алфавита, а кряшены не знали алфавита и не могли пользоваться этими переводами. Позже Ильминский создал свою систему переводов – на основе живого языка татар. Установил христианскую терминологию для татарского языка и для других инородческих наречий. Эти труды распространялись без его подписи – Ильминский скромно умалчивал о своей работе.

Подобно тому, как равноапостольные братья Кирилл и Мефодий разработали славянскую азбуку, Николай Ильминский сделал то же для языка кряшенов. Составил алфавит, которым пользуются до сих пор не только кряшены, но и татары. Он использовал кириллицу, что оказалось более применимо к языку татарскому. В 1862 году Ильминский опубликовал в Санкт-Петербурге букварь для крещёных татар. В 1864 году букварь был переиздан с поправками, включавшими 4 буквы, отсутствовавшие в русском алфавите, после этого до 1917 года букварь Ильминского переиздавался ещё 19 раз. Под руководством Ильминского осуществлялись переводы более чем на 30 языков. В татарских изданиях он сам был переводчиком вместе со священником Василием Тимофеевым. В изданиях на других тюркских языках – редактором. В переводах он не употреблял русских слов, даже в сложных случаях находил аналоги в родных языках. К переводу текстов Священного Писания относился ответственно, сверял его с греческими и славянскими текстами.

К 1869 году крещёные татары смогли услышать на своём родном языке православное богослужение. Первая служба на крещено-татарском языке была совершена в 1-е воскресенье Великого поста иеромонахом Алтайской миссии, впоследствии преосвященным Макарием (Парвицким). Первым священником из кряшенов стал директор Казанской центральной крещено-татарской школы Василий Тимофеев.

В 1872 году Ильминский добился от министра народного просвещения Д.А. Толстого открытия в Казани ино-

родческой учительской семинарии. Николай Иванович возглавил её и оставался директором до самой своей кончины. Он превратил инородческую учительскую семинарию в центр подготовки кадров духовенства народов Поволжья и Урала. Большинство выпускников позже рукополагались в священники. Директору удалось создать в семинарии семейную атмосферу. Он поддерживал связь со всеми выпускниками. Вёл переписку, встречался лично и подолгу беседовал, когда они приезжали в Казань, давал наставления, старался защитить притесняемых, ободрить упавших духом.

Крупным центром распространения системы Ильминского стала Симбирская чувашская учительская школа, открытая в 1871 году (фактически в 1875) во главе с учеником И.Я. Яковлевым. С Иваном Яковлевым его связывала долгая дружба и совместная миссионерская деятельность.

Николай Иванович в 35 лет женился на девушке-сироте, дочери протоиерея Екатерине Степановне. Своих детей у них не было, но супруги вырастили и поставили на ноги двоих детей покойного друга по академии А.А. Бобровникова. Николай Иванович посоветовал Яковлеву присмотреться к своей воспитаннице Катеньке Бобровниковой. Яковлев никогда не пожалел о своём выборе и был бесконечно благодарен наставнику.

Николай Иванович не любил общественных развлечений. Одевался просто, был неприхотлив в питании, скромен в быту и в обществе. Сам бесребреник, он не любил, когда кто-либо просил повесить жалование.

Добрые отношения поддерживал Н.И. Ильминский с известным епископом, святителем Феофаном Затворником. Знакомство произошло в 1850-х годах во время научной командировки по Палестине. Феофан Затворник стоял во главе православной миссии в Иерусалиме. Они сошлись, подружились и даже переписывались.

Ильминский сыграл важную роль в развитии Алтайской духовной миссии, общался и переписывался с начальником её архимандритом Владимиром (Петровым), а преемник руководителя Алтайской миссии Макарий (Невский) считал себя учеником Николая Ивановича. Под редакцией

Ильминского Братство во имя святителя Гурия Казанского опубликовало «Граматику алтайского языка», «Алтайский букварь» (1882 г.), «Шорский букварь» (1885 г.), а также богослужебную, духовную и светскую литературу этих народов.

Н.И. Ильминский предупреждал о недопустимости активной миссионерской деятельности среди мусульман и выступал против их дискриминации. Перспективы сближения мусульман с русским обществом он видел в распространении среди мусульман русского среднего и высшего образования.

Николай Иванович переписывался с обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым. В этих письмах Ильминский доказывал необходимость применения родных языков в обучении, организации переводов богослужебных книг и самих богослужений на языках нерусского населения России. Из этих же писем видно, что Ильминский внёс свой вклад в реформу 1884 года по созданию сети церковно-приходских школ, настоял на введении в них славянского языка, написал серию учебников и учебных пособий.

Воспитанниками Ильминского были многие известные деятели народного образования: Василий Тимофеев, И.Я. Яковлев, Н.А. Бобровников (приёмный сын Николая Ивановича), Н.П. Остроумов, А.А. Воскресенский, священник Е.А. Малов, А. Юртов, священник Т.Е. Егоров. Учениками Ильминского называли себя архиереи Гурий (Буртасовский), Варсонофий (Охотин), учившиеся у Николая Ивановича в Казанской академии.

Н.И. Ильминский скончался от рака желудка 27 декабря 1891 года (9 января 1892 года по новому стилю). Похоронен на Арском кладбище г. Казани у правого придела храма Ярославских Чудотворцев. Могила сохранилась и является местом поклонения верующих, особенно кряшенов и чувашей.

К.П. Победоносцев писал по поводу кончины Н.И. Ильминского: «...другой такой ясной и чистой души не приходилось мне встречать в жизни. Отрадно было смотреть в глубокие, добрые и умные глаза его, светившие в душу внутренним душевным светом...»

Иван Яковлевич Яковлев в автобиографии «Моя жизнь» посвятил

Памятник Н.И. Ильминскому у храма Ярославских Чудотворцев в Казани

Ильминскому главу «Мой учитель», где пишет: «Ильминский был глубоко религиозный человек, притом в православно-церковном духе, соблюдал строго все церковные обряды и посты... <...> Живя у него много раз в Казани, особенно в последние годы его жизни, я спал или с ним в одной и той же комнате (если жена его отсутствовала) или в соседней (в кабинете). Мне при этом удавалось украдкой видеть (он думал, что я сплю), как Ильминский по ночам вставал и молился, иногда на коленях. Непоказная, искренняя, убеждённая набожность его, проникновенное понимание им Священного Писания, устные импровизации его по содержанию псалмов были известны по России далеко за пределами Казани... Вообще в нём были удивительная скромность, доходившая до застенчивости, робости, простота, приветливость, отсутствие позирования, рисовки. Весь он был проникнут учением Христа. <...> Я не верил бы в существование святых, если бы не встретился с Ильминским, не видел его. В нём я видел, до какого совершенства могут дойти люди... А значит, и святые...».

175 лет со дня рождения И.Я. Яковлева (1848–1930)

Иван Яковлевич Яковлев родился 25 (13) апреля 1848 года в дер. Кошки-Новотимбаево Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Тетюшский район Республики Татарстан). Окончил Бурундуковскую удельную школу, Симбирскую мужскую классическую гимназию, Казанский университет. В 1868 году, будучи гимназистом, основал Симбирскую чувашскую школу и 50 лет оставался её директором. С 1875 года служил инспектором чувашских школ Казанского учебного округа. В октябре 1920 года выехал с семьёй в Москву.

И.Я. Яковлев – создатель чувашской письменности и автор первых учебников на чувашском языке, основоположник чувашской литературы, переводчик русских книг на чувашский язык.

В Ульяновске установлен памятник И.Я. Яковлеву, открыт музей «Симбирская чувашская школа. Квартира И. Я. Яковлева», его имя носит одна из улиц города.

«Мономах» не раз писал о знаменитом чувашском просветителе. Сегодня мы расскажем и любви Ивана Яковлевича к Катеньке Бобровниковой – верной его спутнице и сподвижнице.

Любовь. Верность. Служение

И.Я. Яковлев женился 26 сентября 1877 года на воспитаннице Николая Ивановича Ильминского Екатерине Бобровниковой. Иван Яковлевич, окончивший университет, уже второй год работал инспектором чувашских школ Казанского учебного округа. Ему было 29 лет, невесте – 16, она училась в Казанской женской гимназии. Венчание состоялось в Крестовоздвиженской церкви Казанского университета.

Катя Бобровникова родилась 2 октября 1861 года в Оренбурге. Её отец Алексей Александрович Бобровников окончил Казанскую духовную академию, там же работал преподавателем. Позднее служил в Оренбургской пограничной комиссии, где заболел и умер. Большая семья осталась без средств к существованию. На помощь пришёл ученик Бобровникова – Николай Иванович Ильминский. Он и его бездетная супруга приютили вдову и троих детей в своём доме. Катя воспитывалась в приёмной семье до выхода замуж за Ивана Яковлева. Она получила хорошее образование, знала несколько иностранных языков, неплохо музицировала. С раннего детства она была приучена к домашнему труду, умела хорошо готовить, рукодельничать.

Но, прежде чем рассказывать о семейной жизни Ивана Яковлевича Яковлева, вспомним его молодость и те обстоятельства, которые подтолкнули его к просветительской деятельности.

↑ *Супруги Яковлевы с дочерью Лидой*

Поступив в Казанский университет, Иван Яковлев попал под влияние своего педагога – Николая Ивановича Ильминского. Юноша снял жильё рядом с его квартирой, которая в это время была настоящим центром изучения тюркских языков. Осенью 1870 года началось составление чувашского алфавита. В итоге получился алфавит из 47 букв. Алфавит из 47 букв оказался сложен для детей, и Яковлев решил оставить только 27 букв. Через год Яковлев максимально приблизил чувашский алфавит к русскому, оставив 25 букв. Этот вариант стал «алфавитом Яковлева», который подвергся изменению только после Октябрьской революции.

В 1872 году И.Я. Яковлев издал перевод книги «Начальное учение православной христианской веры» с татарского языка и «Букварь для чуваш», который стал официальным учебником. На титульном листе значилось: «Букварь, религиозно-нравственные наставления и молитвы и избранные места из Священного Писания».

В современном чувашском алфавите 37 букв: 33 русские и 4 буквы «с щетинами» (черточка над буквой, обозначающая мягкость гласного звука). Чувашский из устного языка стал наконец письменным. Французский этнограф Альфонс Пинар, посетивший Поволжье, был потрясён, узнав, что у нерусского народа

есть письменность, они умеют читать и верят в Бога.

В 1871 году начался перевод Евангелия от Матфея. Работа шла медленно и трудно. Яковлев сравнивал греческий, русский, латинский, французский и немецкий тексты, беседовал с чувашами, сохранившими «литературную» речь. Сложность была и в том, что в маленькой Чувашии было целых три наречия и надо было выбрать стилистически чистое.

Занятость Ивана Яковлева и страстное желание служить своему народу не позволяли молодому учёному думать о личной жизни. Подсказка пришла неожиданно – от самого Ильминского. Николай Иванович обратил внимание своего ученика на свою воспитанницу Катю: вот кто может составить счастье молодому человеку. И Яковлев прозрел и влюбился!

Старший сын Яковлева, Алексей Иванович, с восхищением писал о приёмных родителях Екатерины Алексеевны: *«Красота любви, самопожертвования, заботы о других и бескорыстного служения – всё это без меры и счёта вложено в нашу семью Ильминскими».*

Образ матери в его мемуарах – возвышенный и прекрасный: *«Здравый смысл, быстрота, находчивость и меткость в ответе и прекрасный дар слова – таковы те дарования, которыми природа наделила её».*

Современники отмечали, что семейный союз Яковлевых был основан на взаимной любви. И всё же это был необычный союз. Ивана Яковлева и Екатерину Бобровникову крепко-накрепко связало общее дело – просвещение и христианское воцерковление инородцев.

Главой семьи был, несомненно, Иван Яковлевич, душой семьи – Екатерина Алексеевна, мудрая, сдержанная, заботливая.

В Симбирске семья Яковлевых жила (с 1885 по 1922 год) на третьем этаже здания женского училища при Симбирской чувашской учительской школе. Это здание И.Я. Яковлев построил на собственные средства.

Старший сын Яковлевых Алексей в личном дневнике очень тепло писал о своих родителях. В 1895 году в дневнике он рассказывает о маме: она много внимания уделяет детям, выезжает с ними в театр, на концерты, балы, дома охотно принимает

Семья Яковлевых. Лида, Иван Яковлевич, Екатерина Алексеевна, преподаватели школы М. Юзефа и Т. Савельева. Симбирск, 1907

гостей, играет с детьми в разные игры, читает вслух книги и журналы. В семье Яковлевых все любили читать. Книги выписывались из-за границы, из Петербурга, покупались на рынке. По вечерам семья собиралась за большим столом, покрытым красивой скатертью. Взрослые и дети могли беседовать часами. Обсуждали повседневные заботы детей, проблемы учёбы, дела чувашской школы, где они квартировали, городские новости, прочитанные книги. В доме часто звучал смех, царил атмосфера радости и веселья. По отношению к детям Екатерина Алексеевна всегда была внимательна и добра и одновременно достаточно строга, и дети это понимали.

Заботы Екатерины Алексеевны простирались не только на родных и близких, но на всех окружающих людей, особенно бедных, сирот, нуждающихся. Она была глубоко православным человеком и детей воспитывала в религиозном духе. Вместе они часто посещали церковь, причащались.

В горе Екатерина Алексеевна умела быть сдержанной и скрывала свои чувства. И умела утешить других.

Несчастье случилось с Алексеем – его исключили из университета за участие в революционном движении. Позже он вспоминал: *«С виду мать и вида не показывает, что у неё на сердце, но ночью приходит и горько плачет*

у отца о погубленной судьбе сына: тогда все это казалось страшнее, чем теперь. Но при мне никогда ни слова, ни звука, как будто это так всё и должно было быть. Уменьше молчать при своих страданиях и нести их, не показывая другим и не огорчая этим других, – та бесконечно высокая черта, которая всего более меня умиляла и умиляет. О себе, о своем горе – ни слова, ни звука!».

Екатерина Алексеевна всегда была погружена в заботы мужа. У супругов были схожие черты характера: скромность, простота, деликатность, сердечность и чуткость к окружающим. Разнились лишь темпераменты. Ивану Яковлевичу была свойственна горячность, Екатерине Алексеевне – сдержанность. Она умела потушить пожар его сердца, примирить с недругами.

Общим было и дело. В Симбирске Екатерина Алексеевна вступила на путь служения обществу. В 1878 году она возглавила открывшееся при Симбирской чувашской школе женское отделение.

В своих воспоминаниях Иван Яковлевич писал: *«Мысль об устройстве женского отделения – училища была у меня давно. Но я не осуществлял её до тех пор, пока не женился <...>. Моя молодая (тогда) жена Екатерина Алексеевна приняла горячее участие в организации женского отделения, взяв на себя преподавание поступившим чувашским девушкам русского*

языка, истории, географии, начатков грамоты и других предметов, что ею продолжалось до последнего времени – сначала бесплатно, а затем за вознаграждение <...>. Дело у неё пошло сразу же хорошо, с учащимися завязались прекрасные отношения, благодаря её умению мягко и в то же время настойчиво к ним относиться. Учащиеся всегда её любили <...>. Когда заболели воспитанники или воспитанницы, она заботливо ухаживала за ними. Входила в быт и нужды семейств преподавателей и воспитателей школы. Помогала устраивать ёлки для школьников (для мальчиков и девочек устраивались отдельные ёлки) <...>. Екатерина Алексеевна всегда была удивительная рукодельница, почему и в её отделении процветало рукоделие всякого рода, удостаивавшееся даже наград на выставках. Особенно хорошо у неё были поставлены вязание, шитьё, вышивки. Девочки сами обшивали себя под её руководством».

Большим вниманием и заботой окружили Иван Яковлевич Яковлев и его жена Екатерина Алексеевна осиротевших детей священника Н.А. Воскресенского из села Болховское Курмышского уезда. Родители их умерли от тифа в начале 1910 года. Девочки Юлия, Маня и Валя учились в Симбирском епархиальном училище, младший Володя – в духовной семинарии. Яковлевы очень жалели их, приглашали в гости, всячески им покровительствовали. Вот

как описывает Екатерина Алексеевна один из вечеров, который они устроили у себя дома для сирот Воскресенских, в письме от 2 апреля 1910 года снохе Ольге Петровне: «Вчера мы праздновали день ангела Манички Воскресенской. Было 5 девиц и 6 кавалеров (5 человек семинаристов и Володя). Устроили вечеринку – пели, играли и танцевали. Маня и Юлия играли на рояле, а потом их заменяли семинаристы на гитаре и балалайке. Было очень, по видимому, весело, и разошлись около 12 часов. Ужин вышел не очень обильный, так как я не знала заранее, сколько их будет, но кое-что набрали. Был пирог с рыбой, жареный лец, колбаса, кета, сыр, пирожные трёхкопеечные и 2 бутылки вина да 3 бутылки лаптинской воды. Десерт: орехи двух родов, конфеты трёх родов и яблоки с апельсинами <...>. Один из гостей, семинарист 6-го класса, видимо, с Маней не только хорошо знаком, но и смахивает на жениха. С ним она все время танцевала, сидела, гуляла, рядышком садилась пить чай и ужинать, и во время игр только к друг другу и обращались... Юленька была со всеми безразлична, она так худа, бледна, такая жалкая, что ей, видимо, не до женихов. Юленька очень милая, очень скромная, тихая и деликатная».

Забота о сиротах Воскресенских не ограничивалась только материальной стороной. Яковлевы думали об их обучении, правильном воспитании, стремились устроить их

дальнейшую жизнь. Эти усилия были не напрасны. Все дети получили хорошее образование.

Дом Яковлевых был открыт для всех. Как вспоминал Иван Яковлевич, жена его, как и он сам, изредка показывалась в свете, а больше любила принимать у себя. Приглашая молодых людей на обед или чай, она ненавязчиво учила их хорошим манерам, умению прилично держаться в обществе. Молодёжь ценила заботы Екатерины Алексеевны, всегда хорошо к ней относилась.

В течение четырёх десятков лет Екатерина Алексеевна была учительницей женского училища, и несколько десятков поколений учениц были обязаны ей тем, что приучились к порядку, чистоте, аккуратности, овладели чистым русским языком. Много усилий прикладывала Екатерина Алексеевна к тому, чтобы воспитать из учениц примерных жён и матерей. К каждому выпуску складывалось несколько пар из учениц женской школы и воспитанниками Чувашского училища. При этом Яковлевы обязательно принимали участие в благословении, а бедным невестам устраивали скромное приданое из собственных средств.

Для своих бывших воспитанников Яковлевы навсегда оставались друзьями и наставниками на всю жизнь.

Екатерина Алексеевна, русская по национальности, связав свою судьбу с просветителем чувашского народа, стала ему не только женой, другом, но и единомышленником, соратником. Она работала под руководством Ивана Яковлевича, разделяя его педагогические взгляды и идеи. Екатерина Алексеевна, несомненно, была талантливым педагогом и внесла много своего в методику преподавания тех предметов, которые вела. Её педагогическая деятельность распространилась намного шире рамок Симбирской чувашской учительской школы, так как воспитанницы Екатерины Алексеевны, которые разъезжались по чувашским деревням, продолжили её дело. Но самая величайшая её заслуга – это беззаветное служение великому просветителю, а значит, народу, которому Иван Яковлевич Яковлев посвятил свою жизнь.

Ольга Григорьева

Женское отделение школы

130 лет со дня рождения В.И. Апраксина (1893–1958)

«Доведите меня до берега, дайте увидеть Волгу...»

Владимир Иванович Апраксин родился 6 июля (24 июня) 1893 года в Симбирской губернии. В 1912 году окончил Симбирскую мужскую гимназию, в 1917 году – естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. С 1919 года занимался преподавательской и научной деятельностью. Одним из первых в городе начал вести юннатскую и краеведческую работу с детьми. Публиковал статьи о природе края в местной печати, издал книгу «Природа и естественные богатства Средневолжского края» (1930). Скончался 27 октября 1958 года в Ульяновске.

Владимир Апраксин родился в селе Мордово Симбирской губернии в семье священника. И отец, и дед были священнослужителями. На рождение внука дед подарил младенцу свой гербарий. В семье шутили: тогда-то и пробудился у ребёнка интерес к растениям. Вскоре глава семьи отец Иоанн (Иван Петрович Апраксин) был переведён в Симбирск настоятелем Воскресенского храма, что на старом кладбище, и семья переехала в город.

После окончания Симбирской мужской гимназии Володя поступил на медицинский факультет в Казанский университет. Но его влекли естественные науки, и он перевёлся на естественное отделение физико-математического факультета. После окончания университета вернулся в родной город и начал преподавательскую работу в мужской школе № 3.

В 1924 году Владимир Иванович был участником совещания учителей-передовиков в Москве. В личной беседе с А.В. Луначарским педагог сообщил, что собрал большой материал, связанный с природными ресурсами края, и народный комиссар просвещения убедил Апраксина организовать в школе краеведческий музей. Вернувшись домой, Владимир Иванович энергично взялся за дело. В итоге в 1928 году в школе № 3 открылся первый в Ульяновской области музей природы. Он занимал три больших комнаты. На стендах его были представители растительного и животного мира, образцы каменного мира нашего края. Музей успешно работал несколько лет, но потом В.И. Апраксин перевёлся в 1-ю школу.

После революции отец Владимира – священник Иоанн Апраксин не снял рясу и нагрудный крест. Чтобы не подвергать детей опасности, он жил отдельно, у тайной монашенки, а в гости к детям и внукам выбирался

в тёмное время суток. И всё-таки его арестовали, обвинив в попытке подорыва волжского моста.

Владимир, как на работу, ходил в тюрьму ежедневно, требовал свидания с отцом или хотя бы разрешения на переписку, на что получал один и тот же ответ: Иван Петрович Апраксин отправлен в Сибирь без права переписки. Сын так и не узнал, что отец был расстрелян почти сразу же после ареста, в Ульяновске. Место захоронения до сих пор неизвестно.

Но жизнь продолжалась. Владимир Иванович занимался научными исследованиями, много времени уделял ученикам. Он преподавал в 1-й школе, в 7-й, а также в Ульяновском педагогическом институте. Вместе со школьниками и студентами часто выезжал в научные экспедиции.

Дом Апраксиных находился в центре города. Здесь всегда было оживлённо, весело и многолюдно. Кроме хозяев проживали кошка, собака, жабы, лягушки, уж и другие животные.

Учёный болел раком и подчас сильно страдал, но тщательно скрывал от близких приступы боли и всегда находил повод для смеха. Он умел развеселить и домочадцев, и гостей, часто приходивших в дом Апраксиных. Среди гостей были известные люди: энтомолог, математик и философ Александр Любищев, ботаник Виктор Благовещенский, художник Дмитрий Архангельский, палеонтолог Константин Кабанов. Коллеги Апраксина любили поспорить на научные темы, но и тут не обходилось без смеха. Владимир Иванович обсуждал с Александром Любищевым действия Лысенко в борьбе с генетиками и, они откровенно смеялись над псевдоучёным. Константин Андреевич Кабанов, работавший в ликбезе, приносил выписки из бумаг, над которыми хохотал весь дом. Была, например, такая записка: «Прошу выдать мне

Воскресенский храм
на старом кладбище Симбирска

25 рублей на покупку белья, так как я в этом отношении в плохом состоянии – как в верхнем, так и в нижнем».

Дмитрий Иванович Архангельский развлекал друзей иным способом. Он просил написать какую-нибудь фразу и по почерку определял характер писавшего и называл автора записки.

В доме Апраксиных частенько бывали ученики Владимира Ивановича. Здесь ставились химические опыты, которые невозможно было проводить в школе.

В годы Великой Отечественной войны В.И. Апраксин был директором областной станции юных натуралистов. Вместе со своими учениками он совершал экспедиции и походы в сёла Ульяновской и Куйбышевской областей, а также на Урал и Северный Кавказ. В походах и экспедициях собирался гербарий, который 20 апреля 1960 года был передан в Ботанический институт.

Ещё один немаловажный факт: В.И. Апраксин входил в состав геоботанического отряда А.П. Шенникова, который изучал волжские луга и луга малых рек Симбирской губернии. Среди мест сбора гербарных образцов часто встречаются названия урочищ волжской поймы: Попов остров, озеро Банное, Карамзинская колония и сама пойма Волги.

Как писал Николай Сергеевич Раков¹, старшая дочь Апраксина Лидия Владимировна передала в педагогический институт папку с некоторыми рукописными материалами отца. Среди них оказались две рукописи

«Списка гербария В.И. Апраксина...» с указанием всех населённых пунктов, где проводились экскурсии и собирались гербарные образцы.

Широкий кругозор и собранные в полевых условиях материалы позволили учёному написать книгу «Природа и естественные богатства Средневожского края» (1931).

По воле ученого его геологическая коллекция и гербарии были переданы в Ульяновский областной краеведческий музей, а часть гербария была отправлена в биологический институт Российской Академии наук.

Из воспоминаний географа-краеведа

Сергея Емельяновича Бирюкова

В начале 1950-х из 1-й мужской школы имени В.И. Ленина к нам в 7-ю женскую перешёл работать учитель биологии Владимир Иванович Апраксин. Тоже большой любитель нашей русской природы. Владимир Иванович был активный учитель, это нас и сблизило. Нам ничего не стоило весной и осенью все воскресные дни израсходовать на экскурсии с учащимися школы на природу, а половину летнего отпуска пробыть с ребятами в походе по интересным местам нашего края.

Меня интересовал камень, а его привлекала ботаника. И на квартире, и в школе, и на выставках у меня – минералы, горные породы, окаменелости, а у него всегда мир растений. Кстати, В.И. Апраксин учился в первой Симбирской гимназии в одном классе с К.А. Кабановым... Подружились мы, бывали друг у друга, спокойные беседы наши велись часами. Целый ряд экскурсий с учениками и два дальних похода сделали мы с Владимиром Ивановичем совместно. Научился я у него находить юмор в передрягах, неизбежных в походе, и этим самым успокаивать детей, научился у него и философски относиться к мелким неприятностям в жизни.

Последний поход делали на шлюпках. Владимир Иванович прибалывал уже. Вот тогда-то и сказал он мне такие слова: «Как бы ни был я

болен, доведите меня до берега, дайте увидеть Волгу – и я сяду вместе с вами на весла». Вверх по Волге поднялись протокой вдоль правого берега до Тархан. Шли на вёслах, а при попутном ветре ставили паруса. Караван состоял из трёх шлюпок-шестерок и одной моторной лодки (для разведок), человек 30 ребят – по десятку на шлюпку. Чуть выше Тархан, «через собачью прорву» – проран (пролив) на острове, вышли в большую Волгу. Обрато вниз шли вдоль левого берега, заходя по пути в устья небольших рек (Утка, Майна, Красная)...

На одной из экскурсий бродили мы вдоль речушки Каменки. Переночевали, если не ошибаюсь, в деревне Вышки. На другой день, в окрестностях этой же деревни лазали в оврагах, копались в каменистых россыпях на берегу Волги. Поиск был удачным. Попались несколько окаменелых остатков древних, давно вымерших животных, попался на редкость выскокий (метра три), с роскошными малиновыми цветами иван-чай, подивились и на это чудо, потом иволги, шутивная стайка привлекла наше внимание.

Владимир Иванович увлечённо отвечал на вопросы учеников, рассказывал о растениях, о насекомых, о птицах, о животных, обитавших в наших краях сотни миллионов лет назад...

Девочка спросила:

– Владимир Иванович, вы, наверное, всё знаете? Отвечаете на каждый наш вопрос.

– А вы спрашивали Сергея Емельяновича, всё ли он знает?

– Спрашивали, говорит: далеко не всё.

– Вот и я так же. Да, кое-что знаю, но, к счастью моему, тоже далеко не всё.

– Почему же к счастью, разве плохо много знать?

– Если бы я знал, как ты сказала «всё», жить на свете было бы неинтересно. Жизнь только тогда жизнь, когда ты чего-то не знаешь, но знать хочешь. Когда читаешь – узнаёшь, когда ищешь – находишь новое, неизвестное. В этом я и вижу радость в жизни!

Елена Кувшинникова

¹ Николай Сергеевич Раков (1943–2021) – ботаник, флорист, кандидат биологических наук, доцент, исследователь флоры Среднего Поволжья.

100 лет со дня рождения Н.А. Кузминского (1923–2009)

23 марта 2023 года исполнится 100 лет со дня рождения педагога, историка **Николая Анатольевича Кузминского**. Это был неординарный, увлечённый краеведением человек, любящий жизнь, людей, детей и природу, умеющий повести за собой молодёжь, вдохновить студентов и школьников на поиск. «Нельзя понять историю Отечества без знания прошлого малой родины, без изучения территории, на которой жили деды и прадеды», – говорил своим ученикам Николай Анатольевич.

Неутомимый краевед

Николай Кузминский родился в селе Поповцы Базалийского района Каменец-Подольской области Украины в семье сельского священника. В 1938 году окончил семилетнюю школу и поступил в Уманский медицинский техникум, но тяга к литературе перебила, и он бросил техникум – пошёл работать литературным сотрудником районной газеты. В 1940 году семья переехала в Алтайский край, где Николай Анатольевич стал заведующим сельским Домом культуры, затем учителем начальных классов Буканской семилетней школы. Когда началась Великая Отечественная война, он ушёл на фронт. В 1944 году был тяжело ранен и попал в госпиталь в Ульяновск. После выздоровления Кузминский демобилизовался. Волжские просторы и город на высоком берегу приглянулись фронтовику, и он обратился в областное управление образования с просьбой направить его на работу в школу. Ему предложили должность военрука в одной из школ г. Ульяновска, а затем – инспектора военной подготовки учащихся Ульяновского областного управления образования.

В 1953 году Николай Анатольевич поступил на заочное отделение исторического факультета МГУ, но

вскоре перевёлся в Ульяновский педагогический институт. В это время он уже работал историком в Майнской средней школе. Кузминский создал школьный краеведческий музей, проводил краеведческие вечера и конференции. Вместе с ребятами составил рукописную историю села Майна и района. Свой интерес к истории края он сумел передать и своим ученикам. Ребята любили его занятия, увлекались исследовательской работой, каждое лето вместе с педагогом отправлялись в пешие походы и экскурсии. «Мы с ребятами всю Волгу обошли! – вспоминал впоследствии Николай Анатольевич. – Исследования на местности – это кропотливый труд. Любая крупица знаний представляет ценность для краеведа. Мы беседовали со старожилами, записывали легенды и предания о возникновении сёл и деревень, проводили археологические раскопки».

В 1954 году педагог неожиданно перевёлся в Усолье Шигонского района Самарской области. В тот год Н.А. Кузминский отправился с ребятами в поход вдоль Волги до села Усолье, которое до революции принадлежало Орловым-Давыдовым¹ и относилось к Симбирской губернии. Любитель природы, Николай Анатольевич был потрясён видами Волги

Здание народного училища, где после революции и до 1967 года находилась Усольская школа

и Жигулёвскими горами, а ещё его поразило имение Орловых-Давыдовых – сам архитектурный комплекс и связанная с ним богатейшая история.

Н.А. Кузминский возглавил Усольскую среднюю школу (в тот год она стала средней), которая находилась в здании бывшего начального училища, построенного в 1874 году по инициативе и проекту Ильи Николаевича Ульянова, директора народных училищ Симбирской губернии².

На новом месте Николай Анатольевич Кузминский продолжил педагогическую и краеведческую работу. Имение Орловых-Давыдовых уже в те годы пришло в упадок, ценные вещи давно исчезли, но портреты владельцев и знатных особ, фотографии, герб Орловых, украшавший когда-то въезд в имение, сохранились. Краевед понимал, что всё будет окончательно

утрачено, если не сохранить имеющиеся экспонаты. Н.А. Кузминский начал создавать музей истории Орловского имения прямо в школе³. Эта работа была продолжена его преемниками – сам Кузминский по семейным обстоятельствам вскоре вернулся в Майнский район.

Волга и Жигули навсегда оставили след в душе Николая Анатольевича. Эта любовь отразилась в его живописных работах – Кузминский оказался талантливым художником.

В Майнском районе он возглавил Карлинскую среднюю школу. Ему очень пригодился опыт собирательской работы, полученный в Усолье. Н.А. Кузминский создал при школе краеведческий кружок. Была составлена рукописная история села Майна и района, проводились краеведческие вечера и конференции.

С ребятами Николай Анатольевич начал издавать рукописный краеведческий журнал под названием «Волга», обложки которого украшали фотографии любимых видов речных просторов и живописных берегов. Эти фотоснимки 1954 года запечатлели волжские пейзажи перед самым затоплением прибрежной

Усольские горы.

• Фото Н.А. Кузминского

↑ Картина Н.А. Кузминского

зоны. Маленькие по объёму, они со временем выцвели, но Николай Анатольевич перенёс эти виды на свои полотна.

Часть живописных работ краеведа экспонируется в Майнском краеведческом музее. Другие картины, а также рукописи и книги из личной коллекции Кузминского вдова краеведа Антонина Тимофеевна передала в дар Ульяновской областной научной библиотеке.

С 1971 по 1996 год педагог работал старшим преподавателем и доцентом на кафедре истории СССР в Ульяновском государственном педагогическом институте. Н.А. Кузминский стал автором многочисленных научно-методических работ по историческому краеведению. Это

«Опыт краеведческой работы в школе», «Ульяновцы в боях за Родину», «Край наш родной», «Край Симбирский», «Венец. Историко-краеведческий альманах», «Край богатырки Усолки» и других. Он был участником многочисленных областных и всероссийских педагогических чтений, поволжских экспедиций Института археологии СССР. Помещал статьи и очерки краеведческого характера в местной печати.

Участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Отечественной войны II степени, награждён медалями «За оборону Сталинграда», «Георгий Жуков».

Скончался краевед 15 июня 2009 года в Ульяновске.

Наталья Кожина

¹ Усадьба была построена в 1770 году и принадлежала Григорию Григорьевичу Орлову, в 1783–1831 годах – его сыну Владимиру Орлову. В 1812 году деревянная усадьба сгорела и в 1814 году построена заново. В 1831–1882 годах принадлежала внуку В.Г. Орлова – Владимиру Петровичу Орлову-Давыдову, в 1882–1905 годах – его сыну Анатолию Владимировичу, а с 1905 до 1917 года – Александру Анатольевичу Орлову-Давыдову.

² Илья Николаевич Ульянов присутствовал на открытии училища. В этом радостном событии принимали участие все жители села,

старосты Усольской волости и сам владелец имения граф Анатолий Владимирович Орлов-Давыдов.

³ Музей существует и ныне. В кабинете, расположенном рядом с учительской квартирой, помещены картины и фотографии, отражающие разные периоды жизни села. Экспозиция другой комнаты посвящена истории рода Орловых-Давыдовых с их огромным генеалогическим деревом, также здесь размещены портреты владельцев усадьбы и знатных особ, фотографии Усолья, старинные предметы.

Я родилась в деревне Овражки Ульяновской области Цильнинского района в большой семье Владимира Ивановича Шкирдова. Сейчас нашей деревни нет. Но до сих пор мы помним нашу родину и каждый год приезжаем сюда. Старшие мои братья и сёстры учились в селе Васильевка. Это село находилось рядом с нашей деревней, разделяла их река Бирюч. Всех моих братьев и сестёр выучила в начальной школе Мария Михайловна Сесина. Её хорошо знали многие жители Цильнинского района и вспоминают о ней с благодарностью. 2023 год объявлен Годом педагога и наставника. Хотелось бы рассказать об этой замечательной учительнице и прекрасном человеке.

Первый учитель

В жизни каждого человека был первый учитель. Настоящий учитель не только учит читать, писать, считать, но и воспитывает. Он друг и советник. Такой была Мария Михайловна Сесина. Её жизнь – пример служения людям и родине.

Мария родилась 9 февраля 1924 года в селе Александровка Богданского района. Девичья фамилия – Кулешина. В семье помнят происхождение фамилии: прадедушка был внешнею пошож на кулика.

В семье росли трое детей. Старший брат Павел Михайлович был участником Великой Отечественной войны. После войны остался жить в г. Подольске. Сестра Анна Михайловна жила и работала в г. Ульяновске в ГПИ.

Мария окончила школу и поступила в Ульяновское чувашское педагогическое училище им. И.Я. Яковлева. Училась заочно. После окончания училища в 1941 году её направили работать секретарём РК ВЛКСМ Богданского района. В военное лихолетье она писала заметки в районную газету «Колхозная правда» о том, как трудились комсомольцы и молодёжь Цильнинского района. В 1946 году демобилизовался с войны её будущий муж Григорий Иванович Сесин. Он храбро воевал, имел награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другие. Молодые люди поженились.

16 декабря 1939 года. 15 лет

Стоят: Сесина Екатерина Кузьминична, Кулешина Евдокия Николаевна.
Слева стоит Сесин Слава. Сидят: Сесин Григорий Иванович,
Сесина Маргарита, Сесина Мария Михайловна с Женей на руках

Около села Б. Нагаткино.
Слева М.Г. Охотина (Моисеева),
медсестра Варюхина (Шурыгина),
М.М. Сесина. 1950-е годы

Марию Михайловну вместе с мужем направили работать в с. Васильевку Цильнинского района: её – учительницей, его – шофёром в колхоз.

В Васильевке Сесиных поселили в бывшем поповском доме – так называли дом бывшего служителя храма, находившегося на территории с. Васильевка. В одной половине дома жила семья Сесиных, в другой половине устроили школу. В этом же доме жила мама Марии Михайловны – Евдокия Николаевна Кулешина. Она продала дом в дер. Александровке и переселилась к молодожёнам с дочерью Анной.

С годами количество детей в селе увеличилось, места в доме не хватало, и детей начали обучать во втором здании, где находились клуб и медпункт. Позже, когда школу в дер. Овражки закрыли, ученики начали ходить оттуда в Васильевскую начальную школу. Отопление в школе было печное. Учительнице и ученикам приходилось заготавливать дрова.

В 1960 году было построено новое здание для школы. В статье «Хорошо нам в новой школе» (районная газета «Колхозная правда» 22.01.1961) Мария Михайловна писала: «В этом учебном году ученики Васильевской начальной школы занимаются в новом школьном здании, построенном на средства колхоза. В школе два светлых просторных классных помещения, учительская и пионерская комнаты, тёплый коридор. В классах и коридоре всегда поддерживается нормальная температура. Новое здание значительно улучшило пионерскую работу и дало возможность заниматься художественной

Стоят: Наумов Коля, Яшина Нина, Шкирдова Таня, Шкирдов Саша, Гусева Нина, Павельев Саша. Сидят: Яшин Вова, Краснова Галя, Сесина Мария Михайловна, Инейкина Вера Васильевна, Гурьянова Света, Афанасьев Слава

М.М. Сесина и Таня Хлынцева. Май 1966 года

самодеятельностью. Улучшилась и учебно-воспитательная работа. Учащиеся первого и второго классов имеют стопроцентную успеваемость. Сейчас регулярно проводятся пионерские сборы. Недавно у пионеров состоялся очень интересный сбор. Они посетили молочно-товарную ферму комплексной бригады, где ознакомились с устройством механизированной подачи воды из реки Бирюч в помещение коровника. Назначена экскурсия на бригадную электростанцию. Большую помощь оказывает школе родительский комитет. По инициативе его председателя Марии Ивановны Чертовой было проведено собрание родителей по организации и проведению новогоднего праздника учащихся...»

Мария Михайловна проработала заведующей школой до её закрытия в конце 1970-х годов. Григорий Иванович сначала работал трактористом в тракторной бригаде, потом шофёром грузовой машины. Одна грузовая машина была на два населённых пункта: село Васильевку и дер. Овражки. Дороги были полевые, асфальтом не покрытые. Приходилось ездить в распутицу весной, колёса застревали в грязи. Зимой – свои трудности. Приходилось перевозить много грузов. Даже ночью люди часто обращались с просьбой отвезти больных в ближайшую больницу в село Большое Нагаткино. На работе Григорий Иванович очень уставал, приходил с работы ночью и ложился спать на терраске. Утром опять на работу.

В первом ряду: Гусев Ваня, Кологреев Витя, Баринов Витя, Наумов Коля, Грызунков Павел, Моисеев Павел.
Во втором ряду: Шкирдова Надя, Горюнова Люда, Иванова Света Инейкина В.В., Сесина М.М., Моисеева Валя, Баринова Таня

Мария Михайловна, став заведующей школы, с большой ответственностью относилась к своей должности. Первый сын Вячеслав родился дома в 1947 году, роды приняла мама Марии Михайловны. Сразу после родов учительница пошла на работу, потому что нужно было открывать школу и учить детей.

В 1949 году у Марии Михайловны родилась дочь Маргарита, в 1950 году – дочь Евгения. Вячеслав и Евгения получили высшее образование. Маргарита окончила техникум.

Вся жизнь Марии Михайловны – это пример служения людям. Было очень тяжело после войны: не хватало еды, одежды, школьных принадлежностей. Пока не приняли на работу второго учителя Маргариту Георгиевну Морозову, Мария Михайловна проводила уроки в четырёх классах. Её рабочий день начинался задолго до открытия школы. Рано утром она вместе с мужем в 5 часов шла сначала в правление колхоза на заседание членов правления. Если нужно было, то объезжали поля, смотрели работу колхозников, а потом уже Сесина шла на работу в школу. Она была первым коммунистом села. И это тоже накладывало определенные обязанности. В Васильевке её выбрали секретарём партийной организации, депутатом сельского совета. Будучи депутатом, Сесина проводила организаторскую и массово-политическую работу.

Мария Михайловна любила свою работу. Каждый день, возвращаясь домой, рассказывала домочадцам о своих учениках. За кого-то переживала, за кого-то радовалась. Добивалась, чтобы дети росли грамотными и хорошими людьми.

Её очень уважали и в Васильевке, и в Овражках. Энергичная, строгая, очень требовательная, она заставляла своих детей трудиться дома по хозяйству, приучала к труду учеников в школе.

М.М. Сесина в школе за рабочим столом

Ученики были разные. Некоторые даже не знали русского языка. Вот что написала Мария Михайловна на одной из фотографий: «Работа в школе с учеником, который требовал от меня много упорства, так как он чуваш и не умел говорить по-русски. Вот я с ним и работала больше, чем с другими».

Однажды дома она рассказала такой случай. Учила девочку читать.

Говорит ей: «Давай прочитаем вместе по слогам со-ло-вей. Что получилось?» Девочка отвечает: птичка.

Ученики очень любили Марию Михайловну. Сохранилось сочинение одной ученицы о первой учительнице. С большим почтением и уважением оно написано. И таких сочинений было много.

Дочь учительницы Маргарита рассказала, что в доме на подложке хранился большой сундук с письмами к Марии Михайловне от бывших учеников. Письма шли отовсюду. Были среди этих писем и весточки с фронта от друзей, ушедших на войну. На многих письмах рукой Марии Михайловны написано: сторел в танке, погиб...

Ученики вырастали, заканчивали школу, служили в армии. Но когда приезжали домой к родителям, то обязательно приходили к ней, своей первой учительнице – поговорить, рассказать новости. Приглашали на свадьбы. Вот что она написала на одной из фотографий: «На свадьбе своей ученицы, где и мать её – моя же ученица. Это все мои ученики, которые гуляли на свадьбе. Сзади меня невеста, а рядом её мать. 1978 год».

Были и такие ученики, кто пошел по её стопам.

Со временем Сесины построили свой дом рядом со школой в селе Васильевка. Хозяйство было большое: две коровы, поросята, 20 овец, гуси, куры, утки. Семья никогда не бедствовала, но работать приходилось по хозяйству очень много. С раннего возраста дети помогали по хозяйству.

Каждый год на 9 мая около памятника погибшим, который находился в с. Васильевка, собирались жители Васильевки и Овражки. На фотографии: М.М. Сесина, Галя Павельева, директор школы в с. Репьевка Алев. Май 1966 года

Мителева (Павлова) Валентина Александровна, Комарова Александра, Сесина Мария Михайловна, Наумова (Флегонтова) Любовь Николаевна, студентка на практике

Сесины жили в Васильевке до 1971 года, пока школу не закрыли. Семья переехала в село Степная Репьевка. Мария Михайловна устроилась работать заведующей садиком, затем секретарём в сельском совете.

В 1980-х Мария Михайловна ушла на пенсию и переехала жить в г. Ульяновск. 3 апреля 2004 года её не стало. Похоронена в Ульяновске.

Ирина Шкирдова-Агошко

Автор благодарит дочь М.М Сесиной Маргариту Григорьевну за рассказ о маме и семейные фотографии и просит откликнуться потомков жителей деревни Овражки. 432035, Агошко И.В., до востребования или: agoshko.ira@mail.ru.

С ЛЮБОВЬЮ К ЧИТАТЕЛЯМ И КНИГАМ

Настоящим профессионалом и человеком большой души была Людмила Владимировна Ильина (1948–2021) – библиотечкарь, отдавшая делу просвещения полвека.

В 1970 году она окончила Ульяновский государственный педагогический институт им. И.Н. Ульянова и пришла на работу в областную детскую библиотеку. Работала в библиотеке имени А.И. Герцена (г. Ленинград), в Доме советской науки и культуры города Будапешта (Венгрия). С 1991 по 2020 год была заведующей городской специализированной библиотекой духовной культуры № 8. По инициативе Л.В. Ильиной в 2018 году библиотеке было присвоено имя русского философа В.В. Розанова. За активную просветительскую деятельность Людмила Владимировна Ильина награждена знаком Министерства культуры РФ «За достижения в культуре», получила почётное звание «Заслуженный работник культуры Ульяновской области».

Жизнь – удивительная штука! Сколько за мои годы она преподносила радостных встреч, сюрпризов, замечательных друзей... Одним из таких незабываемых сюрпризов оказалась и встреча с Людмилой Владимировной Ильиной. Произошла она в самом начале 1990-х годов в фойе тогдашнего Дворца профсоюзов, где была развёрнута выставка-продажа новых книг – в то время огромный соблазн для читающей публики. Подобраться к столам с книгами оказалось не так просто. Добравшись до книжных новинок, я взял одну из них, стал просматривать и невольно обратил внимание на стоящую рядом невысокую приятную женщину, которая набрала уже с десяток книг и живо обсуждала их со своей спутницей. Разложенные на столах издания, на самом деле, были по тем временам редкими и желанными: философские и исторические фолианты, книги по истории. И как-то непринуждённо у нас с ней завязался разговор, из которого выяснилось, что моя собеседница заведует городской библиоте-

кой № 8 и поставила перед собой цель обогатить её фонды самыми нужными книгами на духовно-нравственную и историческую тематики. Такая постановка задачи меня искренне заинтересовала, так как в ту пору я вместе с историками и краеведами начал работать над созданием «Ульяновской-симбирской энциклопедии», кроме этого, у нас начали выходить в свет областные историко-краеведческие журналы «Мономах» и «Симбик».

Меня искренне заинтересовала её цель обогатить фонды библиотеки самыми нужными книгами на духовно-нравственную и историческую тематики.

Разговор оказался очень плодотворным, и вскоре наше знакомство переросло в настоящую дружбу. И так вышло, что уже вскоре Людмила Владимировна стала творчески и с огромным желанием писать статьи для энциклопедии и журналов, широко открыла нам двери своей библиотеки.

Людмила Владимировна оказалась удивительным человеком. Она очень любила жизнь и людей! Эта эрудированная, целеустремлённая, обаятельная женщина буквально горела желанием помочь всем расширить свой кругозор, соприкоснуться с богатствами российской и мировой культуры. На базе библиотеки работали нескольких клубов, еженедельно проходили дискуссии на самые актуальные и острые темы, презентации новых книг, тематические вечера, на которые нередко приглашали известных в стране, творчески мыслящих литераторов, философов, деятелей искусства. Расходы на эти мероприятия нередко брала на себя Люд-

мила Владимировна. Не удивительно, что эта библиотека стала центром притяжения не только для жителей северной части города – сюда приезжало немало желающих из других районов Ульяновска. Встречи нередко затягивались допоздна, но дверь библиотеки не закрывалась до окончания мероприятия...

Удивительная открытость души, готовность поделиться знаниями, включиться в решение важной общественной задачи, не жалея при этом ни сил, ни времени, – таковы черты характера Л.В. Ильиной. Она регулярно выступала по областному радио с интереснейшими обзорами книг, проводила беседы по самым важным темам для духовного мира людей. Но и этого ей было мало. Не один год по её инициативе в центре города – на Венце – ежегодно организовывались летние театрализованные книжные выставки, где каждый мог подержать в руках и познакомиться с уникальными книгами из восьмой библиотеки, послушать рассказы библиотечкарей о самых интересных изданиях библиотеки духовной культуры. Я сам не раз был посетителем этого книжного праздника и видел, с каким удовольствием, и неподдельным интересом и благодарностью и дети, и взрослые рассматривали представленные книги.

Да, то, что сотворила из обычной городской библиотеки эта увлечённая женщина, было, по сути, её гражданским подвигом. Людмила Владимировна Ильина стала настоящим символом, образцом культурного и социального служения Отечеству. Прошло уже более года, как она ушла от нас, но память об этом светлом человеке живёт и будет жить в сердцах очень многих ульяновцев, которым улыбнулось счастье быть с ней знакомыми.

Вячеслав Егоров

Она любила жизнь во всех её проявлениях

23 сентября 2022 года ушла из жизни основатель и бессменный руководитель с 1986 по 2009 год литературного музея «Дом Языковых» – филиала Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова Лариса Юрьевна Ершова.

В 1973 году она приступила к работе научным сотрудником музея «Конспиративная квартира Симбирской группы РСДРП», в 1986 году ей поручили возглавить творческую группу по созданию литературного музея «Дом Языковых». Ларису Юрьевну отличал азарт научного исследователя и неутомимая собирательская работа, она была одним из самых авторитетных специалистов по истории дворянских родов Симбирской губернии. За значительный вклад в изучение и сохранение культурного наследия на территории Ульяновской области Лариса Юрьевна была награждена медалью имени Н.М. Карамзина.

Весёлая, обаятельная, смелая и жизнелюбивая – такой она останется в памяти друзей и коллег.

Вспоминает Лосева Валерия Игоревна, заместитель директора Краеведческого музея.

В середине 1980-х годов в бывшем особняке Языковых начались работы по созданию литературного музея «Дом Языковых». Его основателями стали Лариса Юрьевна Ершова и Елена Константиновна Беспалова. Концепция будущего музея предполагала положить в основу экспозиции тему «А.С. Пушкин и его симбирское окружение». Это означало появление в регионе первого пушкинского музея и дальнейшее его включение в круг российских музеев пушкинской тематики.

Тема «А.С. Пушкин и Н.М. Языков» предполагала включение широкого круга симбирян, сыгравших значительную роль в жизни и творчестве поэта-земляка: Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, семьи Тургеневых, Д.В. Давыдова, П.В. Анненкова. Работу осложняло отсутствие коллекции в собрании краеведческого музея. Начался многолетний труд по выявлению в архивах Ульяновска, в музеях и

архивах С.-Петербурга и Москвы необходимых материалов и изготовления их копий. В столичных антикварных магазинах закупались мебель XIX века, старинные гравюры и литографии. Отдельно велась работа по поиску потомков знаменитых симбирян, сбору библиотеки, подбору типологических предметов для создания экспозиции. На это ушло 13 лет самоотверженного труда, сопряженного с бесконечными командировками, новыми контактами. Параллельно шла работа по ремонту совершенно разоренного к тому времени городского усадебного дома Языковых. Открытие литературного музея «Дом Языковых» состоялось 5 июня 1999 года и было приурочено к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

При таком напряженном темпе работы Лариса всегда сохраняла присутствие духа и оптимизм. Натура артистическая, она проявляла в работе азарт и даже кураж. Она глубоко чувствовала творчество Пушкина, прекрасно разбиралась в литературных и исторических процессах конца XVIII – сер. XIX вв.

Рядом с ней было весело, нескучно и спокойно. Её обаяние и компетентность как магнитом притягивали окружающих. Лариса Ершова несла в себе память нескольких поколений своей семьи, прекрасно знала и чувствовала историю своего родного города. На протяжении всей жизни она поддерживала тёплые отношения со всеми, с кем сводила её жизнь.

Вспоминает Бородина Ольга Егоровна, заведующая отделом развития Краеведческого музея.

Если бы сохранилась традиция литературных салонов прошлых веков, то Лариса Юрьевна была бы хозяйкой одного из самых популярных и известных. Она сама была прекрасным рассказчиком. Очевидно, перешли гены отца Ершова Юрия Александровича – ведущего актёра нашего драматического театра (1947–1961 годы) и режиссера ульяновского телевидения (1961–1971 годы). В её окружении были очень интересные творческие люди: краеведы, художники, писатели.

Когда в музей пришёл Алексей Сергеевич Сытин, известный краевед и специалист по усадебной культуре Симбирской губернии, архивные изыскания Ларисы Юрьевны соединились с практическим знакомством с усадебными комплексами – в Тереньге, Новом Доле Барышского района, Вешкайма, Карсунском, Майнском и Сурском районах Ульяновской области. В экспедициях участвовали музейные работники, архивисты, фотографы. Благодаря этому в музейной коллекции сохранились фотографии внутренних интерьеров, архитектурных деталей оформления и внешнего вида зданий (к сожалению, многие из них уже утрачены). Результатом работы стала выставка «Прошлое, которое мы теряем», посвящённая дворянской усадебной культуре и объектам культового зодчества на территории Симбирской губернии. Итогом экспедиций также был посвящен ряд публикаций в журнале «Мономах».

Лариса тонко чувствовала природу, любила гулять по лесу, ей были интересны растения, птицы. После каждой летней поездки в Белый Яр у неё возникала масса вопросов к сотрудникам отдела природы.

Талантливый и увлечённый человек, она передавала свои силы, знания и интерес к жизни дочери Даше и внучке Алисе. И всегда и во всём её поддерживал супруг Александр Михайлович Тихонов.

Под таким названием прошёл круглый стол учёных Москвы, Обнинска, Ульяновска со школьниками и студентами педагогического университета в рамках всероссийского открытого педагогического форума «Перспективы образования: вызовы времени», который состоялся в Ульяновске 18–22 ноября 2022 года. Именно так можно озаглавить все мероприятия в программе форума. Он давно стал традиционным, отражающим требования времени. В этот раз форум был посвящён десятилетию науки и технологий в России и проходил на базе гимназии № 65 имени Н. Сафронова в Ульяновске. Организаторы форума – Общероссийская малая академия наук «Интеллект будущего» (председатель – Ляшко Лев Юрьевич), Ульяновское региональное отделение малой академии наук «Интеллект будущего» (руководитель – Боровлёва Нина Егоровна), МБОУ «Гимназия № 65 имени Н. Сафронова» (директор – Куликова Инесса Викторовна).

Разговор о главном

По сложившейся традиции в первый день форума в стенах УлГУ им. И.Н. Ульянова прошёл круглый стол¹. Учёные, педагоги, студенты, школьники вели разговор о главном: о роли проектной и исследовательской деятельности школьников в становлении их как личности. Такой разговор важен и полезен как учёным, так и студентам и учащимся. Несомненно, проектная и исследовательская деятельности способствуют формированию ключевых компетентностей студентов и школьников. Она важна и для их самоорганизации, и как способ включения обучающихся в активный познавательный процесс, когда учебная проблема формулируется самостоятельно и осуществляется сбор необходимой информации.

Форум «Перспективы образования» использовал различные формы работы. Это и форсайт-сессия, и экспресс-сессия, и конференция школьников, и курсы повышения квалификации учителей.

В рамках форума прошла конференция школьников «Мне в любви

объясняется Поволжье». Ребята защищали свои проекты и исследовательские работы по направлениям: краеведение, лингвистика, литература, история, мемориальная история, биология, этнография, прикладное искусство, искусствоведение. Эксперты отметили лучшие работы по краеведению Гурьяновой Елизаветы «Поэты земли Симбирской» (МБОУ гимназия № 65, 6 класс), Танцюры Валерия «Село Андреевка – литературный край» (МБОУ школа № 72). Участники форума знакомились с историей и культурой Симбирского-Ульяновского края. Яркими и полезными получились встречи с ульяновским писателем Александром Дашко и представителями Русского космического общества Степаном Андреевичем Зотовым и Алексеем Андреевичем Горшковым. Надолго запомнится школьникам киноурок с просмотром фильма «Лошадка для героя».

Большой интерес у педагогов и школьников вызвала форсайт-сессия «Образование: взгляд в будущее», где ребята вместе со взрослыми защищали свои идеи.

Например, команда «Триумф» так объяснила смысл своего объединения: «Наше сообщество «Триумф» основано на взаимодействии учителя – ученика – учёного – трёх «У» (в кубе). Бесконечность (∞) в центре эмблемы – это символ нашего бесконечного познания. Треугольник – триединство целей. Наш девиз: «нельзя научить, но можно научиться». В нашем сообществе учёные учат учителей, учителя – учеников, а ученики – и учителей, и учёных. Наше взаимодействие строится на принципах гуманизма, взаимоуважения и готовности учиться». Команда «Триумф» озвучила и условия взаимодействия: свобода самовыражения, принятие и одобрение результатов творческой деятельности, научные знания. На вопрос, чему ученики могут научить своих учителей, они отвечают: творческому самовыражению, современным технологиям, дружбе и детскому восприятию мира.

Команда «Звёздная академия» так пояснила название: через тернии – к звёздам. И расшифровала главную задачу (она заложена в самом названии) – чтобы звёзды загорались. В основе работы – спиральная система, которая приводит к решению всех задач.

Участники рисовали свою судьбу в контексте преемственности и взаимодействия (межпоколенческий проект).

Насыщенной и интересной оказалась и экспресс-сессия «Лучшие педагогические практики современного образования». Стендовые доклады, телепрезентации позволили участникам форума познакомиться с опытом работы педагогов и образовательных учреждений, с лучшими практиками образования по тематике форума.

Не менее важны для педагогов курсы повышения квалификации учителей. Это неотъемлемая часть форумов, проходящих по инициативе

малой академии «Интеллект будущего». В этот раз курсы повышения квалификации состоялись по теме «Актуальные направления развития современного образования». Они включали лекции, семинары-практикумы и мастер-классы ведущих учёных и педагогов.

Участники форума получили документы: свидетельство участника, диплом лауреата, удостоверение о повышении квалификации педагога по теме «Современные образовательные технологии».

В своём отзыве о форуме кандидат экономических наук Л.М. Лукашова написала: «Восхищена высоким уровнем организации мероприятия, внимательным отношением ко всем участникам (взрослым и детям), всесторонним охватом проблемы, её жизненной актуальностью.

Особая благодарность за понимание важности союза детей, родителей и педагогов. Именно в этом заключается преемственность традиций и движение в будущее – когда именитые светила помогают расти юным звёздочкам».

Нина Боровлёва,

кандидат педагогических наук,
руководитель

Ульяновского регионального отделения
общероссийской МАН
«Интеллект будущего»

Участники форума

¹ В работе круглого стола приняли участие руководитель Ульяновского отделения Общероссийской малой академии наук «Интеллект будущего» Нина Егоровна Боровлева, доктор педагогических наук Виктор Петрович Голованов (г. Москва), действительный член Русского космического общества Алексей Андреевич Горшков (г. Санкт-Петербург), Елизавета Алексеевна Гринёва (УлГПУ им. И.Н. Ульянова), председатель Общероссийской малой академии наук «Интеллект будущего», кандидат педагогических наук Лев Юрьевич Ляшко (г. Обнинск), директор образователь-

ных программ МАН «Интеллект будущего» Татьяна Васильевна Ляшко (г. Обнинск), кандидат философских наук Ольга Григорьевна Панченко (г. Москва), доктор педагогических наук Дмитрий Витальевич Смирнов (г. Москва), доктор культурологии, кандидат педагогических наук Анна Юрьевна Тихонова (УлГПУ им. И.Н. Ульянова), Анна Георгиевна Рычкова (ОГПУ, г. Омск), студенты физико-математического факультета и дополнительного образования, учащиеся 10 класса гимназии № 65 и их классный руководитель Татьяна Ивановна Яшина.

В последнее время многие спорные и малоизученные вопросы истории нашего края как-то незаметно перешли из сферы краеведения в область деятельности туризма и политики. Одна из таких тем – дата основания посёлка Старая Майна. «Самое древнее селение России!», «Древняя Майна!», «Древнерусское село», «Старейшее поселение на Руси» – такими заголовками откликнулась пресса на созданный знатоком старомайнских древностей А.Е. Кожевиным проект «1700 лет Старой Майне». Действительно, когда была основана Старая Майна? Существует много версий, но ни одна из этих дат не подтверждена документально. Давайте рассмотрим каждую версию, подробно разберём документы разных эпох и попытаемся ответить на вопрос, когда же была основана Старая Майна.

Так ли стара Старая Майна?

1597 год.

Вотчина братьев Асановых?

На эту дату в истории нашего края указывали многие исследователи, краеведы и журналисты. Е.А. Бурдин, исследователь затопленных Куйбышевским водохранилищем поселений, прямо говорит, что никто не обращал внимания на работу Е.И. Чернышёва, посвящённую писцовым книгам Казанского ханства, где деревня Старая Майна упоминается в 1597 году.

В работе Е.И. Чернышёва «Селения Казанского ханства (по писцовым книгам)» есть упоминание о Старой Майне: «Очень крупное владение со второй половины XVI века имели Яков и Федор Асановы по реке Уреню – Атабаевский¹ луг с деревнями Ботма и Старая Майна. Яков Васильевич Асанов получил на это владение грамоту 7105 (1597) года, по которой он унаследовал от отца своего, служилого татарина, бортный ужожей, бобровые гоны и рыбные ловли за Камой рекой по Ногайской стороне, ниже Тетюш, и по Майне реке²».

В приложении к работе имеется «Список населённых мест периода Казанского ханства», где в числе прочих сёл Казанского уезда упоминается «Майна, деревня Ногайской дороги» и указан источник, из которого взяты данные об этом населённом пункте: «Писцовая книга поместных и ясачных татарских земель Казанского уезда 7111 (1603 г.) письма и меры Ив. Болтина».

Прочтём указанные Е.И. Чернышёвым источники – древние писцовые книги Казанского ханства. Первый документ – «Ввозная грамота, данная казанским воеводой князем И.М. Воротынским служимому новокрещену князю Якову Васильеву сыну Асанову на поместные владения по рекам Волге, Майне и Уреню», датированная 11 апреля 7105 (1597) годом.

Текст грамоты приведём почти полностью.

«По государеву цареву и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси указу воевода князь Иван Михайлович Воротынской с товарищи дали служилому новокрещену князю Якову, князь Васильеву, сыну Асанова вотчину: бортной ужожей и бобровые гоны и рыбные ловли за Камой рекою по Волге реке, на Нагайской стороне, по Самарской дороге, ниже Тетюш по Майне реке Алтыбаевской луг по речке по Уреню по вершине да к Малому бору. А от Малого бору по Верхней бор и по дубник по Волгу реку да по врагу по Мыклаку. А по Волге реке на низ от Майнского устья. Нижняя межа по Красной Яр, повыше Синбирскова городища. А верх нея межа: по Майне реке по нижнюю сторону вверх.»

Для того бил челом государю царю и великому князю Феодору Ивановичу всеа Руси новокрещен князь Яков Асанов. А сказал, что та вотчина была отца ево. А после отца своего тою вотчиною владеет он, князь Яков, по государеве жалованной грамоте, какова дана была отцу ево. И государю

бы пожаловати: велети тою отца его вотчиною владети ему, князь Якову, попрежнему. <...>

А та будет вотчина – бортной ужожей и бобровые гоны и рыбные ловли после отца ево на оброк не отданы никому и не владеет ими, опричь князя Якова, никто, князь Якову Асанову тою отца своего вотчиною владеть попрежнему, как и отец ево, князь Васильей, владел.

К подлинной грамоте государеву цареву и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси печать царства Казанского приложил воевода князь Иван Михайлович Воротынской, лета 7105-го, апреля в 11 день.

Закрепа дьяка Алексея Шапилова³».

Как видим, никакого упоминания о деревне Майна в документе нет. Есть лишь упоминания об урочищах, которые сейчас входят в состав современного Старомайнского района: река Майна, река Урень и Алтынбаевский луг.

Давайте посмотрим второй документ, о котором упоминает Е.И. Чернышев: «Писцовая книга поместных и ясачных татарских земель Казанского уезда 7111 (1603) письма и меры Ив. Болтина». Полный текст этого объёмного документа приводить не буду, здесь очень подробно описаны земли и селения служилых людей Казанского уезда. Вот отрывок из документа, касающийся земель, входящих в состав современного Старомайнского района.

«Да за князь Яковом же по выпи-
си с казанские дачи 105-го году, что
было за отцом его, – бортной ухажей
да бобровые гоны и рыбные ловли за
рекою за Камюю, по реке по Волге, и на
Нагайской стороне по Самарской до-
роге, ниже Тетюж по Майне реке Ал-
тыбаевской луг, по речке по Уреню по
вершине да к малому бору, а от мало-
го бору по верхней бор и по дубровник
и по Волгу реку, а по Волге по реке на
низ. От Майнского устья нижняя межа
по Красный Яр, повыше Синбирского
городища. А верхняя межа по Май-
не реке, по нижнюю сторону. А вверх
и по тем урочищам бобровые гоны. И
рыбными ловлями владеют сам князь
Яков. Рыбу ловят и бобровы гоняют на
него его князь Яковлевы люди. А борт-
ной ухажей и по записи 97 году отдаст
он на оброк Свяжского уезда з горные
стороны чюваше Якушу да Курмашу
Мулозяневым, да Бускейку да Мазет
Девлебыхтееву. А оброку Якушко с то-
варыщи, с тех знамян князь Якову по
записи платят 18 батман: за 8 бат-
ман деньгами 5 рублёв 6 алтын деньги,
за батман по 20 по одному алтыну по
4 деньги, да медом дают 10 батман⁴».

И тут нет никакого упоминания
о каких-либо поселениях на берегу
реки Майна. Получается, что, упомя-
нув в своей работе топоним «Майна»,
Е.И. Чернышёв связал его с деревней,
хотя все документы указывают, что
это река. Если бы в эти годы возле
устья реки Майны существовало посе-
ление, то упоминание о нём или же
о пахотных землях и сенных покосах
поселян обязательно было бы в этих
писцовых книгах. Но в те годы зем-
ли по берегам Майны и Утки были
«порозжей землей⁵», поэтому ни в
документах 1597 года, ни в докумен-
тах 1603 года упоминаний о деревне
Майна или Старая Майна нет.

1661 год.

Владение Костромского Богоявленского монастыря?

В своё время краевед Ю.Н. Морд-
винов выдвинул предположение, что
Старая Майна могла быть основана
игуменом Костромского Богоявлен-
ского монастыря Герасимом, яко-
бы имевшим земли на берегах реки
Майны. И теперь уже можно проче-
сть о каких-то древних легендах
старомайнцев, об игумене Герасиме.
Помилуйте, самые древние легенды
старомайнцев – это сказки А.К. Но-
вопольцева, записанные в середине

↑ Богоявленская церковь п. Старая Майна. Фото Н. Захарчева

XIX столетия. Никаких легенд о Ко-
стромском Богоявленском монастыре
в фольклоре жителей Старомайн-
ского района записано не было. Мы
же опираемся не на легенды, а на до-
кументы. И вот один из них.

**«1661 г. сентября 13. Вво-
зная грамота казанского воеводы
Д.А. Долгорукова и дьяка А. Ташлы-
кова игумену з братьею на земли по
р. Волге в Казанском уезде.**

По государеву цареву и великого
князя Алексея Михайловича всеа Вели-
кия и Малыя и Белья России самодерж-
ца указу окольничей и воевода князь
Дмитрею Алексеевич Долгорукову да
дьяк Офонасеи Ташлыков дали ввозная
грамота Костромского Богоявленского
монастыря игумену Герасиму з бра-
тьею на порозжую землю в Казанском
уезде на Волге реке, на Казанской сто-
роне против Синбирска города, вниз по
Волге реке от земли синбирца Левон-
тья Палицына, что та земля – луги и
лес – место степное для того.

<...> А помещики де и вотчинники
на той земле наперед сего не живали
и ныне де та земля лежит порозжа, и
великого государя к дворцовым селам и
к засечным крепостям и к черным во-
лостям и к Ямским слободам и к мона-
стырским и церковным и к ясаиным и
к иным ни х каким землям не приписа-
на, и спору об ней ни с кем не бывает и
не владеет тою землею никто, лежит
порозжа, и синбирским землям у того
поруки никакие не будет, потому что
де то место порозжее от Синбирска в
10-ти верстах. Да в дозорных книгах

подьячего же Герасима Алексева про-
шлого 1661-го году августа в 7 день на-
писано: та земля, о которой Костром-
ского Богоявленского монастыря игу-
мен Герасим з братьею бьют челом,
по сыску объявилась пуста, и место
степное, а не пашенное, от Синбирска
на низ Волги реки в десяти верстах.

А по мере тое пустые порозжие
земли: от земли синбирца Леонтья
Палицына степью по Синбирскую до-
рогу, что ездят в Ерыклинской, прямо
по дороге межи до соснового коньку,
что в степи, а от коньку прямо степью
до речки Камаюря, по верхнеи сосновои
враг, да вниз по речки Камаюря до Ше-
выринского истоку да вверх по Шевы-
ринскому истоку до вершин. А от вер-
шины Шевыринского истоку прямо на
реку Волгу до матерова берегу, да вверх
по реке Волги до тое ж Левонтьевы
земли Палицына. А в длину тое пороз-
жеи земли по смете от земли синбирца
Леонтья Палицына до речки Камаюря
на 5 верст, а поперег тое земли от
Волги реки от нижнеи изголови Крас-
ного яру степью до соснового коньку,
что стоит на Синбирской дороге. <...>.

...К сей ввозной великого государя
царя и великого князя Алексея Михаи-
ловича всеа Великия и Малыя и Белья
России самодержца печать царства Ка-
занского приложил окольничей и воево-
да князь Дмитрею Алексеевич Долгору-
ково. Лета 7170-го сентября в 13 день.

Скрепя: Дьяк Афонасей Ташлыков.
Справил Федька Шабалин».

Суть этого документа заключается
в том, что в 1661 году игумен Ко-

стромского Богоявленского монастыря Герасим осмотрел пустующие земли Казанского уезда на левом берегу Волги напротив Синбирска. Здесь он увидел пустующие земли, которыми никто не владел, и выбрал участок в пользование монастырю. Границы этого участка точно описаны, сейчас этот участок земли находится в Чердаклинском районе.

Почему-то некоторые исследователи⁶, утверждая, что Костромской Богоявленский монастырь получил земли на реке Майна в 1655 году, в качестве подтверждения приводят вышеуказанный документ 1661 года. Однако исторические документы утверждают, что в 1655 году Костромской Богоявленский монастырь получил довольно крупные оброчные бессрочные земельные владения на левобережье Камы, рядом с устьем реки Ика, а в 1661 году – на левом берегу Волги напротив г. Синбирска⁷.

Краевед Ю.Н. Мордвинов, рассматривая версию об основании Старой Майны игуменом Герасимом в 1655 году, вынужден признать, что «отхлопотал ли он именно здешние земли, сказать трудно, ибо конкретных подтверждающих документов найти не удалось. Сложно найти подтверждение и в самом монастыре, ибо монастырь пострадал от большого пожара⁸». Единственное, на чём основана версия Ю.Н. Мордвинова, – «совпадение названий Богоявленского монастыря и образованного селения Богоявленского (Майна)». Трактовка, конечно, привлекательная, но совпадение названий монастыря и села не может являться подтверждением исторической версии. Более того, топоним «Богоявленское» не может быть «древнее и старше» топонима «Майна», как это любят утверждать некоторые краеведы. Богоявленское – это второе, церковное название села Старая Майна, которое появилось лишь после постройки в селении Богоявленской церкви. И название это практически никогда не использовалось отдельно, даже в церковных документах писалось: «Богоявленское, Старая Майна тож». Топоним «Майна» был известен в документах Казанского уезда задолго до того, как здесь появилась Богоявленская церковь, поэтому церковное название села никак не может быть древнее и старше его официального названия по протекающей здесь реке.

1670 год.

Основание Майнского острога

В настоящее время исторической науке известны две рукописи, касающиеся истории заселения устья рек Утка и Майна во второй половине XVII века. Это документы поместного приказа, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов.

1. Отводные и межевые книги Михаила Ивановича Баракова иноземцам – полоцкой шляхте Гавриле Гаславскому с «товарищами» – земель по р. Майне и Утке, составленные в августе 1668 года подъячим Анисимом Чередеевым по царской грамоте на имя казанских воевод Юрия Петровича Трубецкого, окольного Никиты Михайловича Боборькина, дьяков Афанасия Ташлыкова и Юрия Блудова 1668–1669 гг.

2. Сыскные книги Андрея Чертова и подъячего Данилы Галактионова о выборе места для строительства городов при р. Майне и Утке и определении объёма необходимых строительных материалов. Составлены они были по царскому указу в марте 1670 года.

Последний документ часто цитируется в материалах, посвященных основанию Старой Майны, на нём строится основная версия даты основания поселка – 1670 год. Откуда она появилась?

Чтобы защитить заволжские поселения от кочевников и разбойников, «в начале марта 1670 года из Казани на Утку и Майну были посланы служивый человек Андрей Чертов с подъячим Галактионовым, которым поручено было приехать на Майну, взять у полковника Гаславского и начальных людей, а на Утке у ротмистра Петра Костенецкого и у шляхты сказки (грамоту, донесение), чтобы знать заранее, где построить на Майне и Утке в крепких местах, описать и измерить, и осмотреть, в котором месте около слободы Полоцкой шляхты построить остроги⁹».

В августе 1670 года на реку Майну прибыли «в смете и по сказке подмастерья казанских стрельцов Николки Захарьева да Фетки Воженина надобно на Майнское острожное дело и на катки, и на мосты, и на иглы, и на подпоры, на всякую сажень по 20 брёвен, итого на строжное дело 42 тысячи брёвен трёхсаженных, в отрубке по полупята и по пять и шесть вершков, да на проезжие, на шесть

башень по 300 брёвен, да по 100 тесин на башню, затем на глухие...» Всего на строительство Майнского острога требовалось 80 тысяч сосновых брёвен и 1800 тесин.

За дату основания Старой Майны – 1670 год – взята почему-то дата составления плана и сметы на строительство острога на реке Майна. Смета не может являться документом, от которого началась история посёлка. Ю.Н. Мордвинов правильно заметил: в этот год не было построено ни одного укрепления, не вбито ни одного столба. Но эта смета поможет открыть нам настоящую дату основания посёлка. Обратите внимание, что острог планировалось построить на реке Майна около слободы полоцкой шляхты. То есть этот документ говорит о том, что до строительства острога здесь уже жили люди полковника Гаславского. Именно для их защиты и стали строить остроги на реках Майне и Утке.

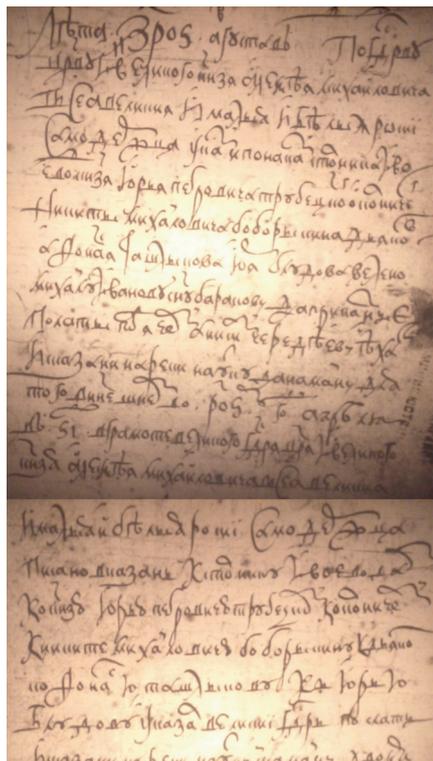
1668 год.

Поселение полоцкой шляхты

По условиям Андрусовского перемирия 1667 года Смоленск отходил к России, а Полоцк был отдан Польше. Тем не менее, часть шляхты¹⁰, служившая в гарнизоне Полоцка, приняла русское подданство. Из них был образован полк под командованием полковника Гаврилы Гославского, который в 1668 году указом царя Алексея Михайловича был направлен на жительство в пограничные земли между Россией и Диким полем. Шляхте дали богатые угодья по рекам Утка и Майна с целью пограничной стражи. Поселенцам выделили из Казанского, Свяжского, Царевококшайского и Яранского уездов из дворцовых сёл «с двадцати дворов по крестьянину с женами и детьми и со всеми животы и с хлебом». Эти крестьяне и стали первыми жителями посёлка.

Вот документ, положивший начало посёлку Старая Майна.

«Лета 7176¹¹ 1 августа по Указу Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича Всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца <...> велено Михаилу Иванову сыну Баранову да Приказной палаты подъячому Акиму Чередееву ехать из Казани на реку на Утку да на Майну для того в нынешнем 7176 году апреле дне 16 в грамоте Великого Государя <...> писано в Казани к стольнику и воеводе князю Юрию

Указ 1668 года об отводе земель полоцкой шляхте на реках Утке и Майне. Из архива Н. Захарчева

Петровичу Трубецкому к окольникову Никите Михайловичу Боборыкину к дьякам ко Афонасию Ташлыкову, к Юрию Блудову указал великий государь послати ис Казани на реки на Утку и на Майну дворянина да Приказной поллаты подъячих добрых, и на тех реках переписать и землю и положить всё на чертеж начертити, сколько четей пашни на тех реках на Майне и на Утке будет, а сколько в тех местах Старых Городищ, завалов и осыпей, каких кре-

постей, где бывали в старину города со всеми ими городовыми крепостями и валы и осыпи, и можно где построить оприч шляхте на добрых угодных землях пашенных всяких людей, а полковника Гаврила Гаславского и всю полоцкую шляхту указал Великий Государь построить по рекам по Утке и по Майне на угодных местах подле крепостей и засек, чтоб в приход воинских людей им, шляхте, жить было без страшно и от воинских людей разорения не было, а дать земли: полковнику сто четей, ротмистрам по осмии десять четей; поручикам по семидесяти четей; прапорщикам и хорунжему шляхте, которые строятся со крестьяны, по шти десять четей...».

По тексту указа становится понятно, что полковник Гаславский пришёл на реки Утка и Майна осваивать пустующие земли. Но земли эти имели свою историю, которая также отражена в царском указе: упоминается Балымерское городище и просто безымянные древние городища, которые «отписаны на Великого Государя». Упоминаются и патриаршие сёла, бывшие в этих землях незадолго до освоения их полоцкой шляхтой.

Шляхичи получили пашенную землю, сенные покосы, крестьян, но жить без военных острогов в то время в этих краях было опасно, поэтому было решено построить оборонительное укрепление – Майнский острог.

На реке Утка было решено построить Уткинский острог возле поселения ротмистра шляхты Петра Костенецкого¹².

Что такое населённый пункт? Обязательный его признак – по-

стоянство использования как места обитания из года в год. Согласно общепринятой традиции, датой основания поселения считается его первое достоверное упоминание в письменных источниках. Населённый пункт Старая Майна в пределах существующего застроенного участка постоянно используется именно с 1668 года. Строительство Майнского острога, тем более бывшие в здешних краях патриаршьи селения, не могут являться доказательством основания посёлка Старая Майна, потому что строительство острога производилось не в Диком поле, а возле поселения полоцкой шляхты, а патриаршьи сёла прекратили своё существование до прибытия сюда полоцкой шляхты.

Именно поселение полковника Гаславского является точкой отсчёта истории п. Старая Майна. Нет никаких документальных подтверждений тому, что посёлок основан раньше. Да, в этих местах когда-то были древние городища и патриаршьи сёла. Но к 1668 году их уже не было. Полковник Гаславский пришёл осваивать пустующие, порозжие земли. Именно вокруг его поселения возник Майнский острог, что укрепило в этих местах власть русского царя и позволило развивать и осваивать Майнско-Утинские земли дальше.

Получается, мы можем уверенно сказать, что посёлок Старая Майна был основан по указу Великого Государя Алексея Михайловича в 1668 году полковником полоцкой шляхты Гаврилой Гаславским.

Николай Захарчев

¹ Современное название – Алтынбаевский луг.

² Археология и этнография Татарии. Выпуск I. Казань. 1971 г. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Е.И. Чернышев, «Селения Казанского ханства (по писцовым книгам)». Стр. 272–294.

³ Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.). [Текст]: тексты и коммент. / Коммент. Д.А. Мустафиной]; [Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 204, [2] с.

⁴ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов [Текст]: публ. текста / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина; [сост. Р.Н. Степанов, статьи Ермолаева И.П., Степанова Р.Н.]. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 240 с.

⁵ Порозжая земля – никем не используемая земля.

⁶ Русское население Среднего Поволжья [Текст]: историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX в.) / Е.П. Бусыгин. – Казань: Татарское кн. изд-во, 2013. – 590 с., – (Научные труды ученых Казанской этнографической школы / М-во культуры Республики Татар-

стан, Казанская гос. консерватория (акад.) им. Н.Г. Жиганова; вып. 1).

⁷ Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке: По материалам церков.-монастыр. владений: Учеб. пособие к спецкурсу для дневного и заоч. отд-ний ист. фак. / Э.Л. Дубман; Куйбышев. гос. ун-т, Каф. дорев. отеч. истории. – Куйбышев: КГУ, 1991.

⁸ Здесь и далее – Взгляд в прошлое: из истории селений Старомайнского района: версии, события, размышления, воспоминания... / Ю. Мордвинов. – Ульяновск: Караван, 2007. – 414 с.

⁹ Взгляд в прошлое: из истории селений Старомайнского района: версии, события, размышления, воспоминания... / Ю. Мордвинов.

¹⁰ Шляхта – дворянство в Королевстве Польском, Великом княжестве Литовском, а после Люблинской унии 1569 года и Речи Посполитой

¹¹ 1668 год от Рождества Христова.

¹² Ныне с. Полянки Спасского района Республики Татарстан.

В Ульяновском драматическом театре, ныне носящим имя И.А. Гончарова, четверть века творил народный артист России, лауреат Государственной премии РФ и международной премии К.С. Станиславского Юрий Семёнович Копылов.

Разговор с Мирозданием

Сейчас его время называют эпохой Копылова. Ему удалось создать нечто большее, чем театр, так как его вдохновляла жажда вечного (в широком смысле этого слова). Это был художник-философ, поднимавшийся в отражении жизненных и бытийных проблем до глубоких обобщений. Его взгляд на задачи искусства был предельно категоричен и глубок: «У искусства нет никаких задач, однако перед каждым человеком неизбежно встают мировые проблемы, решить которые может помочь искусство».

Он намеренно избегал сиюминутных политических аллюзий, злободневной публицистической болтовни, отвергал низкопробный репертуар, нацеленный на прибыль любой ценой. Он вёл в театре свой напряжённый, порой очень мучительный духовный поиск – «разговор с Мирозданием», как он однажды на юбилейном вечере признался своему зрителю.

Юрий Семенович возглавил Ульяновский драматический театр в 1987 году уже зрелым человеком, желая построить высокохудожественный театр со своим личностным началом. В 1967 году он окончил Свердловское театральное училище, но его властно влекла режиссура. В итоге в 1974 году Копылов завершил обучение как будущий режиссёр в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии им. Н.К. Черкасова (ныне СПбГАТИ) в мастерской А.А. Музиля. До Ульяновска он работал в Красноярском ТЮЗе, Орловском ТЮЗе (стал его основателем), в Саратовском академическом театре и Владимирском драмтеатре.

Человек сложный, по складу характера интроверт, он всегда, фактически не разделяя для себя искусство и жизнь, жизнь и искусство, был погружён в творчество. Обладая цельным творческим мировоззрением, он уверенно разрабатывал свои творческие идеи, не погружаясь в театральные быт. Копылов намеренно выбрал наш театр с молодой труппой, способной к восприятию чего-то нового.

Ещё до Ульяновского театра драмы Юрий Семёнович обнаружил свою приверженность к серьёзному классическому репертуару. Скидок на юный возраст зрителя он не делал, желая, чтобы зритель «стал закалённее, мудрее». Это был достаточно жёсткий диалог с целью предостеречь зрителей от служения житейской суете. Жизненная позиция режиссёра была достаточно ясной: *обнажение зла и борьба со злом*. Тогда же выявилось его трагическое мироощущение жизни и особая расположенность к Шекспиру.

Постоянным сценографом Копылова (ещё со времён Орловского ТЮЗа) стал С.С. Шавловский, также выпускник ЛГИТМиКа. Фактически его можно назвать соавтором спектаклей Юрия Семёновича, создателем необычных и метафорических сценографических образов почти во всех его спектаклях.

Копылов трактовал пространство своих спектаклей как интеллектуальное и даже мистическое. Пробуждая внутренний слух актёров и зрителей, он буквально заставлял их следовать за сложным движением мысли, проникать в таинственный

смысл событий. Мизансценам была свойственна яркая конфликтность: взаимодействие тел, предметов стро-го подчинялось необходимости со зримой рельефностью выразить заложенную в пьесе энергию противостояния. Он насыщал мизансцены несколькими смысловыми планами, создававшими ощущение, что сюжетные реалии, аналогии, подтексты напряжённо ищут выход. И актёры, и зрители испытывали в его театре серьёзные эмоциональные, психологические, а потом и духовные нагрузки, следуя за почти всегда непредсказуемой режиссёрской интерпретацией драматических сюжетов.

Копылов стремился к глубокому проникновению в духовные пласты классической и современной мировой драматургии разных эпох и стилей, следуя по *временным* коридорам мировой истории. Уже в первое пятилетие его пребывания в Ульяновском драмтеатре в репертуарной афише появились имена У. Шекспира, К. Гольдони, Г. Гауптмана, Г. Ибсена, Ж. Кокто, Б. Брехта, А.Н. Островского, А.К. Толстого. Потом прибавились Ж.-Б. Мольер, Л. Пиранделло, Дж. Голдмен, Ж.-П. Сартр, А.П. Чехов, Д.С. Мережковский, И.А. Гончаров... Его постоянным спутником и собеседником был Шекспир, которого он особенно любил. Alter ego Юрия Семёновича был шекспировский Гамлет с его обострённым чувством мировой скорби. И, что важно, это чувство было ему посылно.

Главной опорой Копылова были актёры с мощным личностным и профессиональным потенциалом, которые, как и он, не отделяли себя от судьбы театра. Идеал Мастера – актёр, мыслящий на сцене глубоко и вдохновенно, прорывавшийся к высшим истинам страстно и мучительно. В спектаклях актёр, как и его персонаж, должен был оказаться на грани бренного и вечного. Именно в такой пограничной ситуации мог произойти прорыв к новому знанию: о Боге, о мире, о себе самом и другом человеке. Максимум выразительности, эмоциональной и пластической, в соединении с точной, даже рациональной психологической разработкой – сверхзадача, которую ставил режиссёр перед труппой.

Мастер сравнивал актёра с инструментом, на котором ему можно профессионально сыграть. Образ ре-

жиссёра – музыканта, пианиста или органиста – был близок Копылову, ставившему цель создать совершенную труппу, способную воплотить его замысел.

Конечно, актёрам было сложно находиться рядом с Копыловым. И тем, кто разделял «обаятельный идеализм» Мастера, и тем, кто не разделял, – всем приходилось серьёзно работать над собой. Стремясь к высокому художественному результату, режиссёр в работе с актёром был жёсток, считая, что диктат режиссёра превыше всего. Но результат того стоил. В итоге в Ульяновском драмтеатре сложилась звёздная труппа: Клара Шадько, Алла Троицкая, Велерий Шейман, Борис Александров, Вячеслав Вершина, Зоя Самсонова, Владимир Кустарников, Алла Бабичева, Александр Никулин, Валентина Савостьянова, Сергей Кондратенко, Ирина Янко и другие артисты. Копылов предоставлял им сложный драматургический материал, который, проходя сквозь их индивидуальность, становился для них толчком к познанию собственных, ещё не раскрытых возможностей. Так, рядом с Копыловым оказались одержимые любовью к театру люди, заряженные энергией сложного поиска духовных истин.

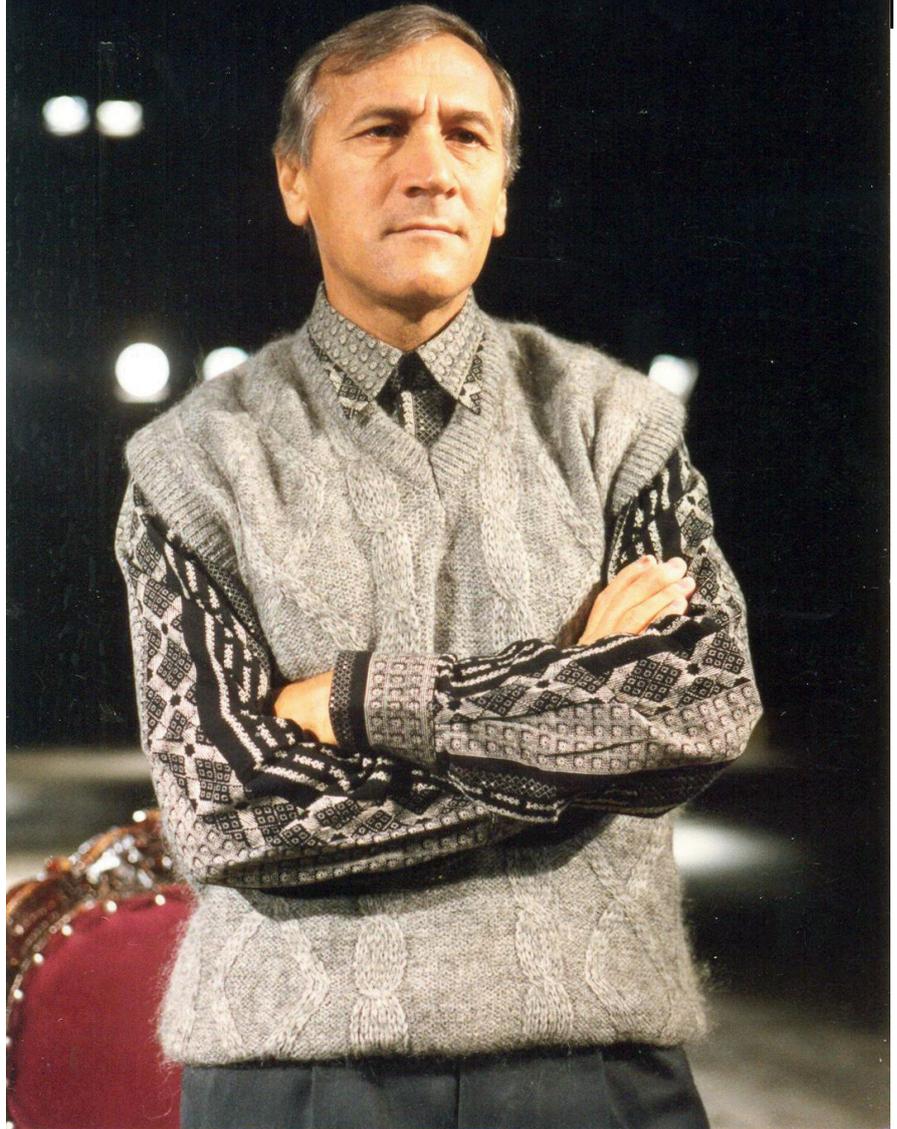
Год 80-летия со дня рождения Мастера совпал с 10-летней датой его ухода из земной жизни. С 1 по 6 ноября 2022 года в Ульяновске прошёл Первый всероссийский театральный фестиваль памяти народного артиста России Юрия Семёновича Копылова. Фестиваль на высоком уровне был проведён в Ульяновском драматическом театре им. И.А. Гончарова. Он открывался театральным представлением «Копылов и К» с ретроспективной прославленных спектаклей Мастера, озвученным выборочным текстом его книги «Жизнь одного театра (записки режиссёра)» и фрагментами видеointервью разных лет. Автор идеи и организатор постановки – заслуженный работник культуры РФ Наталья Никанорова и режиссёр Владимир Золотарь – предложили зрителям путешествие во времени с двадцатью остановками: спектаклями от «Ричарда II» У. Шекспира до «Завещания» А. Крыма. И опять ожила театральная вселенная Мастера, проводником в которую стал шут Времени (артист Максим Копылов) из спектакля «Ричард II». Вновь

завучали известные всем читателям и зрителям Шекспира строки, своеобразное кредо театра:

Весь мир – театр,
В нём женщины, мужчины –
все актеры.
У них свои есть выходы, уходы
И каждый не одну играет роль.

Зрители увидели на сцене фрагменты спектаклей «Ричард II», «Освальд» по пьесе Г. Ибсена «Привидения», «Трёхгрошовая опера» Б. Брехта, «Монархи» по «царской» трилогии А.К. Толстого, «Хозяйка гостиницы» К. Гольдони, «Двенадцатая ночь» У. Шекспира, «Тартюф» Ж.-Б. Мольера, «Обрыв» И.А. Гончарова, «Лев зимой» Дж. Голдмена, «Завещание» А. Крыма. Интересно, что примерно половину зала на этом представлении составила публика, видевшая эти спектакли. Они вновь встретились с любимыми артистами «эпохи Копылова», а ныне артистами московских театров («У Никитских ворот» и театра на Малой Бронной): с народным артистом России, лауреатом Государственной премии РФ Валерием Шейманом, заслуженными артистами РФ Валентиной Савостьяновой, Денисом Юченковым, Александром Никулиным, а также звёздами Ульяновской драмы: народной артисткой России Зоей Самсоновой, заслуженными артистами России Михаилом Петровым и Ириной Янко. Участниками сценических фрагментов стали молодые артисты театра, в основном ученики театральной школы Копылова. К сожалению, не смогла приехать на фестиваль Алла Троицкая. И не вышли на сцену актеры, которые ушли из жизни, лауреаты Государственной премии РФ Борис Александров, Клара Шадько, заслуженная артистка России Алла Бабичева, артист Вячеслав Вершина... В памяти зрителей они остались навсегда. Короли, императоры и шуты Бориса Александрова, простые и великие матери Клары Шадько, мужественные герои Вячеслава Вершины, очаровательные красавицы Аллы Бабичевой – все они пребывают в нетленной реальности настоящего искусства театра. А с ними – Мастер Юрий Копылов, живое присутствие которого на театральном празднике было весьма ощутимо. Конечно, этому способствовал озвученный текст его книги с фрагментами истории создания спектаклей, с анализом ролей и работы с актёрами.

Искусство театра летучее, эфемерное по своей природе, сновидческое, как и человеческая жизнь, которую оно зеркально отражает, но если оно остаётся в памяти сердца, то уже навсегда.

Увидели зрители и фрагменты видеозаписей интервью с Юрием Семёновичем разных лет. Вообще он всегда мало говорил о своём творчестве, но в одном из первых видеointerview в Ульяновске подчеркнул важность отражения в театре процесса духовного рождения человека, сопряжённого с душевной болью. И это было сказано не просто так.

Уже сейчас ясно, что Юрий Семёнович Копылов состоялся в Ульяновском драматическом театре как

режиссёр-философ, находившийся в духовном поиске.

В последующие дни и вечера Ульяновский драмтеатр встречал многочисленных гостей фестиваля и театральную публику. Свой сольный концерт посвятил Мастеру в день его рождения лауреат российской национальной театральной премии «Золотая маска» и премии «Музыкальное сердце театра» Иван Ожогин (в сопровождении Ульяновского государственного оркестра «Держава»,

худ. рук. – Кирилл Ильин). Он вдохновенно исполнил русские песни и романсы, арии из опер и мюзиклов. Являясь звездой мировых мюзиклов, он называет своим первым мастером Юрия Семёновича, так как учился на его актёрском курсе.

Орловский государственный театр для детей и молодёжи «Свободное пространство» (в прошлом Орловский ТЮЗ) показал пьесу Шекспира «Сон в летнюю ночь» в постановке режиссера Виктории Печерниковой, представив свою игру как «восхитительную смесь веселья и волшебства».

Владимирский академический драматический театр показал фестивальной публике знаменитый спектакль «Холстомер» (сценическую фантазию по повести Льва Толстого «История лошади»), поставленный заслуженным деятелем искусств России, лауреатом Государственной премии РФ, выдающимся хореографом Грицаем. Представленный как мюзикл (композитор Игорь Пономаренко), спектакль вызвал у ульяновских зрителей эмоциональное потрясение.

Ульяновский драматический театр им. И.А. Гончарова показал фестивальной публике три спектакля: «Лев зимой» Дж. Голдсмана, «Обрыв» И.А. Гончарова и «Макбет» Шекспира.

Драму «Лев зимой» поставила в 2021 году режиссер из Италии Алесандро Джунтини. В 2000 году Мастер ставил по этой пьесе спектакль, который был удостоен Государственной премии России. Это экспериментальный вариант осовремененной классики, в котором приняли участие и актёры, игравшие в спектакле Юрия Семёновича (Оксана Романова, Марк Щербатов), и молодые артисты театра: Артём Трохинов, Александр Лебедев, Виталий Злобин, Валерия Шевченко. Спектакль «Обрыв» (инсценировка Адольфа Шапира) – детище «Режиссёрской лаборатории» Олега Лоевского 2021 года. В своё время это была также постановка Копылова, где в роли Татьяны Марковны Бережковой блистала Клара Шадько. Спектакль поставила режиссёр Вера Попова, сумевшая передать атмосферу старого Симбирска.

Фестиваль завершился бенефисом представителя династии Копыловых – режиссёра и актёра Ульяновского драмтеатра Максима Копылова. В рамках бенефиса зрители увидели спектакль «Макбет» Шекспира (текст

в переводе Б. Пастернака), поставленный главным режиссёром театра Владимиром Золотарём. Это удачный пример осовремененной классики. Режиссёр сумел удержать тонкий баланс между миром шекспировского Средневековья и реалиями нашего века. Пресловутые ведьмы, создавшие этой пьесе опасную репутацию в театральной среде, в спектакле Золотаря – представительницы СМИ в современных одеждах цветов светофора (красный, жёлтый, зелёный) (арт. Д. Фарафонтова, А. Дыдычкина, Н. Иванова) во главе со своей госпожой, богиней преисподней и колдовства Гекатой (нар. арт. России Зоя Самсонова) управляют, как регулировщики дорожным движением, мыслями, чувствами и поступками героев. С помощью достижений технического прогресса они записывают в свои хартии грехи участников этой истории, а потом транслируют их на весь мир через экраны мониторов. Их главная цель – Макбет, потому что этот человек наполнен тёмной энергией, внутри него горит адский пламень, и он готов залить весь мир своей лавой.

Дерзко и смело врывается на сцену *такой* Макбет в исполнении Максима Копылова. На его лице боевой раскрас воина, напоминающий метку тьмы, его руки в крови, хотя он пока не преступник. Он защитник своего короля Дункана, победивший норвежцев.

Макбета часто называют чёрным двойником Гамлета, своеобразным его перевертышем, но если Гамлет, понимая, что «век расшатался», «распалась связь времен», мучительно восклицает: «Зачем же я связать её рождён!», то Макбет ради королев-

ского венца на «этой отмени времён» согласен на гибель мира: «Но лучше пусть порвётся связь вещей, пусть оба мира, тот и этот рухнут...»

Макбет Копылова перерождается, теряет всё человеческое, убивая слуг короля, подсылая убийц к Банко и приказывая убить семью Макдуфа. Постепенно он каменеет, превращаясь в живого мертвеца.

Жуткое впечатление оставляет двойное присутствие Макбета: яростно говорящий с экрана монитора и недвижимо сидящий, застывший, как статуя, на сцене. В финале он уйдёт с поля брани вместе с Макдуфом, явившимся мстить за убийство своей семьи. Все обагрены кровью, все помечены тьмой. Победителей нет.

Заметим, что сегодня Макбет, как герой Шекспира, актуальнее Гамлета. Из недавних постановок можно выделить «Макбет» в Московском драматическом театре имени М.И. Ермоловой в постановке Олега Меньшикова и «Макбет» в МХТ им. А.П. Чехова в постановке польского режиссёра Яна Кляты.

Мир как будто несётся в пропасть, безумие нарастает, и рефлексирующий аристократ Гамлет всё меньше понятен зрителям. Многие люди уже давно живут по ту сторону добра и зла. Тем показательнее судьба Макбета.

Достойное завершение фестиваля Ульяновским драмтеатром оставляет надежду на продолжение с постановками пьес Шекспира, поскольку Владимир Золотарь шекспировскую эстафету от Юрия Копылова принял.

Ирина Васильева,

кандидат искусствоведческих наук

Ленинский мемориал. Заповедник непобедившего коммунизма

«Мономах» продолжает публикацию материалов, связанных с историей Ленинского мемориала. На этот раз мы воспользуемся воспоминаниями журналиста и писателя Владислава Ястребова, который рассказывает, как благодаря работе в Мемцентре в 1970-х началась его журналистская деятельность.

Подошёл к концу третий курс. Я всерьёз заморачивался по поводу летней подработки. Добрым волшебником опять выступил Вадим Шишкин. Где-то в середине мая он подошёл и без обиняков спросил, не желаю ли я поработать летом. Я желал. Ещё как.

– Где?

– В Ленинском мемориале.

Я оцепенел. О подобной трудовой перспективе я бы и подумать не осмелился. Хотя, если честно, в первую очередь подумал о халявных просмотрах концертов. Дело в том, что годом ранее тот же Шишкин пригласил меня на концерт «Песняров», в первом отделении которого они исполнили свою одноактную театрализованную кантату (это официальная трактовка, неофициальная – рок-оперу) «Песня о доле»¹. Это было что-то с чем-то! Белорусский коллектив мне всегда очень нравился. В школе и на первых курсах техникума я заслушивался «Александринкой» (1971 г.), рок-балладой «Крик птицы» (1974 г.) и «За полчаса до весны» (1976 г.). А задорная «Косил Ясь конюшину» (1971 г.) вообще была одной из моих любимых песен. Но самое интересное произошло сразу после концерта. Вадим потащил меня в святая святых – за кулисы. Туда можно было добраться и на служебном лифте, но, прождав минуты полторы, мы решили подняться на второй этаж по служебной лестнице, где и обнаружили троих курящих «песняров» во главе с самим Владимиром Мулявиным. Да я был бы не я, если бы прошёл мимо, не задав ни одного вопроса. Мы остановились, и я с извинениями полюбоществовал, могу ли задать один вопрос.

Мулявин крайне доброжелательно: «Конечно!»

И я спросил, ту же самую ли программу они играли на гастролях в США², что и сегодня.

Было заметно, что Владимир Георгиевич немного опешил. Его, видимо, удивило, что кто-то в не самом большом городке на Средней Волге знает об этой поездке, ведь её более-менее освещала только белорусская пресса, всесоюзная же пыталась хранить едва ли не гробовое молчание. Его достаточно подробный ответ потянул за собой беседу ещё минут на десять. Потом Мулявин засобирился (впереди был ещё один концерт), искренне поблагодарил за интерес к их работе и крепко пожал руку на прощание. Это было блаженство!

Именно эти блаженные воспоминания нахлынули на меня после

предложения Вадима, когда я осознал, что есть возможность вернуться в это место, но уже не на птичьих правах. Разумеется, я с радостью согласился. Лишь полюбоществовал, как именно будет называться та замечательная должность, которую я буду занимать.

– Рабочий сцены.

Мне это ни о чём не говорило. Но прозвучало по-пролетарски солидно и при этом многообещающе.

Уже на следующий день сразу после занятий мы поехали в Мемориал. По приезде выяснилось, что, оказывается, нужен всего один рабочий сцены. Второго уже взяли. Ко мне исподволь стало подкрадываться чувство отчаяния.

«Не дрейфь, – бодро успоко-

ВИА «Песняры». На переднем плане – Леонид Борткевич (1949–2021), певец, музыкант (гит.)

На срезе времени

ил Вадим и исчез куда-то минут на двадцать. Вернулся он с раскрасневшимся лицом и хорошей новостью: – Есть возможность устроиться электроосветителем».

И, видя мою растерянность, сурово добавил: «Я бы на твоём месте даже не раздумывал».

Я же от радужных перспектив слова не мог вымолвить.

Пошли в осветительную на четвёртом этаже знакомиться с будущим начальством. Алексей Петрович Кузоватов встретил меня более чем доброжелательно и через пять минут поверхностной беседы отправил в отдел кадров оформляться на работу.

А затем... Затем были два года (без месяца) беспробудного удовольствия. Собственно, о работе говорить особенно нечего: она была несложной и не слишком щедро оплачиваемой. Но мне лично она дала гораздо больше, нежели какие-то там деньги. Я был на всех (!) концертах того или иного артиста, что давало исключительную возможность составить абсолютно полное и объективное впечатление как о его творческих потенциалах, так и о профессиональных навыках аккомпанирующих музыкантов. Я имел счастливую возможность пообщаться практически с любым заинтересовавшим меня исполнителем, выступавшим на сцене Большого зала Ленинского мемориала. Ибо такого понятия, как личная охрана, тогда не существовало. Ну и самое главное, у меня появилась не планируемая ранее возможность записать интервью с любым именитым гастролёром. Чем я вскоре и воспользовался.

Дебютанткой в моей последующей нескончаемой веренице интервью стала... Эдита Пьеха. Да, понимаю, для человека, позиционирующего себя рок-меломаном, интересоваться творчеством Пьехи – сущее предательство. Но... У меня было вполне разумное оправдание. Песни артистки мне нравились задолго до того, как я услышал первую мелодию, хоть слегка напоминающую рок. Это и основанная на реальных событиях песня «Огромное небо» (1967 г.), и шуточный шлягер «Наши соседи» (1969 г.), и, наконец, лёгкий незамысловатый твист «Манжерок» (1966 г.). Поэтому, естественно, я возжелал записать интервью с исполнительницей моих любимых песен. Не для «Ульяновского комсомольца», с которым тогда уже относительно плотно сотрудничал.

Сотрудники Ленинского мемориала.

Источ.: Архив Валерия Михайловича Смирнова (стоит крайний справа).

Стоит (третья слева): Тамара Леонидовна Ильцова (род. 1 августа 1931 г.).

Сидит (первая слева): Валентина Николаевна Новнова (1942–2013)

Для себя. Подошёл к Валентине Николаевне Новновой, заведующей постановочной частью, и попросил поспособствовать мне. И благому делу.

Она была несколько обескуражена моей просьбой и, видимо, поэтому не смогла отказать мне в резкой форме. Уже через пару минут я сидел в гримёрке и брал интервью у певицы, песни которой слушал и любил ещё в старшей группе детского сада и первом классе средней школы. Интервью получилось на удивление добрым и исчерпывающим. И это было не моей заслугой (ни в малейшей степени), а Эдиты Пьехи.

Красивая, ухоженная, элегантная, умная, доброжелательная. Короче, само обаяние. В неё невозможно было не влюбиться!

Уже на следующий день, расшифровав интервью и выбрав из него самые, на мой взгляд, трогательные моменты, я позвонил Сергею Ульянову и предложил материал для публикации. Он оторопел и, не скрывая недоверия, спросил, правда ли, что сама Эдита Пьеха согласилась дать мне интервью. Со стороны это можно было понять так: неужели настоящая звезда советской эстрады дала интервью какому-то проходимцу без роду и племени, тем более без редакционного удостоверения? Сомнения, смахивающие на оскорбления, я решил пропустить мимо ушей и повёз материал в редакцию. Он был оперативно напечатан³. Но, видимо, коллективный разум редакции также усомнился в моей похвальной проницательности. Я же сразу определил, с чьей чернокосой подачи эти сомнения были посеяны! К моей вящей радости бе-

седа с певицей была записана на кассету, которую я и отвёз в редакцию в качестве доказательства своей непорочности. Через неделю Сергей Ульянов вернул мне запись с робкими объяснениями, что никто в редакции не ожидал от меня такой прыти, а от звезды эстрады – такой снисходительности к самодеятельному корреспонденту. То есть ко мне! Кассету я забрал, а про себя подумал: «То ли ещё будет» и от лица Пугачёвой весело добавил: «Ой-ой-ой».

С лёгкой подачи этого интервью следующие последовали одно за другим (спасибо Валентине Николаевне Новновой!). Я взял интервью у Иосифа Кобзона, Льва Лещенко, Александры Стрельченко, Валерия Леонтьева, Эдуарда Хилы, Юрия Богатикова, Ирины Отиевой, Александра Тихановича (из ВИА «Верасы») и многих других. Не знаю уж по каким причинам, но некоторые из них опубликованы не были. А может, я их просто пока не нашёл. Но после этих во всех смыслах плодотворных общений я пришёл к неожиданному для себя выводу. Но прежде чем его обнародовать, постараюсь объяснить.

Мне в то время было 18–20 лет, я был прожжённым (или, как говорил один мой приятель, «конченным») рок-меломаном и почти ко всей советской эстраде относился с лёгким пренебрежением, а к советским певцам, певицам и вокально-инструментальным ансамблям – с нескрываемым равнодушием. Интервью же эти были для меня, во-первых, хорошей практикой перед последующим, как я надеялся, поступлением на факультет журналистики МГУ, а во-вторых,

косвенным «посланием» моим уже тогда многочисленным недругам – вот, дескать, что я могу!

Стоит также иметь в виду, что с большей частью советской эстрады я мог ознакомиться только посредством радио (которое слушал редко, так как отдавал предпочтение зарубежным радиоголосам) и телевидению (которому уделял времени ещё меньше). То и другое транслировало (за редким исключением) какую-то, как мы тогда выражались, «ботву». И я с юношеским максимализмом совершенно искренне полагал, что такие придурковатые песни могли исполнять только такие же придурковатые артисты. Но проработав в Мемориале совсем непродолжительное время и записав несколько интервью, я понял, что и репертуар у большинства известных артистов просто огромный (разнообразный и профессионально исполненный), и сами артисты – очень грамотные, образованные, воспитанные, интеллигентные люди. А вовсе не придурки! Это было открытие. И поэтому собственно эстраде, точнее её внимательному изучению, я стал уделять значительно больше времени и усилий. Чему и сейчас безгранично рад.

При всех безусловных плюсах моей новой работы примерно через две недели после её начала неожиданно выявился один фундаменталь-

ный минус. Слава Богу, всё закончилось без непоправимых оргвыводов.

Однажды в электроосветительной, где мы все обитали, когда не было концертов, раздался звонок городского телефона. Алексей Петрович, сидевший за столом, взял трубку и через секунду перевёл удивлённый взгляд на меня. Я, естественно, напрягся. Шеф положил трубку и произнёс: «Влад, тебя Ильясова⁴ вызывает, – и после короткой паузы: – Что-то натворил?»

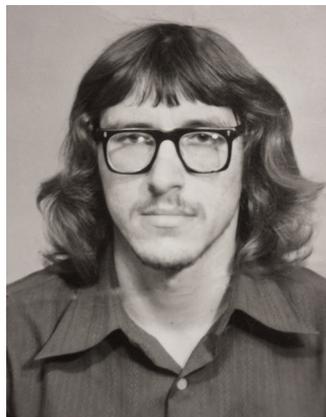
Я не слишком уверенно в ответ: «Да вроде бы ещё не успел».

Алексей Петрович: «Ну тогда иди».

И я побрёл... в неизвестность. Общения с начальством любого уровня я и сейчас всячески стараюсь избегать. А уж тогда – тем более.

Тамара Леонидовна Ильясова встретила меня доброжелательно. Но присесьте не пригласила. «Первый звоночек», – с опаской подумал я.

– Владислав, ты – новый работник в нашем коллективе. По работе к тебе претензий никаких нет. Алексей Петрович тобой доволен. Но вот твой внешний вид...

↑Владислав Ястребов. 1978

Не ожидая такого поворота, я замер в растерянности. Я хоть и походил на нищегорода, но одежка, пусть и изрядно потрёпанная, была на мне чистенькая и аккуратная. За обувью я тоже ухаживал. И потому пришёл в замешательство. Видимо, Тамара Леонидовна оценила неловкость ситуации и пояснила:

– Я имею в виду твои волосы. Такие длинные волосы совершенно неприемлемы в стенах нашего...

Она на секунду задумалась. Слово «святого» в данном контексте было явно неуместно, а другое ей в голову никак не приходило.

– ...нашего... учреждения.

И тут я невольно улыбнулся. Дело в том, что кабинет Ильясовой находился на втором этаже северо-западного угла здания Ленинского мемориала (примерно над кассой). Не уверен, были ли там хоть какие-нибудь шторы, но помню, что, переходя дорогу от гостиницы «Венец» к Мемориалу, я невольно останавливал взгляд на огромном (почти от пола до потолка) окне её кабинета, где над столом висел гигантский портрет Карла Маркса (не Владимира Ульянова-Ленина!). Его внушительная седая шевелюра, ниспадающая на плечи, могла дать фору практически любому современному рокеру. И потому после фразы о неприемлемости я невольно перевёл взгляд на этот знаменитый портрет и брякнул:

– Разве?

Тамара Леонидовна тоже непроизвольно взглянула на портрет, который ей, видимо, уже просто примелькался, и... не смогла сдержать улыбку:

– Понятно, на кого ты равняешься! Но раз ты пока не основоположник марксизма, постарайся иметь причёску покороче и поаккуратнее. Договорились?

Я радостно закивал своими лохмами, радуясь, что ситуация так благополучно для меня разрешилась. И не то чтобы я сдрейфил, но в тот же день после краткого пересказа Кузоватову начальствующих претензий я отпросился сбежать в парикмахерскую, которая находилась буквально напротив, в южном корпусе гостиницы «Венец». И уже через час имел вполне оптимальный для столь солидного учреждения внешний вид.

Уже на следующий день я случайно попался на глаза Ильясовой. По её благожелательной улыбке понял, что она весьма довольна результатом нашей встречи.

↑Алексей Петрович Кузоватов. 2006

¹ См.: «Песня о Доле» (белорус. «Песня пра Долю», 1978 г.; муз. Владимира Мулявина, сл. Янки Купалы). В записи она вышла только в 2006 году.

² В декабре 1976 года «Песняры» совместно с американской кантри-группой The New Christy Minstrels дали несколько концертов в разных городах США. Я об этих гастрольях узнал из программ «Голоса Америки».

³ См.: Пьеха Э. Ожерелье из жемчужинок: интервью с певицей Эдитой Пьехой / записал В. Ястребов // Ульяновский комсомолец. – 1979. – 28 марта. – С. 4.

⁴ Тамара Леонидовна Ильясова (род. 1 августа 1931 г.) была заместителем директора по Большому залу Ленинского мемориала с 15 апреля 1975-го по 15 января 1986 года.

После публикации о звезде «шок-рока» прошло немного времени, и вечером на вахте я обнаружил очередное послание от Ульянова. Звоню. В ответ: «Ты где пропал? Тебе надо зайти в редакцию и получить гонорар».

Оппаньки! Точно. Ведь за это ещё и платят! Весьма приятный бонус к творческому терзанию. Получив го-

норар, я рванул в ЦУМ, где уже давно приглядывался к сборнику из четырёх пластинок со струнными квартетами Моцарта. Я резонно решил, что и гонорар, и эта покупка – в связке – запомнятся надолго. Так, кстати, и произошло.

Сергей Ульянов, встретивший меня в редакции, настоятельно стал рекомендовал мне написать ещё о

чём-нибудь. Например, о каком-либо местном музыкальном ансамбле. Скажем, о «Горожанах». Кто это такие, я не имел ни малейшего понятия, так как не интересовался местными музыкантами. Но отказываться не стал. Через пару дней в техникуме я встретил Юру Николаева и спросил, может ли он свести меня с «Горожанами». Тот ответил, что без проблем, т. к. сейчас играет в ВИА «Молодёжный», который волею судеб является «соседом» «Горожан» по ДК профсоюзов. Договорились на следующий же день встретиться у «Красного зала» дворца, который и был базовой точкой искомого ВИА.

Не буду описывать саму встречу и подготовку публикации – важно другое. Поговорив с музыкантами, посидев на репетиции, а затем побывав на их концерте, я понял, что Ульяновск – не совсем пропадающая рок-глухомань, как я полагал ранее, и здесь можно найти прелестную жемчужину. Чем я и стал активно заниматься, обходя репетиции и концерты разных коллективов и внимательно наблюдая за местной музыкальной тусовкой.

А вот и та статья.

♦ ВИА «Горожане». 23 июня 1977 г. Солисты: Наталья Селезнёва и Олег Яшин

Что нового у «Горожан»?

Сентябрь 1972 года. Торжественное открытие Дворца культуры профсоюзов. Один из этих солнечных дней сентября и можно считать днём рождения ансамбля.

«Горожане» находятся не в лучшем положении по сравнению с другими ВИА – то же переложение мелодий с магнитных кассет на ноты, бесконечные прослушивания тех же кассет, затем – импровизации, качество которых зависит от каждого исполнителя в отдельности, своеобразная аранжировка мелодии и, наконец, – вынесение песни на суд слушателей.

«Горожане» искали себя в традиционном джазе, в так называемом модерн-джазе («Таинственный остров» Анатолия Кролла), искали и в кантри-мьюзик («Делай как мы»).

В телефильме Юрия Старостина о «Горожанах» звучала песня «Крик

птицы» Владимира Мулявина. В их репертуаре достойное место занимают песни советских композиторов – Тухманова, Мансурова, Фрадкина, Журбина.

Картина не будет полной, если не рассказать о собственных песнях ансамбля.

«Горожане» внесли скромную лепту в создание музыки больших форм. Началось же всё в мае 1976 года. Кому-то пришла в голову мысль написать рок-оперу. У участников ансамбля это вызвало вовсе не удивление, а наоборот – энтузиазм, ведь они к этому были готовы: «Ульяновский комсомолец» ровно за год до этого писал: «Этот коллектив близок к профессиональному». Непосредственное и самое активное участие над созданием оперы приняли Александр Максимов, Николай Гаврилов, Олег Яшин и Владимир Позоров. Они назвали её «Иван да Марья». Главные ге-

рои – любовь и несчастье, безмерная, всепоглощающая любовь и такое же безмерное несчастье от того, что этой любви мешают.

Предвижу удивлённые возгласы: «Горожане» ставили рок-оперу? Где? Когда? Нет, «Горожане» не вынесли её на суд слушателей. Постановка просто не получилась. Обратившись к музыке больших форм, участники ансамбля, видимо, чего-то не учли. К сожалению, состав «Горожан» не стабилизирован до сих пор. Совсем недавно ушли из группы руководитель вокальной секции Николай Гаврилов и Светлана Бабиченко (скрипка). На сегодняшний день ВИА «Горожане» – это Александр Максимов (руководитель), Евгений Зобнин (художественный руководитель), Константин Акимов (бас-гитара), Евгений Мурсков (соло-, ритм-гитара), Владимир Мосенков (ударные инструменты), Валерий Мансуров (флейта), Дмитрий

Захаров (альт-саксофон), Борис Курганов (скрипка), Александр Гринько (орган, фортепиано), Игорь Князькин (тромбон), Наталья Селезнёва (вокал), Виктор Митязов (вокал), ну и, конечно, Вячеслав Ронжин (звукооператор-дизайнер) и Михаил Тарсанов (звукооператор).

Говоря об успехе ансамбля, нельзя не упомянуть о той роли, какую сыграл в этом успехе руководитель «Горожан» Александр Максимов. Это единственный человек, кроме Вячеслава Ронжина, оставшийся от первого состава. Роль руководителя общеизвестна.

Как бы ни была группа близка к профессионализму, она всё же остаётся самодеятельной, а в связи с этим возникают порой неразрешимые проблемы, большинство которых ложится исключительно на плечи руководителя. Я хочу привести диалог, происшедший между мной и Александром Максимовым:

– Имеет ли ансамбль свой собственный стиль?

– По-моему, да. Это джаз-рок.

– Сколько концертов дали «Горожане» за время своего существования?

– Около 120. Эта цифра не совсем точна, вернее, совсем не точна. Администрация ДК профсоюзов сообщила мне, что только с 1 января 1974 по декабрь 1977 года ансамбль дал 122 концерта, не считая выступлений по телевидению. За этот же период

• ВИА «Горожане»

времени его слушало 71 356 зрителей (не считая телезрителей).

– В каких городах побывали «Горожане» с гастролями?

– В Москве, Ленинграде, Горьком, Львове, Смоленске.

– Вы совсем недавно вернулись из поездки по комсомольским стройкам Смоленской области. Как прошла поездка?

– Поездка прошла великолепно. Успех был большой. Залы буквально ломились от зрителей.

– Ваши планы на будущее?

– Закончить постановку «Иван

да Марья» и выступить на джазовом фестивале в Куйбышеве в 1978 году.

Что ж, планы интересные. Остаётся только пожелать и от редакции, и от читателей «Ульяновского комсомольца», чтобы и дальнейшая судьба «Горожан» складывалась так же успешно, как складывалась до сих пор.

*По материалам книги
Владислава Ястребова
«Рок в кепке Ильича»
(Ульяновск: ИП Артемова А.В.,
2021. – 760 с.: ил.)*

Вспоминает Олег Яшин

• Олег Яшин. 14 марта 2004 г.

Источ.: Архив фотостудии «Комбат» (г. Ульяновск)

Из тех, кто прошёл «школу» «Горожан», к огромному сожалению, ушли из жизни Владимир Позоров, Владимир Градобоев, Валерий Мансуров, Александр Винокуров и Александр Гринько... Вечная им память...

Ныне здравствуют: Александр Максимов – предприниматель (живёт в Германии), Светлана Бабиченко (живёт в Испании), Евгений Мурсков – программист (в США), Николай Гаврилов (живёт в США), Евгений Зобнин, Константин Акимов, Виктор Митязов и Константин Москвин (живут в Москве), Александр Титов – в настоящее время известный органист, заслуженный артист РФ, Вячеслав Ронжин, Михаил Тарсанов, Евгений Тарасов, Дмитрий Захаров и Наталья Селезнёва – ныне на пенсии, Владимир Мосенков – предприниматель, Валерий Левтеров – заведует радиоцехом КДЦМ. В популярной музыке до сих пор активно себя проявляют Алексей Прокофьев и Игорь Пушкарёв, а выдающийся барабанщик Виталий Гурьянов – настоящая икона рок-музыки Ульяновска. Я – театральный композитор и заведующий музыкальной частью Ульяновского драмтеатра им. И.А. Гончарова.

Радость творчества

Памяти Михаила Михайловича Радонежского

Н.М. Парамонов. Портрет М.М. Радонежского. 1954. Собрание УОХМ

Кроме писем – фотографии, газетные вырезки с заметками и статьями о творчестве и выставках художника, фоторепродукции его работ, брошюра Н.А. Агафоновой «Михаил Михайлович Радонежский. К 70-летию со дня рождения» (Приволжское книжное издательство. Ульяновск. 1964), каталог выставки произведений Радонежского, открытой Ульяновским областным художественным музеем к юбилею художника. Большой интерес представляет рукопись очерка «Радонежский Михаил Михайлович», написанного Д.И. Архангельским по просьбе сотрудников художественного музея в 1964 году.

«Васильсурск – один из красивейших и прославленных нашими художниками городов на Волге. Старинный провинциальный городок, потонувший в яблоневых и вишнёвых садах,

расположен на живописном крутом берегу Волги. Его улицы и переулки сбегают к пароводным пристаням, где по летам всегда кипит особая, колоритная жизнь с разноязычной толпой. А зимой город, окутанный лёгким туманом, тонет в серебристом инее, затихает до лета и выглядит как иллюстрация из старинной сказки.

Васильсурск с давних пор и до сего времени привлекает по летам многих художников из Москвы, Ленинграда и других городов Союза. В ясные летние дни город становится как бы большой мастерской, где можно часто видеть художников за этюдами. Многие известные картины русских и советских художников написаны по васильсурским этюдам.

В этом живописном, скромном городке родился Радонежский М.М. в 1894 г. в семье земского ветеринарного врача М.В. Радонежского.

В автобиографических заметках «Мой жизненный и творческий путь» Дмитрий Иванович Архангельский писал: «В жизни я всегда искал и находил друзей. Многие мои ученики и друзья меня помнят, радуют своими письмами». Среди множества писем, сохранённых Дмитрием Ивановичем, а после его смерти – внучкой художника Натальей Андреевной Мешалкиной, передавшей работы дедушки и бесценный личный архив в Музей-мемориал В.И. Ленина, – 17 писем одного из старейших ульяновских художников М.М. Радонежского, с которым Дмитрия Ивановича связывали долгие годы крепкой дружбы и творческого общения.

Популярный ветеринарный врач Горьковской области, сам когда-то мечтавший стать живописцем, всегда интересовался искусством, имел друзей среди местных и приезжавших в город художников <...>.

Становится понятным, что художник, выросший среди живописной природы на берегах Волги и Суры, друживший с ребятами рыбаков, плотовщиков, крючников и речников сёл Хмельёвки и Фокина, привязался к простым людям, оценил их колоритный волжский говор, полюбил волжскую архитектуру и народную резьбу по дереву. Такая счастливая жизненная обстановка подсказала Михаилу Михайловичу его художественно-трудовой путь».

Отец будущего художника Михаил Васильевич происходил из семьи священника. В 1882 году окончил полный курс наук в Казанском ветеринарном институте и был удостоен

степени ветеринара. В 1900 году определён земским врачом Нижегородской губернии. Мать художника – Александра Михайловна Жаркова вместе с мужем воспитывала семерых детей. Михаил среди них был четвёртым.

Дмитрий Иванович описывает краткую биографию М.М. Радонежского.

Учёба в реальном училище в г. Ядрине, в Казанской художественной школе, потом – в Пензенской художественной школе. Служба в рядах Красной армии, работа в Казани декоратором и преподавателем студий. В 1921–1925 годах Михаил Радонежский работал в Козьмодемьянске, потом в Васильсурске в художественной школе им. Архипова и в педучилище. Много времени уделял живописи, встречался со многими известными художниками, посещавшими Васильсурск. В 1926 году выехал в Астрахань старшим декоратором в городской театр, в 1927 году – в Мариинский посад, затем в Новосибирск, Боготол и Кинель.

В 1931 году по приглашению Ульяновского горона М.М. Радонежский переходит на преподавательскую работу в Ульяновск. В 1931–1938 годах работает в сельскохозяйственном техникуме, в 4-й школе, в школе Карла Маркса; в 1939–1940 годах – в рабфаке им. В.И. Ленина, в 1934–1964 годах – преподавателем в ж/д школе и Чувашском педагогическом училище.

Д.И. Архангельский пишет.

«Радонежский – живописец, получивший образование в Пензенской художественной школе, воспитанный в хороших традициях реализма, вынес оттуда крепкое художественное мастерство, любовь к народному творчеству и постоянный интерес к самосовершенствованию, поэтому совершенно понятно, почему М.М. всегда так живо интересуется мастерством других художников. Такой дружеский обмен опытом, по-моему, очень полезен каждому работающему в живописи.

М.М. любит писать с мёртвой природы. Здесь он ищет богаты, сложной композиции, добивается полноты выражения цвета в моделях. Ещё ближе художнику пейзаж и особенно пейзаж архитектурный. Картины Радонежского панорамны, в них всегда чувствуется движение, трепет воздуха.

Тона его живописи мажорны, манера письма энергичная и широкая.

Особо хочется остановиться на краеведческой стороне творчества художника. Где бы ни приходилось жить и работать ему, он везде в своих живописных работах фиксирует всё интересное и характерное для данного места.

В его больших, хорошо отработанных вещах мы видим: причалы и мосты Астрахани, волжские пароходы, современные речные караваны судов, Васильсурские сады, улицы, типичные дома рыбацких слобод.

В Ульяновске Радонежский запечатлел ленинские места. Писал этюды в Белом Яру, в Никольском-на-Черемшане. <...> Есть у художника этюды из Жигулей, Моркваши, Ставрополя (Волжского), Поливно под Ульяновском и др. Сейчас Радонежский создаёт школу «Новый Ульяновск».

Несколько слов о художнике как о человеке. М.М. – истый волжанин, по своему характеру подвижен, всегда весел, предприимчив. Простой и приветливый, он легко сближается с новыми людьми, в общении интересный и внимательный собеседник, хороший товарищ.

В его знаменательную дату пожелаем юбиляру долгих лет кипучего и радостного творчества.

Архангельский Д.И.»

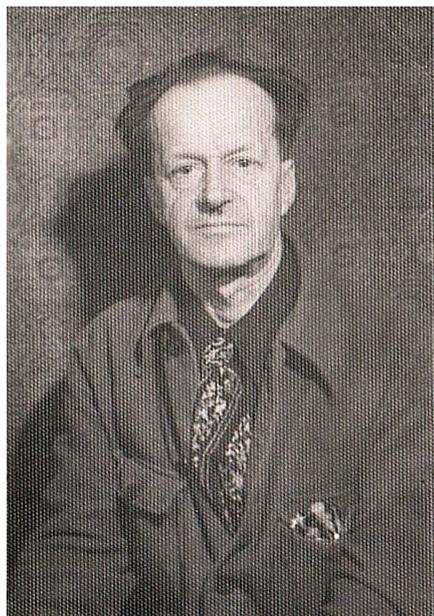
В трудные годы Великой Отечественной войны Радонежский работал старшим научным сотрудником в художественном музее, руководил художественной студией при музее.

В ноябре 1947 года газета «Ульяновская правда» сообщала.

«При областном художественном музее в ближайшее время возобновляет работу студия рисования и живописи под руководством художника М.М. Радонежского. Студия – двухгодичная. Раньше студия давала ученикам лишь возможность подготовиться к поступлению в высшие и средние художественные училища. Сейчас она преследует практическую цель: выпускники получают диплом преподавателя рисования и черчения. С этой целью в программу внесены соответствующие изменения. В художественную студию будет принято 30 человек».

Главным же в жизни художника было творчество. Приехав в Ульяновск, он сразу же активно влился в художественно-выставочную деятельность, в самой гуще которой находился Архангельский. Дмитрий Иванович обладал замечательным свойством привлекать к себе людей, вдохновлять их. Он всегда был организатором коллектива художников, работавших в Симбирске-Ульяновске, устройтеlem выставок, популяризатором изобразительного искусства. И неудивительно, что знакомство двух художников вскоре переросло в крепкую дружбу, которая не прервалась и после отъезда семьи Архангельских из Ульяновска в августе 1934 года, о чём свидетельствуют письма, которые, по словам Михаила Михайловича, радуют его и воодушевляют на новые достижения.

Прожив в Ульяновске более сорока лет, М.М. Радонежский полюбил наш город и воспел его в своих городских пейзажах. Именно в Ульяновске

☛ Конец 1940-х – начало 1950-х гг.

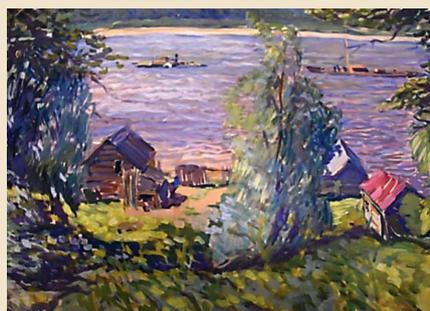
наиболее ярко раскрылся его талант пейзажиста и мастера натюрмор-та. Излюбленной техникой художника была темпера живопись, кото-рая при матовой поверхности даёт особенно звучные, чистые цветовые сочетания.

Работал он много и увлечённо. «По летам я, как заядлый этюдист, выскакиваю в природу. В прошлом году очень много писал в Белом Яру и на Волге», – сообщал он Дмитрию Ивановичу.

1 января 1946 года областная га-зета в рубрике «Новогодняя анке-та читателей “Ульяновской правды”» опубликовала ответ М. Радонежско-го под заголовком «Живопись родно-го края».

«Моя тема – областной пейзаж. Показать на полотнах живописные места области, её богатые леса, кра-сивые озёра, величественную Волгу, дремучий Черемшан – это мои завет-ные планы.

В 1945 году я написал 15 этюдов на областную тематику. В новом году собираюсь написать больше. Меня ин-тересует не только пейзаж, но и то новое, что разнообразит его, связан-ное с жизнью родного края. Например, на фоне глотовских и юловских лесов я напишу доскорельсовую дорогу, ле-сопильные заводы, детскую здравни-цу. Тему Волги соединю с показом ры-боловецкого колхоза села Панской сло-боды. Намерен посетить село Языково, исторически связанное с пребыванием

в нём замечательного поэта пушкин-ской эпохи – Языкова. Побываю вновь на реке Черемшан, в селе Архангель-ском и поднимаюсь вверх по Волге до Ва-сильсурска, чтобы сделать несколько волжских этюдов».

О том, насколько удалось осу-ществить задуманное, рассказы-вает заметка «Темы родного края» в «Ульяновской правде» от 19 ноября 1946 года.

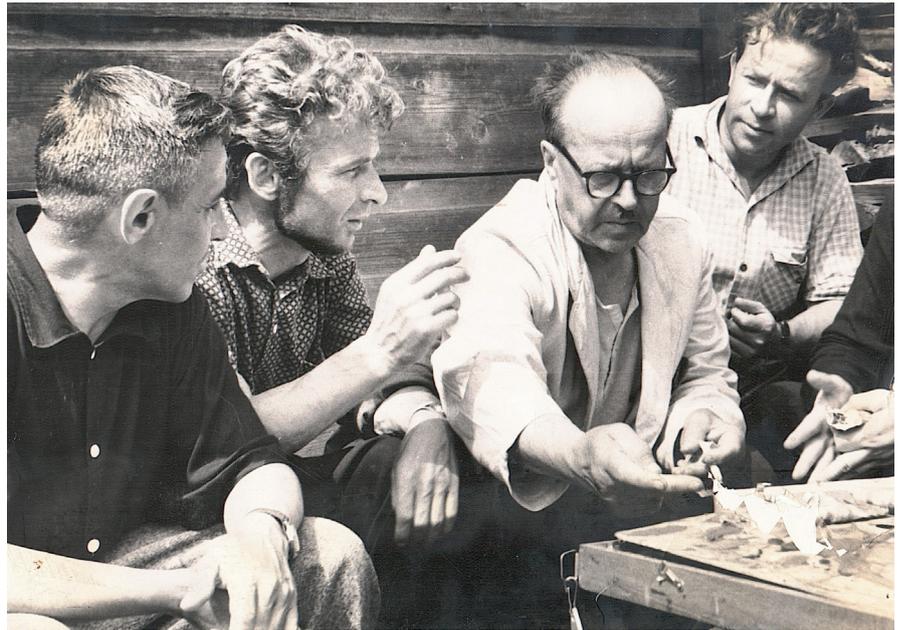
«Едва обнажатся поля от снега, художник захватывает с собой этюд-ник, кисти, краски и шагает от Белого Яра до Никольского-на-Черемшане по знаменитому валу Чингисхана. Он ос-матривает древние форты, слушает легенды старожилы и пишет уголки реки Черемшан. Художник узнаёт, что в г. Куйбышев особым паромом едет пионерская экскурсия. М.М. Радонеж-ский отправляется с детворой в низ-овья, останавливается в Ставрополе (с 1964 г. – Тольятти – В.К.), Морква-шах и пишет этюды: «Промысел «От-важный», «Перед посадкой на паро-ход». Его интересует каждый уголок Жигулей. С низовьев Волги направ-ляется в Васильсурск – излюбленное ме-сто художников и поэтов. Здесь, в Ва-сильсурске, на месте впадения Суры в Волгу, немало исторических памят-ников: известная по картине Левита-на «Владимирка», где многовековые бе-рёзы роняют золотую листву на гладь дороги, церковь времён Ивана Грозного, потомственное рыбацье село Хмельё-вка, село Фокино, известное по имени волжского атамана Фоки, а ещё тем, что свыше 90 процентов водителей барж и буксиров речного флота – вы-ходцы из этого села. Васильсурск дал художнику массу этюдов для будуще-го полотна «Переправа через Суру», в котором художник обещает показать крестьян, направляющихся на колхоз-ную ярмарку. <...> Всего за истекший год художник изготовил 35 работ и все они связаны с родным краем. Осо-бенно запоминаются этюды «Прорва», «Купавы», «Волга у Поливны», «Угол-ки Винновской роци», «Перед концом навигации» и др. Сейчас, готовясь к 300-летию со дня основания Симбир-ска–Ульяновска, М.М. Радонежский пи-шет ряд этюдов на городские темы. <...> Со всеми этими работами улья-новский зритель познакомится в са-мое ближайшее время на отчётной выставке М.М. Радонежского в художе-ственном музее».

Особое место в творчестве художника занимает Волга. Как и Д.И. Архангельский, он с раннего детства полюбил её просторы. Волга старая и новая, с её ширью, изменчивой красотой, привольем – излюбленная тема в течение всей творческой жизни Радонежского.

В одном из писем к Д.И. Архангельскому Михаил Михайлович пишет: «Гостя у сестры в Казани, я обнаружил у неё старый журнал «Знание», в котором вычитал интересную статью «Река жизни». Знаю, что ты любишь, как и я, нашу матушку – великую реку Волгу, я переписал для тебя отрывок из неё. «Почти все города «мужчины» расположены на правом берегу реки Волги, – рассказывает капитан парохода «Крылов» Палкин. – Ветхий и курьёзный старичок Углич, весёлый Плёс, стройный Юрьеvec, бесшабашный Нижний Новгород, стерляжий Васильсурск, старый барин, помещик знатный – Симбирск, ревностный раскольник – Хвалынский, сереброкудрый Вольск, сам волжский король – Саратов, арбузный Камышин, песчаный и пыльный Царицын – все на правом берегу Волги. А «дамы», вроде сановной Костромы, узорчатой Казани, жаркой Самары, знатной рыбной торговли Астрахани, расселились на левом берегу Волги. Лишь бесстыжий Ржев разлёгся на обоих берегах от скуки, да Тверь переметнулась на правый берег, а за ней подались туда же берёзовая Кинешма и торговая Сызрань. Вот так говорили о волжских городах в старое время».

В нескольких письмах Михаил Михайлович пишет о художнике Николае Ивановиче Фешине, с большим уважением и почтением к которому относился и Д.И. Архангельский, о чём свидетельствует большая подборка материалов о художнике в архиве Дмитрия Ивановича.

Таланты Н.И. Фешина разносторонни. Он живописец, скульптор, резчик по дереву, мастер декоративно-прикладного искусства, фотограф, педагог. Родился в 1881 году в Казани. Успешно окончил Казанскую художественную школу, Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств (мастерская И.Е. Репина). Преподавал в Казанской художественной школе и воспитал немало способных художников, занявших впоследствии заметное место в советском искусстве.

Васильсурск. М. Радонежский с художниками из Москвы, Казани, Горького. 1950-е гг.

Фешин – участник многих выставок. В 1912–1922 годах регулярно экспонировал свои произведения на выставках передвижников. В 1916 году получил звание академика живописи. В 1923 году выехал на лечение за границу. Вернуться ему не удалось. Поддерживал постоянную связь с родиной и тосковал по ней. В 1926 году при встрече с Репиным художник Бродский спросил, кого он считает лучшим живописцем. Репин назвал Николая Фешина. Большое собрание его картин находится в Музее изобразительных искусств Татарстана. 4 февраля 1960 года Радонежский сообщает Дмитрию Ивановичу: «Только что приехал из Казани и не могу опомниться от работ Николая Ивановича Фешина».

В другом письме Радонежский вспоминает о встрече с Николаем Ивановичем Фешиным в Васильсурске, где тот был со своей семьёй летом 1916 года, и о том, рассматривая этюды своего бывшего ученика, Николай Иванович называл его художником, чем приводил в крайнее смущение.

Радонежский сообщает Дмитрию Ивановичу адреса бывших учеников Фешина, проживающих в Москве известных художников, и советует встретиться с ними.

В декабре 1962 года М.М. Радонежский был в Казани 10 дней и любовался живописными работами Николая Ивановича Фешина. 6 декабря

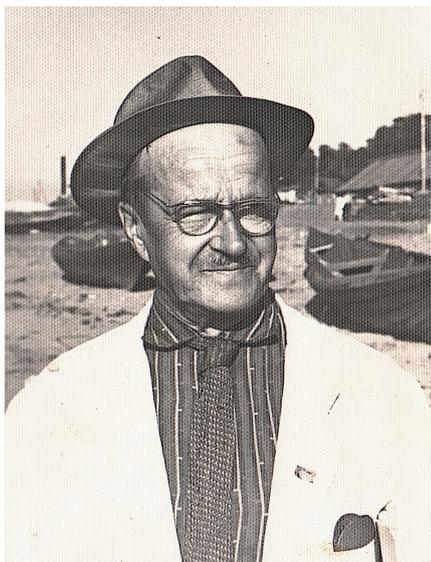
1963 года в Казани в Музее изобразительных искусств открылась выставка Н.И. Фешина, на которую съехались друзья и ученики художника из многих городов страны, для которых эта выставка стала встречей с далёкой юностью и любимым учителем.

В письме от 13 декабря Михаил Михайлович подробно рассказывает о выставке, на которой ему посчастливилось присутствовать, о выставленных двухстах полотнах, которые, кроме академических, писались при нём. Здесь он встретился с друзьями по Казанской художественной школе и военной службе.

Рассказывает Радонежский и о своём друге, заслуженном деятеле искусств Марийской АССР, художнике Александре Владимировиче Григорьеве и пересылает Дмитрию Ивановичу два письма, полученных в своё время от Григорьева, в которых содержатся сведения о том вкладе, который тот внёс в становление изобразительного искусства в Марийском крае и создание в г. Козьмодемьянске художественно-исторического музея – «Малой Третьяковки».

«Милый и дорогой мой друг, Дмитрий Иванович!

Спасибо тебе, что ты поднимаешь моё настроение в творчестве. Ты единственный, кто понимает мой разговор с природой. Хотя и чувствую себя плохо, но меня тянет мой Васильсурск, чтобы я поласкал его своей кистью. <...> Крепко обнимаю, мой дорогой друг».

↑ М.М. Радонежский. 1950-е гг.

В 1966 году в Васильсурской школе открылся краеведческий музей, созданный учениками под руководством учителя географии Ирины Владимировны Першиной, а спустя два года музей обзавёлся своей картинной галерей. М.М. Радонежский передал в дар школьному музею 63 пейзажа Васильурска и его окрестностей. 13 акварелей и графических работ были подарены Д.И. Архангельским.

Михаил Михайлович рассказал о своей выставочной деятельности.

«Я пока работаю, как и раньше. Хочется работать!» «Я устроил большую выставку в 200 работ на тему "Старый и новый Ульяновск"». Она была в Васильурске, Лыскове и Козьмодемьянске». «40 лет, как я в Ульяновске, и хотя бы один год пропустил

выставку. Отпраздновал 70 лет и 75. Персональных две. Готовлюсь к 80-летней. 150 работ имею новых».

В своих письмах Михаил Михайлович пишет о переменах в городе, рассказывает о развернувшемся строительстве в Засвияжье, где возводятся высотные жилые дома, о реконструкции улицы Минаева. «По правде скажу, что не успеваю за стройкой, так как она идёт и ночью, слышу, как сваи забивают. Я уже написал десять больших этюдов и продолжаю писать их».

«Вспоминаю те счастливые минуты, когда мы виделись с тобой за крепким чаем», – пишет Радонежский Дмитрию Ивановичу и говорит о желании подарить ему свои работы, но затрудняется с их пересылкой. Наконец этот вопрос был решён, и он получает от Архангельского письмо, в котором тот делится своими впечатлениями от полученных этюдов.

«Дорогой мой друг, Михаил Михайлович! Картины твои я получил. Они в полном порядке. Теперь о картинах, моих размышлениях о них и об открытии того нового в твоих вещах, чего у многих и многих художников нет. Проходило так: я расставил картины и был сначала поражён совершенно новым приёмом письма, точнее, плотностью живописи, большой насыщенностью цвета и смелостью композиции в каждом этюде. Сначала все эти новые черты меня поразили и всё время привлекали. Рассматривал и вблизи, и с разных дистанций. Через каждый час-другой я снова смотрел и искал разгадки. <...>. Вот сегодня, во второй вечер, я решил писать тебе, снова расставил

этюды твои при вечернем свете и ахнул. Этюды просто засверкали, свет на них засверкал, и я понял: в этом и есть сила и обаяние твоих работ последнего времени – в передаче света. Живопись масляная и особенно акварель теряет силу света, а твоя – излучает. И я понял, что ты просто колдун в живописи. И особенно при искусственном свете видны переливы красок не только в далах, но и в самых густых тонах. Я очень рад твоим находкам и от души поздравляю тебя. <...>. Какой размах у тебя, я бы сказал чисто волжский, молодецкий. Теперь, когда я вечером вздумая выйти на Волгу, я буду снова рассматривать твои этюды. Спасибо тебе, мой друг <...> Желаю тебе доброго здоровья и новых успехов. Твой Архангельский».

В последнем поступлении от Натальи Андреевны Мешалкиной, полученном музеем осенью прошлого года, кроме акварелей её дедушки, 55 работ симбирско-ульяновских художников, подаренных Д.И. Архангельскому их авторами. Среди них 11 произведений Михаила Михайловича Радонежского.

На них – Васильсурск, родина художника, куда он каждое лето выезжал на этюды. Запечатлены Васильсурские сады, улицы, типичная историческая застройка. Эти работы дополнили музейные коллекции живописи и графики, в которых до этого творчество Радонежского было представлено подаренными автором в 1969 году четырьмя полотнами, изображающими строительство Ленинского мемориального комплекса.

17 июня 1972 года Михаил Михайлович прислал Архангельскому письмо, в котором благодарил за подаренные акварели, пробудившие прекрасные воспоминания о встречах и разговорах, о «добром характере и прекрасной душе». Это было его последнее письмо. 24 ноября 1972 года Михаил Михайлович Радонежский скончался на семьдесят девятом году жизни.

Всю жизнь художник творил красоту, утверждая своим творчеством, что искусство существует для того, чтобы научить людей любить жизнь.

Валентина Костягина,
старший научный сотрудник
отдела фондов ОГАУК
«Ленинский мемориал»

Почему укатился каток...

До середины XX века город Ульяновск развивался «самотёком», хотя и под присмотром архитекторов-профессионалов (выделим А.И. Бросмана, Е.И. Голенко и Н.Н. Медведева), а в самом начале 1960-х годов Московский архитектурный институт направил в Ульяновск двух выпускников: Серафима Николаевича Титова и Валентина Николаевича Филимонова, сыгравших огромную роль в преобразении города.

В 1963–1965 годах в Ульяновск делегируются ещё шесть выпускников МАИ (позже переименованного в МАРХИ). И теперь мы (среди нас двое ульяновцев: я и Алла Полякова) представляем реальную силу и участвуем в конкурсе четырёх институтов (два московских, ленинградский) на проект застройки центра Ульяновска.

В эти годы в стенах облпроекта (позже – институт «Ульяновскгражданпроект») шла напряжённая текущая работа. Был проведён внутренний конкурс между «аксакалами» – С.Н. Титовым и В.Н. Филимоновым – на проект застройки главной городской артерии – улицы Минаева, связующей бурно растущее Засвияжье с не менее растущим Заволжьем. Победил проект Титова: плотная девятиэтажная застройка северной стороны и пятиэтажная с акцентами башенных 12-этажек – южной. И весной 1970 года кортеж правительственных машин с Л.И. Брежневым проехал по уже преобразённой магистрали. Наиболее интересным оказалось пересечение широтной улицы Минаева с меридианальной улицей Железной Дивизии. Неспроста Титов не покусился на территорию существующего мини-стадиона «Спартак»: во-первых, цены нет спортплощадке, а зимой катку в центре города; во-вторых, через них прекрасно просматривался новый комплекс 12-этажных жилых башен с довольно монументальным Дворцом бракосочетаний (новый секретарь обкома КПСС Колбин своей властью переименует его в Дом техники, чем обеднит его облик: по моему варианту пара пилонов южного фасада «пронзала»

кровлю и возносила сдвоенные кольца – скульптурную эмблему бракосочетания). Наверху, на гладком поле стены 12-этажки предполагалась эмблема улицы: рельеф головы бойца Железной дивизии в будёновке).

Шли годы, город рос, наш политехнический институт выпустил целую плеяду молодых архитекторов, ныне активно работающих в Ульяновске и за его пределами. Мне посчастливилось участвовать в их воспитании (лекции по истории архитектуры, преподавание рисунка и живописи).

Уж не помню, в каком году узнаю о протестах молодых архитекторов, моих бывших студентов, против предполагаемого строительства какого-то спортивного манежа на месте футбольного поля «Спартака». «Да кто же позволит столь кардинально изменить генплан в самом центре города?» – подумал я и успокоился.

Как выяснилось позже – совершенно напрасно.

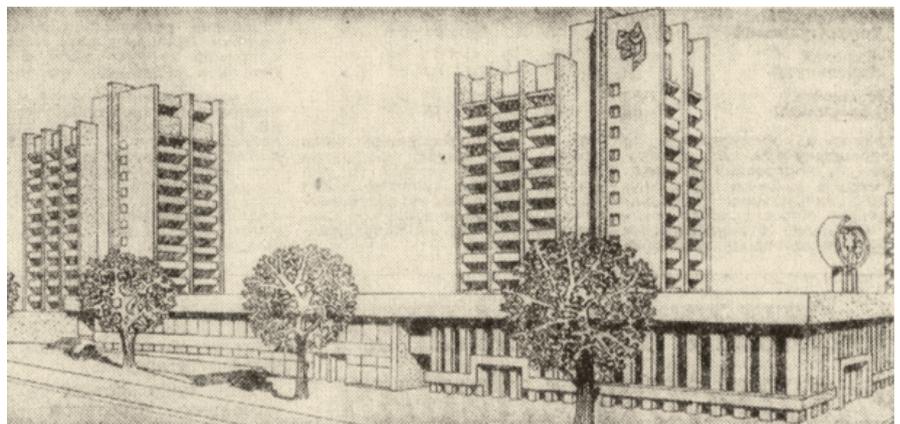
Не знаю, каким образом было затуманено внимание общественности.

В течение многих лет футбольное поле и каток были любимы всеми ульяновцами. Зимой на каток ежедневно приходили сотни жителей города.

Никто и меня не ставил в известность, хотя в своё время я был «правой рукой» Серафима Николаевича Титова, соавтором по комплексу Дома техники и 12-этажек. Моя уверенность в невозможности столь варварского отношения к центральной части генплана города была абсолютной.

В это время я был занят подготовкой своей выставки в Москве

Перспектива, выполненная Л.Н. Нецветаевым в процессе работы над проектом. Так должен был выглядеть Дворец бракосочетания, позже превратившийся в Дом техники

• Вид на ул. Минаева сверху. Слева видна зелень футбольного поля.
Начало 1980-х

• Вот как выглядела идеально законченная композиция застройки по улице Минаева

в Музее Пушкина, и был потрясён, увидев траншеи с уже уложенными коммуникациями. Дьявол стяжательства грубо надругался над ангелом справедливости.

Если раньше, едучи из Засвияжья, мы ещё издали видели высоты и Дом техники, то теперь это всё закрывал уродливый монстр. Безжалостными руками ульяновских деятелей убиты бывший городской каток и футбольное поле. А жильцам огромной девятиэтажки вместо утреннего неба приходится созерцать огромный торговый сарай... В своё время была идея площадку перед Домом техники посвятить имени С.Н. Титова – и это было бы справедливо, но сейчас, когда его замысел втоптан в грязь алчности, это немыслимо.

Редчайшее везение: футбольное поле и каток в центре Ульяновска, в шаговой доступности!

Глядя на старые фотоснимки этой части города, невозможно представить, что утреннее солнце, ярко освещающее жилую девятиэтажку чуть правее середины, будет закрыто огромным торговым монстром, умножающим ненасытные капиталы современных буржуев... Интересно бы узнать, какие доводы приводились в пользу этого варварского решения? Кто дал окончательное добро на убийство катка-стадиона и закрытие солнца жильцам? И не надо кивать на запущенность спортплощадки: расходы на её ремонт тысячекратно меньше средств, вложенных в эту позорную стройку века. Она именно позорна, ибо отняла у горожан шанс укреплять здоровье поблизости от дома, убила чёткую и просторную архитектурную композицию (как берегут парижане даже малюсенькие площади внутри плотной застройки! – примером будет хотя бы площадь Вогезов, тщательно оберегаемая с XVII века!). Да и подсунуть под окна жильцам огромного дома вместо зелени и утреннего солнца рыночный склад! Не мучает ли совесть исполнителя этой преступной ломки – самого архитектора?

Остаётся надеяться на разум далёких потомков, которые когда-нибудь поймут, что жизнь, красота и здоровье важнее денег, и снесут этот монумент.

Лев Нецветаев,
почётный архитектор России

Симбирская пленница: «Научи меня, Боже, любить...»

Из воспоминаний Анны Борисовны Сазоновой
«Мои переживания в 1916–1924 годах»

(Продолжение. Начало в № 5-2022)

Симбирск, 1919 год

В конце августа торжественно пришёл помощник начальника тюрьмы объявить по всем камерам о переводе многих из нас (преимущественно жён, мужья коих бежали с белыми) в концентрационный лагерь за оградой женского монастыря, и уже 1 сентября нам велели собираться, строиться и под конвоем повели нас по всем главным улицам Симбирска на наши новые квартиры...

МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ № 3

Помню, день был ясный, тёплый <...>. По дороге все попадавшие на нас, знакомые украдкой кивали, другие крестились, некоторые подавали нам милостыню <...>. Только тот, кто прошёл через подобное положение, поймёт, как такие подаяние глубоко трогают.

<...> Нас, женщин, поместили в двухэтажный каменный флигель, раньше занимаемый монашенками, которых почти всех Совком более или менее упразднил: старух монашенок поотправляли по их сёлам, а молодых, ещё годных к физическому труду, посылали на разные работы, а главным образом мобилизовали ухаживать за тифозными. Осенью 1919 года и зи-

мой 1920 года все роды тифа, преимущественно же сыпной, свирепствовали по всей России, и мало кто от этой мори выживал <...>.

Очень утешительно было иметь перед окнами церковь, собор монастырский, где ежедневно совершалось раннее служение и откуда через открытые окна доносилось до нас пение. Мы сразу стали просить и хлопотать о разрешении посещать службы, хотя бы раз в неделю, и действительно, в первую же субботу всех желавших отпустили, разумеется под конвоем, ко всенощной, а в воскресенье и к обедне.

Какая это была глубокая радость, увь, скоро пресечённая.

Хотя нас вводили в храм до прихода прочих молящихся, ставили отдельно в стороне, и хотя два здоровенных (за службой всё время сидевших) красноармейца тщательно охраняли все подступы к нам, некоторые заключённые «развели контакт» с толпой молящихся: были рукопожатия, стали передаваться и получаться записочки; и из-за неосторожности немногих хождение в церковь было нам всем воспрещено.

Я, впрочем, сама невольно нарушила запрет сноситься в церкви с внешним миром: не раз замечала я, что на меня добрым участливым взором поглядывала одна девица, по-видимому гимназистка, лет 15-16, и мы стали издали друг дружке улыбаться. Раз, при выходе из церкви, она вдруг подошла ко мне, быстро вынула из-за ворота свою цепочку с

крестом и, сняв с неё маленький образок, со слезами, целуя меня, сунула мне его в руку. Это было так неожиданно, так трогательно, что я могла лишь горячо обнять её в ответ и, не сказав ни слова, быстро последовала за выходящими уже из церкви другими арестантками. Эту иконку Божьей Матери «Нечаянная радость» я с той минуты никогда не снимаю и верю в её чудодейственную силу.

Позднее, от заключённой же, узнала я, кто была эта девушка, и как желала бы я, чтобы этой моей милой незнакомке Наташе Матерь Божия послала бы великую радость за этот её любвеобильный порыв.

Время шло, и снова подходила осень и стужа с постоянным симбирским ветром, <...> мне становилось холодновато в моём единственном туалете, в котором я была арестована в тёплый весенний день <...>, так что я была особенно рада получить от моей племянницы Наты Н. её пальтецо и пару тёплых перчаток <...>. Холода в этот год наступили рано, на работах зябли ноги. Но верна поговорка: голеный ох, а за голеным Бог. Вдруг вызывают меня к выходу и <...> передают мне пару чудных высоких валенок. Я не хотела их брать, думая, что это ошибка, что они предназначены, уж конечно, не мне, но вижу приветливый взор и слышу ласковый голос: «Именно вам, знаем, что без вины сидите», и, сунув эту великолепную обувь мне в руки, мои благодетели скрываются <...>. Эти валенки я не снимала вплоть до весны... Я носила

С уважением к прошлому

их три зимы и в начале четвёртой, т.е. в ноябре 1922 года, отбывая за пределы РСФСР, починив их, отдала одному другу, которой они, надеюсь, тоже ещё сослужили службу.

Я не раз замечала, что всё, что дается от души, бескорыстно, с любовью, всегда как-то особенно с пользой служит ближнему. Пример – мои валенки; и ещё раз спасибо давшей их мне рабе Божьей Ксении в Симбирске.

Дни шли однообразные, холодные, тёмные. Вторая годовщина Октябрьской революции шумно и с подчеркиванием праздновалась 7, 8 и 9 ноября в городе, и даже у нас в лагере по этому случаю было в бывшей трапезной с изображениями святых по стенам назначено торжество: хором заключённых пелся «Интернационал» и были какие-то декламации в присутствии начальства.

Так текла жизнь с ежедневными нашими повинностями <...>.

Раз комендант призывает меня, как выбранную лагерным старостой, в контору и велит собрать на утро 15 женщин для чистки одного здания тюрьмы после тифозных, помещавшихся там последний месяц. Приказ был настоятельный <...>. Возвращаюсь в камеры, обхожу их и прошу арестанток собираться. Ответ: «И не уговаривайте <...>». Я им доказываю, что положение наше такое, что разбирать не приходится: лучше добровольно согласиться, чем из-под ружья идти. Бывало, что упорствовавших прикладами выгоняли. Артачатся, не соглашаются. Только четыре, и я, конечно, пятая, согласились, остальные же «ни за что». Слава Богу, уговорила, набрала почти всю нужную братию, и вот утром строят нас, и мы отправляемся. Но когда мы вошли в здание, подлежащее чистке, я ужаснулась, и мне захотелось извиниться перед заключёнными <...>. Достаточно сказать, что в этом «изоляционном» помещении несколько предыдущих месяцев клались и умирали тифозные, лёжа прямо на полу, без матрацев, в лучшем случае на соломе, но и то редко сменявшейся, безо всяких тазов или сосудов, лишённые всякого ухода. Безнадёжных, почти умирающих, их сваливали куда попало, и каждую ночь наши арестованные мужчины, в виде трудовой повинности, посылались из лагеря выбирать мёртвых и «хоронить» их... Заключённые мне это не раз рассказывали: взой-

В первом ряду (слева направо): Ольга (1895–1920) и Александра (1897–1987), дети Петра Столыпина и Ольги Нейдгардт. Во втором ряду (слева направо): Анна Борисовна Сазонова (ур. Нейдгардт) (1868–1939), Наталья (1891–1949) и Аркадий (1903–1990) Стольпины. В третьем ряду (слева направо): Мария Аркадьевна (сестра П.А. Столыпина) (1861–1923), Елена Столыпина (1893–1985), Ольга Борисовна (ур. Нейдгардт, супруга П.А. Столыпина) (1859–1944), дочь Мария (1885–1985) и сам П.А. Столыпин (1862–1911).

дут они в такое помещение и поочередно, одного за другим, тянут больных за ноги; ежели заохает, оставляют до завтра, если молчит, вытаскивают вон, бросают одного на другого в розвальни и везут их так за город (выезжало их не менее 10-12 подвод каждую ночь) и там, опрокинув сани или телегу, груды сваливают в одну общую яму.

И так каждую ночь набиралось по всему городу в этом и двух других подобных госпиталях до 100 и более человек, которых и приходилось им так хоронить. Иногда случалось забрать ещё живого, который только под грудой мёртвых тел вдруг заохает <...>. В этих почти разлагавшихся кучах попадались люди со всех концов России, «буржуи» настоящие и бывшие, лежали вповалку красные и белые. Всех сравняла революция, всех обняла и уравнила смерть.

Живя подобными переживаниями, влекли мы невесёлые дни, но время всё же шло вперёд, и подкатилось Рождество 1919 года... Невесело встречали мы новый, 1920 год, каждая молчаливо на своей койке, каждая одиноко со своими мыслями, своими чувствами, своими мечтами и надеждами.

Что-то принесёт 1920 год?!

<...> Многое, многое передумала я и переживала за эти долгие месяцы, и теперь, в заголовок 1920 года

я ставлю: «И познаете Истину, и Истина сделает Вас свободными» (Ев. от Иоанна, гл. VI ст. 45).

1920 год. В восемь часов вечера помощник коменданта пришёл мне объявить, чтобы я немедленно собиралась, не пояснив, однако же, ни куда, ни на сколько, т.е. как у нас говорилось, не сказав: «с вещами» или «без вещей», что у нас имело условный смысл: «перевод в другое заключение» или попросту «на расстрел». Я перекрестилась и этим ограничила свои сборы. Кроме меня переводилась ещё одна женщина <...> и 12 мужчин. В десятом часу, в тёмный, безлунный вечер, под сильнейшим конвоем с ружьями наготове, погнало нас по безлюдным улицам и по глубокому снегу (накануне была метель, а улицы г. Симбирска расчищались плохо) ускоренным шагом к архиерейскому дому».

МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ № 4

Пока мы по пути туда шагали в этой таинственной обстановке, ко мне поминутно подходили то один, то другой из моих спутников с сообщением, что он слышал, что из нас четырнадцати ведомых жертв

12 предназначены к расстрелу, и каждый поочередно спрашивал моё мнение, кто именно обречённый. Я знала это, конечно, столь же мало, сколь они сами, и могла лишь отрезвить их сообщением, что «двух смертей не бывает, а одной не миновать» <...>.

Доведя до места, нас сдали под расписки дежурным по караулу, и перед нами в полумраке открылась тяжёлая железная дверь. Оказалось, что бывшие архиерейские кладовые в подвальном этаже были приспособлены под тюрьмы Губчека. Нас впили в вонючую, уже битком набитую камеру, где на нарах вдоль и поперёк сидели и лежали вперемежку мужчины и женщины. Было так тесно, душно, темно («кладовые», предназначенные на 10-12 заключённых, содержали уже граждан и гражданок 25-26), что нас всех даже втиснуть не смогли и впустили лишь нас, двух женщин, а мужчин отвели куда-то ещё.

Я как вошла, так первые минуты стояла недвижимо, пока глаз не привык к полумраку и я не разобрала, что рядом со мною кто-то на нарах потеснился и уступил мне на ночлег квадратик в пол-аршина.

Я не замедлила этим воспользоваться и села. Но ни прислониться, ни облокотиться не было никакой возможности, да и не к чему было прислониться, и мне невольно вспомнилось, как моя гувернантка-немка, поступившая ко мне, когда мне было около 13 лет, мне говорила: «gerade sitzen» (сидите прямо)... Тут я действительно могла в продолжение многих часов доказать прямому своего сидения. На рассвете я всё же не выдержала и стала клевать носом; моя голова и, вероятно, я вся стала куда-то опускаться и задремала <...>. Вдруг я была разбужена сильным ударом кованого каблука в лицо; вероятно, одному из моих соседей вздумалось потянуться во сне <...>. Мне этот удар причинил сильную боль, и ещё долго спустя переливался у меня цветами радуги огромный синяк на лбу и виске. <...> От тесноты и особенно от крайне тяжёлого воздуха я чувствовала себя плохо и продолжала молча сидеть на своём краешке нар. Прошёл день, и прошла вторая ночь без перерыва: никто нас не вызывал и расстреляны мы ещё не были. И на том спасибо.

Под утро вторых суток мне всё же, как я ни крепилась, сделалось дур-

но, и тут снова произошло нечто неожиданное, будто снова показался милостивый перст Божий.

На нарах против меня с добрым и утомлённым лицом сидел тоже заключённый, один молодой петроградский рабочий, арестованный за принадлежность к партии соц-рев., изредка участливо на меня поглядывавший. Как рабочий, он говорил громко и беззастенчиво, и к нему все прислушивались. Хотя я совсем не разговаривала с ним, он увидел, что мне нехорошо, вдруг кликнул караульного и попросил вызвать начальника, и когда тот явился, потребовал, чтобы меня выпускали на воздух и разрешили ежедневные прогулки. К моему великому удивлению, немедленно, приставив ко мне стражу, меня вывели на двор на чистый морозный воздух. Я сразу ожила. Но милость Божия продолжалась <...>. На следующий день, не успев меня снова выпустить на прогулку, как я увидела шедшую ко входу в наше здание одну коммунистку, сидевшую некоторое время со мною в тюрьме. Он знала меня и моё плохое здоровье, помнила, что я до конца Гражданской войны была переведена в лагерь, и очень удивилась, увидав меня снова в объятиях ЧК. Она сейчас же пошла к коменданту и заявила ему о желательности перевода меня снова в центральный лагерь, где мы, конечно, пользовались сравнительно большей свободой.

После некоторых переговоров меня в тот же вечер, а со мною и дру-

гих моих товарищей повели обратно в монастырь <...>. В лагере все радостно встретили нас, да и нам было приятно туда вернуться; там были все уверены, что меня и некоторых других из нас давно расстреляли. Посматривали только все на моё многоцветное лицо – следствие удара каблуком сонным соседом на нарах.

Вскоре по возвращении моём в лагерь из Губчека захворал тифом наш фельдшер, а два дня спустя и доктор объявил мне, что у него температура 39° и что, вероятно, заболевает и он и в эти дни не будет в состоянии к нам приходить и больных передает мне. Я и до того делала ежедневные перевязки двум монашенкам, у которых как осложнение после сыпняка были болезненные язвы за ушами, и я охотно приняла на себя наблюдение и за этими больными <...>.

В это самое время, что я была в пылу санитарной работы, меня 15 января под вечер вызывает комендант и ошеломляет известием, чтобы я была наготове, так как не сегодня-завтра я перевожусь в Москву. Я была совсем пришиблена этим известием. Я чувствовала себя плохо – оказалось, я тогда уже сама заболела тифом, к тому же я прижилась в лагере и чуяла все перемены к худшему, ожидавшие меня в «Центре» <...>.

На следующее утро я покинула лагерь, провожаемая издали всеми моими сожительницами по заключению; мы сжились, и жаль нам было расставаться <...>.

Спасский женский монастырь в Симбирске, превращённый после революции в концлагерь

Никогда не забуду я щемящее чувство при входе моём в вагон, арестантский вагон ГУ класса, стоявший, охраняемый часовыми, на запасном пути, далеко от станции, не только с решётками на окнах, но и из восьми окон которого пять были наглухо заколочены чёрными досками <...>.

МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ № 5

Я была приведена последнею, и выпавшее мне место было, конечно, у «чёрного» окна, да ещё около известного места, которое в течение 19 суток, что длился мой переезд из Симбирска в Москву, сыграло не меньшую роль в неприятности и неудобстве моего путешествия.

Когда я со своим узлом уселась на узкую скамью и не могла даже протянуть ноги, т.к. напротив уже сидел арестант с болезненным видом, тоже оказавшийся тифозным, один из конвоиров мне участливо шепнул: «Вагон это плохой, тесный; жаль, что не столыпинский». Я невольно поинтересовалась: «Какие же были столыпинские вагоны и чем они лучше?» На что он сказал: «А как же! В столыпинских вагонах банкетки были длинные, и арестанты на них могли вытянуться и лежать».

О иронии судьбы! Не думал мой дорогой покойный зять, утверждая тип арестантских вагонов «поудобнее», что они могли бы стать предметом вождения и недосыгаемой мечтою для меня <...>.

Выехав 16 января, только 3 февраля в ночь докатились мы до Москвы. За все эти без малого три недели нашего пути нам всего один-единственный раз дали тёплый обед с 1/2 ф. хлеба <...>, в остальное же время, и то неисправно, нам выдавался лишь хлеб утром и стакан кипятку <...>. Атмосфера нашего вагона была заражённая и во всех отношениях гнетущая. Я уже упомянула о моём близком соседстве с WC <...>. Переполнение нашей движущейся тюрьмы особенно ощущалось в редко пустовавшем пространстве рядом со мною, которое уже с первых дней перестало отвечать требованиям и поневоле заставляло заключённых распространять всё ближе ко мне район

своей «деятельности». Пока стояли сильные морозы, положение, как оно ужасно ни было, было ещё терпимо, но оно действительно стало невыносимым при вдруг наступившей оттепели, когда всё принялось оттаивать, мякнуть, благоухать и течь мне прямо в ноги <...>.

Я вообще, принципиально, никогда ни на что не жаловалась, видя полную бесполезность этого, и, может быть, именно своей пассивностью привлекала на себя более внимания, чем другие своим непроизводительным ропотом. Тут-то сам конвоир-начальник подошёл ко мне и предложил мне выйти на воздух, «пока вагон не приберут», причём должна отдать ему справедливость: он первый с лопатой принялся за это грязнейшее дело.

В Москву мы прибыли вечером. По выходе из вагона меня от недоумения шатало <...>. Надзор за мною в Москве резко изменился и стал крайне строгим: мне было запрещено не только с кем бы то ни было разговаривать, но было даже предложено не оборачиваться, не глядеть по сторонам, а идти прямо перед собой (а я от слабости всё валилась на сторону) между двумя хранителями-конвоирами. Таким образом, под бдительным оком моих спутников я была в 1-м часу ночи приведена в небезызвестное ВЧК».

МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ № 6

Я была так разбита, что даже не ощутила холодного ужаса, вызываемого в сознании всех, вступающих под сень «Чеки» <...>. Часовой привёл меня в тесную, низкую комнатку под чердаком, где ввиду позднего часа уже спали на нарах женщины, много женщин, а на стуле рядом сидел страж с винтовкой и с пистолетом. <...>. Я уже собиралась и здесь прижиться, хотя ох как было плохо, но уже на 3-е утро мне велели снова собираться и повели, уже с одним конвоиром, неподалеку, на той же Лубянке, в Особый отдел Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. После тех же формальностей, заполнения анкетных листов, обысков узла и меня самой (причем солдат-красноармеец

обеими руками обшаривал меня под юбками, не зашито ли что в белье!), я была ввергнута в комнату без окон, но с двумя дверьми, где на нарах находились всего двое, двое мужчин, тоже с бесконечно удрученными лицами. Впрочем, полагаю, что и у меня после всех моих передрыг был не более радостный вид.

МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ № 7

В особом отделе отняли у меня и обручальное кольцо, и, что мне было дороже всего, моё Евангелие, ещё детское, никогда меня не покидавшее с 1877 года <...>.

На обед нам дали два блюда и 1/2 ф. черного хлеба на человека – целый пир горой. Я, голодавшая три недели, как волк бросилась на гороховую кашу и чуть не залпом выпила из котелка весь водянистый, с плавающими редкими листочками капусты-горячий суп, и тут же, растянувшись на нарах (благо было широко), крепко заснула. На следующее утро снова тревога, снова передвижение: через многие дворы, опять на 5-й этаж, сперва в канцелярию, а затем и в тюрьму Особого отдела...

МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ № 8

<...> Прoderжали меня несколько часов на скамейке перед дверьми в канцелярию (моим соседом был бельгийский офицер, два раза приносивший мне воды напиться), затем снова подвергли и меня, и мои вещи обыску и наконец повели в камеру № 1, сравнительно чистую комнату, без нар, а с отдельными узкими койками из голых досок. Окна с решётками были густо замазаны снизу доверху, и не было даже возможности угадать, куда они выходят. В комнате и днём был полумрак.

<...> Это была самая серьёзная тюрьма, в ней помещались «сливки контрреволюции» и была строжайшая дисциплина.

<...> Принесли кипятку на чай, который я только что возмечтала ис-

пользовать на умывание и после почти 4 недель пытки без раздевания и мытья наконец лечь, помывшись, без валенок, без пальто, без платья, как вдруг сперва вошёл часовой и стал с винтовкой у двери, а за ним две женщины, которые прямо подошли ко мне, причём одна принялась рыться в моих вещах, а другая, раздев меня до рубашки, приподняла её и тщательно меня обшарила. Обыск 4-й в три дня и, как все предыдущие, вполне безрезультатный <...>. До сих пор, хотя я чувствовала то озноб, то жар, я всё ещё кое-как держалась на ногах, но здесь последние силы меня покинули, и я в полном истощении легла на указанные мне доски. Я была покрыта вшами, приобретёнными в долгом пути, что заставило моих соседок не только меня сторониться, но даже всех забиться в один угол <...>. Я видела, с каким отвращением и страхом (как бы не заразиться от меня) они на меня смотрели, и когда на следующее утро на поверку пришёл сам начальник, они энергично заявили претензию, «чтобы меня удалили из их камеры» как вшивую и тифозную <...>.

Через некоторое время запоры снова отворяются, но вместо ожидаемого доктора входят два солдата, в остроконечных, недавно установленного типа, шлемах, один, как требуется, остаётся с винтовкой у двери, другой подходит ко мне: «Собирайтесь к доктору, а заодно и к фотографу».

Снимали меня и в профиль, и прямо в лицо, со взглядом в аппарат и вбок, и я дорого бы дала теперь, чтобы увидеть эти шедевры эстетики и красоты <...>.

МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ № 9

Бутырская больница, даже в том крайне изгаженном, попорченном виде, в котором я её тогда впервые увидела, поразила меня целесобразностью и санитарностью своего устройства, <...> но форточки не открывались, в камерах был тяжёлый воздух из-за недействовавшей канализации, а температура была в лучшем случае (когда топилась на скорую руку сложенная кирпичная печь в коридоре) не выше двух градусов <...>.

Новинская женская тюрьма. 1910

Моя койка была первая у открытой двери, и через коридор напротив в противоположную палату была тоже открыта дверь: прямо против меня лежала женщина с истомлённым, неподвижным взглядом, и мы издали невольно смотрели друг на друга. Глядя на мою одиноко лежавшую «визави», к которой никто ни разу не заглянул, сама я, не будучи в силах встать, уже под вечер рискнула заметить: «И что это все к нам ходят, а вот лежит женщина одна напротив, и никто к ней не заглянет. А она безмолвно всё смотрит на меня». Долго меня никто не понимал, о ком это я говорю, наконец, смеясь, кто-то воскликнул: «Да что к этой заходить: она с утра умерла, а сейчас 7 часов вечера!»

11 февраля нам объявили, что мы переводимся в Новинскую тюрьму <...>.

МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ № 10 И ПОСЛЕДНЕЕ

Здесь нас не ожидали. Камеры для нас не были готовы, и нам велели временно расположиться у железных решёток, в «приёмной», где в разрешённые дни и часы происходят свидания арестанток с внешним миром.

Затем нас отвели в соседнее помещение, приказали раздеться догола и сдать все наши вещи для дезин-

фекции, нас же самих – о радость – тут же рядом вели в баню. Всё моё тело изныло не только от болезни, но и от грязи и вшей, безжалостно кормившихся мною более месяца, и чувство струившейся по мне горячей воды, возможность наконец скинуть грязное бельё и вымыться было одно из самых отрадных, которое я когда-либо в жизни ощущала <...>. После этого мне выдали рубаху и юбку из толстейшего холста, холщовые же чулки без пяток и носков, арестантский халат и короткую куртку солдатского сукна. На ноги разрешили надеть мои валенки, и повела меня надзирательница Ольга Петровна через двор, в камеру.

Хотя здесь первые дни пришлось лежать на полу <...> и не всё было мне по вкусу, Новинская тюрьма все же показала мне милее всех прочих мест моего заключения. Я так была рада ощущать чистоту тела, что, несмотря на грубейшее бельё, с непривычки будто царавшее меня всё время, я вдруг подбодрилась и устроилась между двух соседок, со мною прибывших из Бутырской тюрьмы.

Одна, направо, была Надя, молодая воровка, тифозная и беременная, вот-вот ожидавшая родов, другая – 50-летняя анархистка; обе, как и я, тяжело больные. За несколько дней близкого сожительства мы друг к другу привыкли и дружили. Надя вскоре разрешилась девочкой, которую за неимением другого места тут же положили ко мне на койку, пока фельдшерица возилась с очень страдавшей и бывшей в беспомощности матерью. Когда всё успокоилось, моя соседка слева просит меня посмотреть, жива ли ещё моя соседка справа. Я отвечаю: «Я не могу двинуться: я умираю». Тогда она через меня перекидывается, схватывает руку Нади, как оказалось, уже умершей, но от этого усилия сама приходит в обморочное состояние, перетянув, однако же, покойницу частично на меня. До сего дня чувствую я холод и тяжесть – это невыразимое ощущение ледяного меня груза. По счастью, в Новинке, не в пример Бутырки, покойницы в камерах не залёживались, и бедная Надя была скоро вынесена; её же полуживой ребёночек был тут же отправлен в приют <...>, а через несколько дней по пути в Бутырку умерла и вышеупомянутая соседка слева.

Видно, Бог решил, чтобы я осталась жива <...>. При утреннем обходе врач сообщает нам распоряжение, что «всех тифозных снова переводят в Бутырскую больницу». Слыша это, я не без ужаса спрашиваю: «Как, и меня?» Ответ: «Да, и вас. Всех». Позднее я вижу, как все назначенные к переводу начинают собираться и увязывать свои узлы и узелки, пробую и я встать и уложить свои вещи, но решительно не чувствую силы это сделать. Ещё позднее я вижу, как всех уже выводят, а меня будто забывают, в камере наступают сумерки <...>. Я была оставлена, т.к. не рассчитывали, чтобы я вообще выжила, и не хотели, чтобы я умерла дорогой.

<...> У меня и в этой тюрьме были друзья и благодетельницы (я ведь была парализована, от малейшего усилия задыхалась и вообще была крайне слаба), и они оказывали мне всевозможные услуги, кто чем мог: стояли в очереди за обедом и приносили мне его, ухаживали за мною.

Как сейчас помню, как одна из них, ещё совсем подросток, чтобы сделать мне что-нибудь приятное, говорила мне стихи, в детстве ею слышанные стихи-молитву, до того времени мне ещё не знакомые, но которые я скоро выучила наизусть и ежедневно повторяла. Она, сидя на моей койке, вдруг начала задумчиво и осмысленно декламировать:

*Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя,
всем помышлением,
Чтоб всю душу Тебе посвятить,
И всю жизнь,*

*с каждым сердца биением.
Научи Ты меня познавать
Лишь Твою милосердную волю.
Научи никогда не роптать
На мою многотрудную долю.
Всех, которых пришёл искупить
Ты своею пречистой кровью,
Научи меня, Боже, любить*

*Бескорыстной, глубокой любовью.
(Великий князь Константин Константинович Романов (1858–1915))*

Много, много хорошего могу я сказать об этих «отверженных» существах, на которых я в тюрьме научилась смотреть как на тех «мытарей и грешников», о которых Господь сказал: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперёд вас идут в Царство Божие» (Ев. Матф. гл. 21, ст. 31).

<...> Как только я была в силах чем-нибудь заняться, даже ещё не покинув одра болезни, я принялась за шитье и вышивание <...>. По вечерам и праздникам на дворе раздавалось пение хором, с запевалой, большей частью Феней Коссино, во время моего пребывания в Новинке два раза выписывавшейся и снова «засыпавшейся», (как у нас говорилось) за присвоение чужой собственности. <...> Вижу и юную Тоську Пушкину, танцующую и не выпускающую папирсы изо рта, и умницу Наташу Архипову, наводящую порядок и страх на строптивых; и мою кроткую соседку Валу Ботину (проститутку), красивую и печальную, и многих других. Где-то они все теперь? Как живут? И поминуют ли меня, как я их?

<...> В августе, от жаркой ли погоды, от чего ли ещё, я снова почувствовала себя худо и у меня опять сделался сердечный коллапс. Тогда я была уже переведена в здание больницы (зимой неотопливаемое и закрытое) и лежала в отдельной маленькой палате с приставленной ко мне нянькой. Сёстры милосердия, попеременно дежурившие при больнице день и ночь, были рядом в аптеке, и спасибо добрым Ксении Влад., Елене Ивановне и всем другим за их заботливое отношение.

В ночь с 5 на 6 августа мне было так плохо, что я пожелала причаститься и заявила о сём при утренней проверке; мне сказали, что священник в церкви и служба началась. Я боялась умереть без принятия тела Христова, собрала последние силы и с помощью двух заключённых дошла через двор до нашей церкви. Меня ввели в ризницу, и так как я стоять не могла, а стульев для нас не полагалось, то мои друзья выдвинули ящик шкапа с облачениями, на который и посадили меня. Вышел батюшка и тут же исповедовал меня; он меня спросил, «могу ли я ждать до выноса Даров, чтобы причаститься». Я надеялась, что да, но мне вдруг стало так худо, что одна заключённая уведомила об этом священника, который вскоре вышел ко мне и причастил меня запасными Дарами, причём я сама прочла вслух «Верую, Господи, и исповедую». После этого меня снова под руки увели и доставили благополучно до моей кровати.

Я была очень счастлива в тот день. Помню, как сейчас, какой глу-

бокий мир был у меня тогда на душе.

Действительно, тогда в сердце были у меня только любовь и прощение. Вот тогда, в тот день, мне и следовало умереть. Но Бог судил иначе, значит, на то Его указание и воля.

Вспоминается, что как-то заключённые, разговаривая, спрашивали друг друга: кто к какой партии принадлежит? Кто какому учению следует? И с этим вопросом обратились и ко мне <...>. Я сказала: «Если хотите, я тоже «партийная»: я – православная христианка и исповедую учение Господа нашего Иисуса Христа и верю, что всё, Им посылаемое, всегда для нашего блага».

<...> В день моих именин, 9 сентября, у меня было семь посетителей (не допущенных, впрочем, ко мне), вспомнивших меня, и каждый чем мог, главным же образом своим добрым вниманием, порадовал меня. Хотя я никого не видала, я от одного радостного волнения совсем устала и легла. Я ведь ещё была очень хилая. На следующее утро, в памятный мне четверг 10/23 сентября, ко мне входит наша начальница, присаживается ко мне и, с участливым вниманием глядя на меня, спрашивает, как я себя чувствую. Затем, будто понемногу меня к чему-то подготавливая, предлагает мне погулять, хотя это не был час, когда на прогулку выпускались из больницы, и говорит: «Вы даже можете в контору пройти, там к вам пришли на свидание...» Я всё более недоумеваю, напряжённо на неё, дорогую, добрую, гляжу и слушаю её, и вдруг она со слезами на глазах, горячо целуя и обнимая меня, говорит мне: «ВЫ СВОБОДНЫ!».

ЕСТЬ БОГ.

Приблизьтесь к Богу, и Он приблизится к Вам. Бог есть.

Послесловие

После освобождения Анна Борисовна покинула Россию и эмигрировала во Францию. Там она со свойственной ей активностью приобщилась к церковной деятельности, занималась благотворительностью и вместе с братом Дмитрием Борисовичем Нейдгартом работала в созданной им же в 1927 году Зарубежной казне для помощи русским эмигрантам. Ушла из жизни в 1939 году.

Материал подготовил
Нафанаил Николаев